

ШОТА РУСТАВЕЛИ

ВИТЯЗЬ
В ТИГРОВОЙ
ШКУРЕ

ГРУЗИНСКАЯ ПОЭМА

ACADEMIA

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Битязь,
в тигровой
шкуре

ПОЭМА
ПЕРЕВОД
С ГРУЗИНСКОГО
К. Д. БАЛЬМОНТА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ACADEMIA
МОСКВА-ЛЕНИНГРАД
1937

*Переплет, титульные
листы, заставки и
концовки Б. В. Шварца
Иллюстрации с рисунков
Зичи*

От редакции

О биографии Ш. Руставели, автора настоящей поэмы, имеются различные предположения.

Единственным достоверным источником того, что мы знаем о нем, является его же поэма «Витязь в тигровой шкуре». С несомненной достоверностью можно установить эпоху жизни и деятельности поэта, но точная дата написания поэмы не поддается строгому определению. Только путем сопоставления исторических фактов с содержанием поэмы, т. е. с историческими указаниями, содержащимися в самой поэме, возможно конкретизировать тот отрезок периода, в пределах которого могла быть написана поэма. Этот отрезок — конец XII и начало XIII столетия нашей эры.

Упоминание или неупоминание в поэме известных исторических фактов и событий дает единственно правильную нить для ответа на вопрос о моменте написания поэмы.

В этом направлении пред нами встанут следующие вопросы: 1. Чем объяснить, что Руставели, перечисляя и даже подробно описывая

важнейшие современные ему государства Востока и Запада, ни единым словом не обмолвился о крупнейшей империи средневекового Запада — Византии? 2. Чем объяснить то обстоятельство, что поэт, детально знакомый нас с Индостаном, ничего не говорит о государстве Горидов, провинцией которого являлся Индостан? 3. Тот же вопрос возникает в отношении великой империи монголов, о которой совершенно не упоминается в поэме, тогда как другие крупные государства Востока, например, Хваразм и Хатайя, описаны поэтом детально. 4. Что за государство «Романья», о которой говорит поэт, каковы исторические даты его существования, и как оно могло попасть в поэму Руставели? Анализ этих вопросов проливает свет на поставленный вопрос.

Отсутствие упоминания Византии на всем протяжении поэмы, кажущееся с первого взгляда странным, имеет простое объяснение, если мы обратимся к истории самой Византии. Во времена Руставели Византийской империи не существовало: она была разрушена крестоносцами и венецианцами и поделена между ними. Этим было прекращено временно существование Византии, и перерыв в ее существовании продолжался 57 лет (1204—1261 гг.). Несомненно, что поэма Руставели была написана во время этого интервала, т. е. после падения Константинополя и до его восстановления. Этот вывод подтверждается упоминанием Руставели о государстве «Романья», основанном на развалинах Византийской империи французскими рыцарями после взятия Константинополя, т. е. после 1204 г.

Переходя к вопросу об Индостане, мы путем аналогичного сопоставления исторических фактов приходим к тому же выводу: государство Горидов, провинцией которого являлся Индостан, было разрушено в 1204 г. Махмудом Хваразмским, а образование обособленного Индостанского султаната из бывших провинций государства Горидов произошло в 1206 г. Вот почему Руставели пространно говорит об Индостане и ничего не говорит о переставшем существовать в его время государстве Горидов. Данные из истории великих государств Востока, главным образом Монгольского, Хваразмского и Хатайского,

дают указания относительно даты, позднее которой не могла быть написана поэма Руставели. Ясно, что поэт писал ее до нашествия монголов, уничтожения Чингиз-Ханом Хваразма и установления монгольского владычества в Передней Азии — 1236—1238 гг.

Итак, в самой поэме можно найти достаточно исторических данных для определения времени ее создания. Это, несомненно, было время царствования царицы Тамары (1184—1213), блестящее начало Ренессанса грузинской культуры, «золотой век» истории Грузии. В ряде вступительных и заключительных строф поэт восхваляет царицу и ее супруга, Давида Сослани.

Кроме приведенных исторических фактов, самый язык Руставелиевой поэмы служит материалом для разрешения вопроса относительно времени возникновения поэмы. Он исключает возможность перенесения даты ее написания в XVI и XVII вв. С другой стороны, нет возможности отнести это произведение к более поздней эпохе, чем первая четверть XIII в., так как нашествие монголов и особенно Тимура, пятикратно вырезывавшего население Грузии, совершенно уничтожило какие бы то ни было условия для развития грузинской культуры и литературы. После классического периода, нашедшего трагический конец при монгольском нашествии, грузинская литература оживает лишь в XVI и XVII вв.

Что касается биографии Руставели, то можно сказать, что у Руставели нет биографии: его биография — его поэма, если не считать нескольких народных преданий биографического характера, достоверность которых пока никем не установлена. В двух строфах вступления и двух — эпилога поэмы сказано, что эти стихи пишет он, Руставели:

Вот запел я, Руставели, в сердце мне вошло копьё.

(«Вступление».)

Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви.

(«Вступление».)

Месх безвестный, Руставели, написал я этот сказ.

. . . . .
Амирана пел Хонели, про Абдул-Мессию пели
Строфы звучные Шавтели, — он в искусстве преуспел.
Диларгета пел Тмогвели, я же, некий Руставели,
О великом Таризле, проливая слезы, пел.

(«Заключительные строфы».)

Приведенные строки из текста поэмы определяют два важных момента: во-первых, авторство Руставели и, во-вторых, родину, место рождения поэта. Мы не останавливаемся на авторстве, так как этот историко-биографический момент не представляет собой проблему, — он факт непреложной и несомненной точности. Вопрос же о родине поэта — в узкогеографическом, конкретном смысле — в исследовательской литературе подвергался большим сомнениям и дебатированию. Но нам неизвестно указание более авторитетного значения, чем заявление самого автора поэмы о том, что он певец села Рустави, из Месхети. Месхети была одной из культурнейших провинций древней Грузии. И по народному преданию, Руставели происходил из месхетского села Рустави. Однако, до сих пор имеют место попытки отнесения Руставели к другой провинции Грузии, главным образом, к эретскому Рустави, расположенному к востоку от Тифлиса. Если ко всему вышесказанному о биографии Руставели добавить народные предания о том, что поэт получил образование в Греции, и будто бы в преклонном возрасте поехал в Иерусалим, где достиг глубокой старости и умер в одном из грузинских монастырей, наши сведения о жизни и личности Руставели будут совершенно исчерпаны.

Предание о греческом образовании Руставели имеет основание достоверности в связи с тем, что поэт обнаруживает в своей поэме глубокое знакомство с античной философией вообще и, в частности, с философией Платона и неоплатоников — Прокла, Немезия, Дионисия Ареопагита, Плотина. Руставели знаком также с учением Эмпедокла о четырех элементах. Не лишено также основания предположение, что Руставели

хорошо знал Гомера. Надо полагать, что «Илиада» и «Одиссея» оказали на него известное влияние. К этому заключению приводит сходство композиционного плана, сюжетной канвы и методов ее развертывания, сходство в обрисовке главных героев и характер творчества обоих авторов. Хотя ко времени Руставели, вероятно, имелись в переводах на грузинском языке произведения греческих неоплатоников и грузинской философской школой были составлены комментарии к этим произведениям, но философский горизонт Руставели был несравненно шире учения какой бы то ни было одной философской школы, он охватывал и непереведенную литературу. Руставели, несомненно, стоял на вершине знаний своей эпохи, и если греческое образование можно признать высшим образованием того времени, то приведенное народное предание получает достоверный характер.

Но параллельно со знанием философии и литературы Запада, Руставели обнаруживает глубокое знание иранской и арабской литератур (Фирдоуси, Гургани, Низами), а также знакомство с суфизмом. Поэт цитирует некоторые персидские произведения, очевидно оказавшие влияние на его творчество. «Таких страданий не испытали ни Висо ни Рамин», * говорит в одном месте Руставели, цитируя знаменитый роман персидского поэта Фахр-ад-дина Гургани. Далее можно перечислить: героическую поэму «Амиран Дареджаниани», являющуюся частичной переделкой персидского произведения Кисол Гамзи, «Книгу царей» («Шах-Наме») Фирдоуси, «Леила и Меджнун» Низами.

Обращает на себя внимание одна особенность поэмы. Грузинская поэма, созданная на прекрасном грузинском языке, созданная знаменитым грузинским поэтом, не носит, однако, национально-грузинского характера. Герои поэмы — арабский царь, арабские принцы и принцессы, мавры, хваразмийцы, турки, европейцы; в поэме нет ни одного грузинского героя.

Чем объяснить это, на первый взгляд странное, явление?

* У Бальмонта это место не переведено.

Некоторые полагают, что под арабскими, индийскими и прочими персонажами скрываются национально-грузинские герои, а события, обрисованные автором и разыгрывающиеся на пространстве от Индостана до Мавритании и Гибралтара, будто бы символически отражают исторические события из жизни Грузии.

Нам это предположение кажется слишком искусственным и маловероятным. Возможно, что сам автор поэмы дает нам ключ к пониманию этой особенности поэмы, когда он говорит:

Сказку персов, их намеки влил в грузинские я строки...

(«Вступление».)

Не лишено вероятия, что автор действительно использовал какое-то персидское сказание, фабулу которого он положил в основу поэмы, влив туда свои колоссальные знания в области истории современных ему народов и придав ей высокохудожественную поэтическую форму.

Руставели стоял на высотах современной ему культуры, был вооружен глубоким знанием литературы и философии, был образованнейшим человеком своей эпохи. Культуры Востока и Запада, ирано-арабская и греко-византийская, нашли в нем блестящего выразителя. Поэма Руставели представляет продукт взаимодействия двух культур, своеобразный синтез их. Но Руставели явился в жизни Грузии не как *deus ex machina*: он сын своей страны, своего народа, родной культуры. Эпоха XI—XIII вв. в истории Грузии представляет эпоху наивысшего расцвета и развития ее экономической, политической и культурной жизни. Этому, главным образом, способствовали: местонахождение Грузии на рубеже двух миров — мусульманского Востока и средневекового христианского Запада; происшедшее в начале XII века освобождение Грузии от иноземного владычества; оживление международных и торговых сношений в результате крестовых походов; расширение территориальных границ Грузии (от Черного до Каспийского моря, от Северного Кавказа до персидского Азербайджана и Эрзерума) с включением в ее пределы одного из самых значительных центров иранской литературы —

провинции Ширван, родины великого иранского романтика Низами (XII в.). Решающую роль в деле политического объединения и возрождения грузинского государства сыграли также разложение халифата и распадение султаната. Расцвет грузинской литературы и культуры XI—XIII вв. является несколько запоздалым продолжением «золотого века» арабо-иранской культуры и первым ростком европейского Возрождения, охватившего все культурные страны несколько веков спустя. Целая плеяда выдающихся людей — зодчих, оставивших ценные образцы грузинского архитектурного стиля, ученых и философов, сплотившихся в целые школы и группировавшихся в научных учреждениях Грузии, плеяда писателей-поэтов во главе с Руставели, — все это высоко подняло и понесло знамя грузинского Ренессанса.

Поэма Руставели отразила в себе основные идеи грядущей эпохи Возрождения, широту ее мировоззрения и свободомыслия, ее гуманизм. Нельзя не отметить ложность и ошибочность позиции некоторых исследователей, стремящихся замкнуть значение и содержание поэмы в рамки грузинской национальности. Такая узконациональная оценка и такое произвольное толкование поэмы свидетельствуют о полнейшем непонимании ее. Руставели рвет национальную замкнутость, он подымается на высоты общечеловеческих проблем, разбивает цепи религиозно-христианской идеологии и средневекового мышления. Духом космополитизма пропитано его творение, и его географический горизонт охватывает полмира — от Китая и Индии до Атлантики и от Африки до среднеазиатского Турана. Его персонажи — представители разных народов и стран. Его философско-религиозное мировоззрение лишено специфических черт национального духа и мышления и направлено против идеи мусульманства и христианства, против позитивных религий и обрядовой религиозности. Руставели мыслит бога в виде некоей световой сущности и считает солнце эманацией бога. Героиня поэмы Нестандареджан пишет:

«Моли за меня божество: быть может, оно избавит меня от страданий в этом мире и от соединения с огнем, водой, землей и воздухом. Пусть

даст мне крылья. Я взлечу и достигну своего желания. День и ночь буду созерцать сверкание солнечных лучей. Солнце заключает и тебя, так как ты его частица: конечно, прилепишься к нему ты, его зодиак (созвездие), а не отвергнутое творение. Там (в солнце) я увижу тебя, уподоблю тебя ему, и ты осветишь мое омраченное сердце, и если жизнь моя была горька, то да будет мне сладка смерть».

Герой поэмы Автандил говорит:

«О солнце, молю тебя, победителя всех непобедимых, возвышающего низших, дающего царскую власть достойным, не разлучай меня с возлюбленной, день мой не обращай в ночь».

Философско-религиозная концепция Руставели сводится к обожевлению природы, к солнцу, как животворящему началу, источнику жизни и движения, сущности вечной и бесконечной. Руставели близко подходит к пантеистическому пониманию мира, признанию природы богом. В этом смысле он стоит несравненно выше великого Данте, гениальное произведение которого носит на себе тяжелую печать средневекового мышления, схоластики, христианской идеологии. *

Руставели говорит: «Как может бог спасти одного, если не погубит другого?» Руставели мыслит мир как борьбу двух противоположных начал — добра и зла, причем считает, что бог не в силах сотворить добро и одновременно устранить зло. Но из этих двух борющихся начал — положительного и отрицательного, бог помогает победе положительного начала, добра. Добро в конце концов всегда побеждает. «Зло побеждено добром, сущность которого долговечна», говорит поэт в финале поэмы. Вера в торжество добра побуждает героев поэмы совершать богатырские дела и подвиги.

Руставели жил в эпоху феодализма, в обществе, основанном на феодальной эксплуатации крепостного труда. Нарождающиеся элементы

* Поэтому поэма Руставели всегда подвергалась жесточайшим гонениям со стороны духовенства как еретическая книга. Большая часть его первого издания (1712 г.) была, по приказанию грузинского католикоса, предана огню.

торгового класса играли подчиненную роль, но они уже отчасти проявляли себя в политике. Их интересы диктовали им борьбу за уничтожение феодальных перегородок внутри страны, борьбу за единое, объединенное, сильное государство. В феодальном обществе времен Руставели боролись две силы, два течения, две противоположности: абсолютизм и феодальный партикуляризм. Абсолютизм представлял в ту пору начало положительное, прогрессивное, «доброе». Феодальный партикуляризм с дроблением страны и государства на отдельные области с маленькими царьками во главе, представляющий систему многовластия, — начало отрицательное, регрессивное, «злое». Руставели стоял за абсолютистскую власть и против феодального партикуляризма.

Признавая феодальное государство с абсолютистской властью за лучшую форму организации общества, Руставели должен был признать и его основу — крепостнический труд. Он идеализирует крепостничество — рабство, как институт, но привносит в свое отношение к нему элементы гуманизма, не имеющие, впрочем, существенного значения. Он говорит: «Лучше всех та любовь, когда влюбленными являются господин и раб». Руставели за индивидуальное освобождение рабов в порядке акта милости, гуманного отношения к человеку, но он, вместе с тем, не мыслит ничего лучшего, чем феодально-крепостническая система отношений. Он хотя и одобряет, когда один из его героев завещает освободить его рабов, чтобы те молились за его душу, но устами самого раба дает положительную оценку этому институту: «Что я могу найти лучше рабства!», восклицает раб. Руставели увековечивает феодальный строй со всеми его общественными классами, базисом и надстройками, становясь на почву гуманитарных реформ в области взаимных отношений эксплуататоров и эксплуатируемых. Сравнительной устойчивостью современного Руставели феодального строя объясняется также тот в высшей степени оптимистический дух, которым щедро наделены герои поэмы.

Каковы основные тематические идеи произведения?

Что воспевает Руставели? Что является главным мотивом его поэзии? Любовь к женщине. Но это вовсе не обыкновенная, плотская любовь.

Любовь в поэме Руставели приобретает особые возвышенные качества всепоглощающей страсти: ее нельзя объять умом, передать языком; она столь прекрасна, что не поддается изображению. Она — высшее благо, источник восторга и вдохновения. Предающиеся этой страсти должны обладать всеми высокими качествами — мудростью, богатством, щедростью, молодостью, красноречием, здравым смыслом, уступчивостью — и быть всегда в состоянии побеждать непобедимых. Только тот достоин этой страсти, кто все свои помыслы отдает ей и для нее может жертвовать собой. Мужчину, одаренного такими качествами, поэт называет арабским словом «миджнури», которое означает человека, «обреченного» любви, человека, который безропотно несет это роковое для него назначение. Герои Руставели — рыцари, помнящие только о своей возлюбленной. «Любовь возвышает», говорит поэт устами своих героев.

Казалось бы, любовь такой исключительной силы должна затмить собой все другие чувства, но, на ряду с любовью к женщине (а может быть и выше нее), Руставели ставит любовь и верность к другу, беспредельную преданность ему, самоотверженно заставляющую пренебречь собственным счастьем.

Герой Автандил, находящийся на высоте славы и могущества, на несколько лет покидает свою возлюбленную, царицу Тинатин, навлекает на себя гнев любящего его, как родного сына, царя Ростевана, бросает свою армию и тайно уходит в чужие страны только для того, чтобы помочь своему недавно обретенному другу — Тариэлю. Его не привлекает личное счастье, пока его друг переживает безысходное горе.

Другой герой, Фридон, без колебания идет на помощь тому же Тариэлю, рискуя всем своим состоянием и жизнью.

Этим двум героям не уступает и сам Тариэль. Во имя дружбы он не только временно отказывается от своего личного счастья, но даже забывает свое глубокое горе и самоотверженно бросается на помощь попавшему в беду неизвестному герою. Все они одинаково понимают долг дружбы, который выражен одним из героев в следующих словах: «Друг должен переносить в интересах своего друга все невзгоды и отдать

ему сердце за сердце, чтобы любовь была между ними соединяющим мостом и дорогой».

Весьма характерны также воззрения героев поэмы, разделяемые и самим автором, на ценность жизни, на социальную значимость различных ее благ.

Нужно ли дорожить жизнью как таковою? Нет, не всякая жизнь достойна человека. Славная смерть лучше позорной жизни. Смерть может постигнуть человека в любой момент. Ее не избежать ни сильному ни слабому, ни молодому ни старому. Все превращается в прах, кроме славы. Никакие приобретения не обладают долговечностью, кроме доброй славы, достижение которой и есть высшее благо в жизни. Отсюда — презрительное отношение к людям, цепляющимся за свое существование. Что может быть отвратительнее мужчины, лицо которого во время боя искажается от страха и ужаса смерти? Нужно раз навсегда примириться с неизбежностью смерти. Когда роза увядает и сохнет, она умирает и уступает место другой. То же происходит и с человеком, ибо таков закон жизни. Какую ценность может представлять такое состояние? Чего стоит свет, в который уже проникает тьма? Поэтому надо во-время распорядиться на случай смерти и спокойно ждать завтрашнего дня.

Эти взгляды на закономерность природных явлений носят на себе печать веры в незыблемость судьбы, предопределения. Ничто не может произойти без воли провидения — таков основной принцип, беспрекословно признаваемый всеми героями поэмы. Тем не менее, вера в предопределение не обрекает ее последователей на фатализм, на бездеятельность, на пассивное созерцание. Наоборот, в этой вере человек черпает силы для самой активной деятельности. Герой поэмы, идущий на рискованное дело, рассуждает так: ничто не властно надо мной, кроме провидения, даже в том случае, если все силы земли выступят против меня. Если же угодно будет провидению, чтобы я погиб, тогда не спасут меня ни неприступные крепости, ни близкие, ни братья. Кто это понимает, тот так же храбр, как я. Героев не обескураживает сознание того, что мир похож на переменчивую погоду: то солнце светит человеку, то небо обрушивается

на него всеми грозами и бурями; за счастливыми минутами всегда следуют потоки слез.

Напрашивается вывод, что для человека и нет другого выхода, как положиться на судьбу и приспособиться к установившемуся порядку. Но герои поэмы часто и с полным сознанием нарушают установленный ход вещей. Устами главного героя поэт хвалит разумность мудрых, сопротивляющихся и идущих наперекор судьбе. В самом начале поэмы мы имеем явное нарушение веками освященного обычая: на царский престол возводится женщина, и мотивируется это тем, что женщина равна мужчине и ни в чем не уступает ему.

В этом высказывании уже чувствуется то отношение поэта к женщине, которое с такой рельефностью раскрывается в дальнейшем ходе поэмы. Культ женщины существенно отличает поэму Руставели от литературной традиции Востока и роднит ее с поэзией трубадуров Западной Европы.

Героини Руставели — не пассивные существа, довольствующиеся сознанием и созерцанием своей красоты и принимающие хвалебные оды от красивых и сильных рыцарей: они активно вмешиваются в политическую жизнь, направляют действия героев в ту или иную сторону, а в моменты несчастий выказывают не меньше геройства, чем мужчины.

Одна из героинь так поучает своего рыцаря: бесполезно плакать и убиваться, — это ли дело влюбленного? Лучше — если ты во имя любви совершишь геройский подвиг.

Чем объясняется неувядаемость и исключительная живучесть поэмы «Витязь в тигровой шкуре»? Для того, чтобы исчерпывающе ответить на этот вопрос, пришлось бы перечислить решительно все признаки всякого великого поэтического произведения: силу и глубину чувств, переживаемых действующими лицами, идейную насыщенность, увлекательность фабулы, тонкую сюжетную обработку и, наконец, блестящую форму стиха.

Особо следует отметить два признака стиля Руставели: афористичность и метафоричность. Некоторые главы поэмы буквально пестрят афоризмами, затмевающими лучшие народные поговорки чеканной ла-

коничностью своей словесной формы. Передать эти афоризмы на другом языке крайне трудно. Еще более богата его поэма метафорами. Руставели такой же великий мастер метафоры, какими мастерами сравнения являются Данте и Пушкин. Развернутая метафора Руставели покрывает иногда целые строки поэмы, но бывают случаи, когда она затопляет всю строфу от начала до конца, и тогда не совсем легко бывает раскрыть ее содержание.

Поэма написана шестнадцатисложным стихом «шпаири». В ней без определенной закономерности чередуются два размера «шпаири» — высокий и низкий. Руставели исключительный мастер «шпаири». Его мастерство заключается, главным образом, в богатой оркестровке стиха — аллитерациях, ассонансах, звучных рифмах. Текст его поэмы — сплошной узор повторов, то одиноких, то объединенных в группы звуков. Обращая огромное внимание на звучание стиха, он, вместе с тем, почти никогда не забывает, что в истинно гармоничных словосочетаниях музыка должна базироваться на строгом подборе слов с точки зрения их смысловой значимости.

Несколько подробнее следует остановиться на рифмах Руставели. Поэма написана катренами — четверостишиями на одну рифму для всех четырех строк. Рифмы — трехсложные (большинство) и двусложные. Вот для образца одна из строф оригинала:

«Мепета шиган слухве, вит едемс алва ргу́лиа;
Ухвса морчилобс ковели, игица, вин оргу́лиа.
Сма-чама-дидад шесарго, деба ра саваргу́лиа?
Расаца гасцем шения, рац ара-дакаргу́лиа». *

Трудность заключается, главным образом, в приискании одной трехсложной рифмы для всех четырех строчек строфы. Изобретательность Руставели в этом отношении не имеет границ. Иногда он берет такой трудный состав рифмы, что даже самый завзятый мастер стихосложения, найдя как-нибудь рифму для второй строчки, не найдет ее уже для

* «Расточая вдвое, втрое, расцветешь ты, как алоэ,
Это древо вековое, чье в Эдеме бытие.
Щедрость — власть, как власть вакала. Где измена? Прочь бежала.
Что ты спрячешь, то пропало. Что ты отдал, то твое».

третьей. Но Руставели, прокладывая намеками смысловой путь к слову, как будто бы никакого отношения к данному контексту не имеющему, находит рифму для третьей строчки, а затем хватается новое слово, нужное для рифмовки четвертой, и придает ему необычайный, но подходящий для данного случая оборот.

Уже из сказанного можно заключить, до какой степени разнообразны рифмы Руставели. Любопытно, что у Руставели и Данте (в «Божественной комедии») оказалось одно и то же количество основных рифм: у первого 735, у второго — 750. Но повторяемость их у Данте в два с половиной раза больше.

Особого внимания заслуживают также богатство лексики и разнообразие грамматических форм в поэме Руставели. Вся поэма состоит, приблизительно, из 45 000 слов, из которых свыше 15 000 являются основными в морфологическом отношении.

Сравнивая Руставели с известными описцами эпохи царицы Тамары, с Чахрухадзе и Шавтели, следует отметить, что он, заменив ходульность и высокопарность их стиля настоящей возвышенностью, совершенно убил установленный ими особый стихотворный размер и создал свой размер (шаири), который в дальнейшем исключительно господствовал во всей грузинской поэзии на протяжении пяти веков.

Руставели упростил современный ему поэтический язык. Подымаясь до самых высоких тонов торжественности, он иногда в обрывках фраз спускается до таких простых народных выражений, которые не встречаются не только в поэзии, но даже в прозе его времени.

Следует опять отметить, что все те стиливые достоинства и стихотворное мастерство, о которых сказано выше, в поэме Руставели служат только лишь оформлению большого и глубокого содержания. Руставели, в отличие от многих — часто даже великих — эпических поэтов, почти каждую свою строфу насыщает содержанием и придает ей определенную целеустремленность в системе сюжетного построения поэмы.

Самые древние списки поэмы «Витязь в тигровой шкуре», дошедшие до нас, восходят к началу XVII в. Все эти списки в большей или

меньшей степени отличаются друг от друга разночтениями текста и количеством строф. Первое печатное издание вышло в Тифлисе в 1712 г. под редакцией царя Вахтанга. Вахтанговская редакция, принимавшаяся в основу почти всех последующих печатных изданий (числом до тридцати) произведений Руставели, во многом отличается от старинных рукописей. В этой редакции, во-первых, пропущены во многих местах отдельные строфы, оставляющие некоторые пробелы в тексте, и, во-вторых, что самое главное, опущены три последние главы поэмы (48-я, 49-я и 50-я этого издания). Это произошло в результате той редакторской операции, которую Вахтанг, по всей вероятности, произвел над окончанием поэмы: в древних ее списках имеется в конце целый ряд глав сомнительного происхождения, в которых описывается дальнейшая судьба героев поэмы вплоть до их смерти; царь Вахтанг отсек эти главы от печатаемого им текста поэмы, но, как нам кажется, допустил при этом довольно грубую ошибку в определении того места, где должны были пройти его ножницы, в результате чего он отрезал здоровую и совершенно необходимую часть произведения. Чтобы после этого как-нибудь скомпановать окончание поэмы, он взял 22 строфы из разных мест отвергнутой им части текста и приложил их к новому концу (к 47-й главе по этому изданию). *

Перевод Бальмонта сделан с вахтанговской редакции, и поэтому отсутствующие в нем три последние главы даны в настоящем издании в другом переводе. **

В заключение несколько слов о переводе Бальмонта. Перевод страдает целым рядом таких недостатков, которые помешают русскому читателю составить себе вполне верное понятие о произведении Руставели в оригинале. Главным источником неудач в данном случае следует считать внутренние рифмы, которые, не дав эффекта в отношении музыкальности стиха, помешали, однако, более точному воспроизведению ори-

* Этими строфами являются: 4, 5, 6, 7, 14, 16, 17, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и 31 строфы 48-й главы и пять заключительных строф.

** Перевод этих глав выполнила Е. Т а р л о в с к а я.

гинала. В погоне за этими внутренними рифмами переводчик рубит на мелкие куски широкозвучащие фразы Руставели, не знающие задержек и остановок внутри строк, в результате чего рубится, видоизменяется и бледнеет сама мысль поэта.

Существует ряд удачных и неудачных переводов поэмы на европейские языки. Перевод Бальмонта, который мы не считаем отвечающим тем требованиям, какие можно было бы предъявить к переводчику этой гениальной поэмы, мы даем постольку, поскольку он является пока единственным. Возникает вполне естественное желание увидеть в возможно близком будущем поэму Руставели в полноценном переводе ее на русский язык.

Из предисловия переводчицы

Я впервые узнал Руставели в океанском просторе, невдалеке от Канарских островов, на английском корабле, носившем имя красиво-мудрой богини Афины, где я познакомился с Оливером Уордропом, который дал мне прочесть находившийся при нем в корректурах английский перевод «Витязя в тигровой шкуре», сделанный с великой любовью его сестрой, Марджори Скотт-Уордроп. Прикоснуться к грузинской розе в просторе океанских зорь, при благом соучастии Солнца, Моря, Звезд, Дружбы и Любви, и диких вихрей, и свирепой бури, это — впечатление, которого забыть нельзя.

Океан своим голубым окружением уводит душу от малого к великому, напояет мечту восторгом пространства, создает свежий дух и творит в глубине жемчуга. Ветер споет о цветущей степи и светит волну цветочного запаха. Любовь зажжет, обожжет, озарит и явит пламени. Народ, если он великий, создаст песню и выносит в лоне своем мирового поэта. Таким венценосцем в веках, еще доселе неузнанный русскими, был избранник Грузии, Шота Руставели, давший в XIII в. своей родине знамя и зов —

«Вепхвис Ткаосани», «Витязь в тигровой шкуре». Это лучшая поэма любви, какая когда-либо была создана в Европе, радуга любви, огневой мост, связующий небо и землю.

Как Гомер есть Эллада, Данте — Италия, Шекспир — Англия, Кальдерон и Сервантес — Испания, Руставели есть Грузия. Каждое из этих бессмертных имен не только имя поэта, вознесенного вечной славой, но и лучезарное означение души, которая сумела воплотить в себе сокровищницу духа целого народа, этой душой воссиявшего, в этой душе расцветшего цветком пышным и не повторяющимся.

Но во всей европейской поэзии ни с чем, быть может, нельзя сравнивать несравненную поэму грузинского певца, кроме лучшей средневековой сказки любви и смерти, — я говорю о бретонской повести Тристана и Изольды, слагавшейся приблизительно в одно и то же время, что и напевное сказание Руставели, в XI—XII вв. Два эти замысла, бретонский и грузинский, слагались, конечно, в полной независимости один от другого, между ними были пропасти и непроходимые пространства. И, однако, напряженность душ, прикосновение к любви настоящей, пронзенность изображаемых и другие условия художественного живописания создают странное родство двух этих произведений. Когда, воспроизводя все уцелевшие обломки гениальной бретонской повести, Бедье начинает: «Сеньоры, выслушайте прекрасную сказку о любви и смерти, сказку о Тристане и Изольде-королеве», — мне хочется переиначить: «сказку о Тариэле и царевне Нестан-Дареджан, сказку об Автандиле и Тинатин-царице». Когда я читаю в бретонской повести, что оруженосец Горвеналь научил семилетнего Тристана действовать копьём, щитом и луком, научил его ненавидеть ложь и держать данное им слово и научил ребенка так ездить верхом, что его лошадь, оружие и он сам казались одним неразделимым целым, я не могу не вспомнить вороного коня, на котором проезжает в веках витязь в тигровой шкуре.

Данте, явив чету влюбленных, заколдовал их чарой Смерти и озарил пламенями Бездны. Только так он смог даровать своим влюблен-

ным бессмертие. Бретонская легенда, менее нуждающаяся в подмоге церковных кошмаров, лишь озаряя своих влюбленных беспредельностью их испытаний, сумела дать им бессмертие, все же опять опираясь на чару смерти. Смерть как художественный прием есть легкое колдование.

Руставели выше этих поэтов, ибо в своих волшебствах он колдует жизнью. Проведя своих любящих через всевозможные пытки, он им дает в жизни засиять таким блеском, что умереть они уже не могут никогда. В этом такое же преимущество грузинского гения над его европейскими современниками и певцами позднейшими, как среди драматических гениев индус Калидаса выше своею «Сакунталой», — где, в конце концов, колдований дьявольских, колдований смерти нет, и есть полная гармония счастья, — выше и совершеннее любого гения Европы, будь то Софокл или Шекспир, и как Восточный край неба всегда богаче своими красками, чем край Закатный.

Но Руставели, расцветив цветы пышнейшие алого цвета, смог передать векам еще другое чарование своей высокой души. Озаренный белым сиянием, он живет в памяти людей и в народной мечте, в народной песне родной страны, как изысканный любовник своей пламенной мечты, любивший любовь свою во имя любления, без чаяния достичь любовью свою любимую.

Я перевожу поэму Руставели размером подлинника, лишь с некоторым изменением в порядке рифм. В четырестрочии Руставели, восьми-стопный трохей, четыре раза повторяется одна и та же рифма, — я преломляю каждую строку рифмой, повторяемой трижды в каждом двустрочии, причем конец каждой второй и четвертой строчки связан, кроме того, самостоятельной рифмой. Таким образом, в каждом четырестрочии у меня восемь рифм, и в шести тысячах строк всего текста Руставели, в русском ее лице, будет двенадцать тысяч рифм. Эта добровольно наложенная на себя тяжесть выполнения вызвана не произвольною прихотью, а желанием дать в русском стихе достойное отображение пышной красоты, мною увиденной, звуковую равноценность которой Руставели

достигает, опираясь на большую звучность грузинских слов, построенных на мужественной силе согласных. Быть может, это — задача невозможная, но старинные испанцы говорили: «Невозможное мне нравится», «Люблю побеждать невозможность».

ШОТА РУСТАВЕЛИ

Общераспространенный портрет, печатаемый во всех изданиях последних 30 лет

ბუმჯაზი
в тугробои
шкyre

Вступление

Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной
Людам дух дал бестелесный, — этот мир нам дал в удел.
Мы владеем беспредельным, многоразным, в разном цельным.
Каждый царь наш, в лике дельном, лик его средь царских дел.

Бог, создавший мир однажды, от тебя здесь облик каждый.
Дай мне жить любовной жаждой, ей упиться глубоко.
Дай мне, страстным устремленьем, вплоть до смерти жить томленьем.
Время сердца, с светлым пенем, в мир иной снести легко.

Льва, что знает меч блестящий, щит и копий свист летящий,
Ту, чьи волосы — как чащи, чьи уста — рубин, Тамар, —
Этот лес кудрей агатный, и рубин тот ароматный
Я хвалю многократной вознесу в сияньи чар.

Не вседневными хвалами — я кровавыми слезами,
Как молитвой в светлом храме, восхваляю в стихах ее.
Янтарем пишу я черным, тростником черчу узорным.
Кто к хвалам прильнет повторным, в сердце примет он копье.

В том веление царицы, чтоб воспеть ее ресницы,
Нежность губ, очей зарницы и зубов жемчужный ряд.
Милый облик чернобровой. Наковальню свинцовой
Камень твердый и суровый руки меткие дробят.

О, теперь слова мне нужны. Да пребудут в связи дружной.
Да звенит напев жемчужный. Встретит помощь Тариэль.
Мысль о нем — в словах заветных, воспоминательно-приветных.
Трех героев звездносветных воспоеет моя свирель.

Сядьте вы, что с колыбели тех же судеб волю зрели.
Вот запел я, Руставели, в сердце мне вошло копье.
До сих пор был сказки связной тихий звук однообразный,
А теперь — размер алмазный, песня, слушайте ее.

Тот, кто любит, кто влюбленный, должен быть весь озаренный,
Юный, быстрый, умудренный, должен зорко видеть сон,
Быть победным над врагами, знать, что выразить словами,
Тешить мысль, как мотыльками, — если ж нет, не любит он.

О, любить! Любовь есть тайна, свет, что льнет необычайно.
Неразгаданно, бескрайно светит свет того огня.
Не простое лишь хотенье, это — дымно, это — тленье.
Здесь есть тонкость различенья, — услышав, пойми меня.

Кто упорен в чувстве жданном, он пребудет постоянным,
Неизменным, необманным, гнет разлуки примет он.
Примет гнев он, если надо, будет грусть ему отрада.
Тот, кто знал лишь сладость взгляда, ласки лишь, — не любит он.

Кто, горя сердечной кровью, льнул с тоскою к изголовью,
Назовет ли он любовью эту легкую игру?
Льнуть к одной, сменять другую, это я зову игрою.
Если ж я люблю душою, — целый мир скорбей беру.

Только в том любовь достойна, кто, любя тревожно, знойно,
Пряча боль, проходит стройно, уходя в безлюдье, в сон,
Лишь с собой забыться смеет, бьется, плачет, пламенеет,
И царей он не робеет, но любви — робеет он.

Связан племенным законом, как в лесу идя зеленом,
Не предаст нескромным стоном имя милой для стыда.
И, бежа разоблаченья, примет с радостью мученья,
Всё для милой, хоть сожженье, в том восторг, а не беда.

Кто тому поверить может, что любимой имя вложит
В пересуды? Он тревожит — и ее, и с ней себя.
Раз ославишь, нет в том славы, лишь дыхание отравы.
Тот, кто сердцем нелукавый, бережет любовь, любя.

Тот, чей голос — звон свирели, нить свивая из кудели,
Песнь сложил я, Руставели, умирая от любви.
Мой недуг — неизлечимый. Разве только от любимой
Свет придет неугасимый, — или, смерть, к себе зови.

Сказку персов, их намеки влил в грузинские я строки.
Ценный жемчуг был в потоке. Красота глубин тиха.
Но во имя той прекрасной, перед кем я в пытке страстной,
Я жемчужин отцвет ясный сжал оправую стиха.

Взор, увидев свет однажды, преисполнен вечной жажды
С милой быть в минуте каждой. Я безумен. Я погас.
Тело всё опять — горенье. Кто поможет? Только пенье.
Троекратное хваленье — той, в которой всё — алмаз.

Что судьба нам присудила, нам должно быть это мило.
Неизменно, что б ни было, любим мы родимый край.
У работника — работа, у бойца — война забота.
Если ж любишь, так без счета верь любви, и в ней сгорай.

Петь напев четырёхстрочно — это мудрость. Знание — точно.
Кто от бога — полночно он поет, перегорев.
В малословьи много скажет. Дух свой с слушателем свяжет.
Мысль всегда певца уважит. В мире властвует напев.

Как легко бежит свободный конь породы благородной,
Как мячом игрок природный попадает метко в цель,
Так поэт в поэме сложной ход направит бестревожный,
Ткани будто невозможной четко выпрядет кудель.

Вдохновенный — в самом трудном светит светом изумрудным,
Грянув словом многогудным, оправдает крепкий стих.
Слово Грузии могуче. Если сердце в ком певуче,
Блеск родится в темной туче, в лёте молний вырезных.

Кто когда-то сложит где-то две-три строчки, песня спета,
Все же — пламенем поэта он еще не проблеснул.
Две-три песни, — он слагатель, но когда такой даятель
Мнит, что вправду он создатель, — он упрямый только мул.

И потом, кто знает пенью, кто поймет стихотворенье,
Но не ведает пронзенья, сердце жгущих, острых слов,
Тот еще охотник малый и в ловитвах не бывалый.
Он стрелою запоздалой к крупной дичи не готов.

И еще. Забавных песен в пирный час напев чудесен.
Круг сомкнется, весел, тесен. Эти песни тешат нас.
Верно спетые при этом. Но лишь тот отмечен светом,
Назовется тот поэтом, долгий кто пропел рассказ.

Знает счет поэт усилью. Песен дар не бросит пылью.
И всему он избылью быть велит усладой — ей,
Той, кого зовет любовью, перед кем блеснет он новью,
Кто, его владея кровью, петь ему велит звучней.

Только ей — его горенья. Пусть же слышат той хваленья,
В ком нашел я прославленье, в ком удел блестящий мой.
Хоть жестока, как пантера, в ней вся жизнь моя и вера;
Это имя в ток размера я поздней внесу с хвалой.

О любви пою верховной — неземной и безгреховной.
Стих об этом полнословный трудно спеть, бегут слова.
Та любовь от доли тесной душу мчит в простор небесный,
Свет сверкает в ней безвестный, здесь лишь видимый едва.

Говорить об этом трудно. Даже мудрым многочудна
Та любовь. И здесь не скудно, — многощедро, — пой и пой.
Всё сказать о ней нет власти. Лишь скажу: земные страсти
Подражают ей отчасти, зажигаая отблеск свой.

По-арабски, кто влюбленный — тот безумный. Точно сонный,
Видит он невоплощенной уводящую мечту.
Тем желанна близость бога. Но пространна та дорога,
Эти прямо, от порога, достигают красоту.

Я дивлюсь, зачем, бесправно, то, что тайна, делать явно.
Мысль людская своенравна. Для чего любовь — стыдить?
Всякий срок здесь — слишком рано. День придет, не тронь тумана.
О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль беречь?

Если тот, кто любит, плачет, это только то и значит,
Что в себе он жало прячет. Любишь, — знай же тишину.
И среди людей, средь шума, об одной пусть будет дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, всё люби одну.

Сказ о Ростеване, царе арабском

Был в Арабии певучей царь от бога, царь могучий,
Рати сильного — как тучи, вознесенный Ростеван.
Многим витязям бессменный знак и образ несравненный,
Птицезоркий, в зыби пенной всё увидит сквозь туман.

Был красивым он и в слове. Дочь имел, дитя любви:
Солнце — очи, ночи — брови, вся — звезда среди светил.
Петь о деве пышнокудрой может разве только мудрый,
Облик девы чернокудрой многих вмиг поработил.

Кто на это солнце глянет, вдруг ее рабом он станет,
Сердце, душу, ум заманит та, чье имя Тинатин.
Да навек пребудет славным, среди столетий полноправным,
Это имя, солнцеравным, будет имя — властелин.

Царь, когда красы царевны в возраст влились полнопевный,
Созвал знатных и, безгневный, посадил вокруг себя.
Молвил: «Вот предмет совета. Роза знает время цвета.
Отцвела, — нет больше лета, сохнет, венчик свой дробя.

Солнце всходит и садится. Село, смотрим, тьма дымится.
Ночь безлунная клубится. День исчерпан мой сполна.
Потускнела позолота. Старость — груз. Нет горше гнета.
Вот умру — одна забота. И дорога всем — одна.

Где же свет, что тьму просветит? Пусть ваш разум мне ответит.
Пусть венец чело отметит светлой дочери моей». —
Все ответили, вздыхая: «Речь твоя зачем такая?»
Роза, даже отцветая, всех душистей и светлей.

И ущербный месяц ясен. Луч звезды вполне прекрасен, —
Спор звезды с луной напрасен. Так, о царь, не говори.
От тебя и злое слово — всем нам крепкая основа.
Лик же солнца золотого, дочь твоя, светлей зари.

Дай ей царство, дай царенье. Быть женой ей назначенье.
Но от бога смысл правленья ей указан с вышины.
Отлучался ты когда-то, — и сияла без заката.
Уж когда в пещере львята, — львица, лев вполне равны».

Автандил вождя был сыном. Он в изяществе едином
Кипарисом по долинам между стройными блистал.
Как хрусталь был знаменитый, звездной шествовал орбитой,
С Тинатин мечтою слитый, без нее он увядал.

Как цветок среди тумана, страсть была в нем скрытой. Рана,
Роза страсти, вновь румяна стала, чуть предстал пред ней.
О, любовь есть истязанье. Тот, кто любит, весь — терзанье.
Всё ж он жаждет приказанья углем стать среди огней.

В час, как дева безгреховой царь велел, беспрекословный,
Власти дар приять верховный, веселился Автандил:
«Тинатин — как блеск запястья. Ей пристойно полновластье.
Видеть солнце — это счастье, лик ее — источник сил».

Царь, как мрак дробя алмавом, повелел своим приказом:
«Да пребудет царским глазом, царской волей Тинатин.
Приходите все арабы. В похвалах не будьте слабы,
Здесь — сверканье, и когда бы ночь была, она — рубин».

Все арабы приходили. Знатных блеск умножен в силе.
Видит крепость в Автандиле многотысячность бойцов.
Весь порядок воинств явлен. И когда был трон поставлен,
Всем народом он прославлен: «Свет его превыше слов».

Тинатин, лицом сияя, воле царской послушая,
Вся горела, золотая, и венец он возложил,
Скипетр дал он чернобровой, дал ей царские покровы,
И она звездою новой воссияла средь светил.

Царь ушел, воздав почтенье. Вознеслись благословенья.
Были молвлены хваленья. Звон кимвалов с звуком труб.
Новый царь с лицом царицы был как в тучке лик денницы:
Цвета ворона — ресницы, пурпур зорь — изгибы губ.

Мнится ей, что недостойна трон отца занять, и стройно
Стан склоняет, беспокойно слезы льет, как дождь в саду.
И отец, увещевая, молвит: «Чадо — жизнь двойная.
Мне равна ты, дочь родная. Я в огне, и я в бреду.

Ты не плачь, как цвет в долине. Царь Арабии ты ныне.
Горный замок на вершине. Будь же зоркой и цари.
День ко всем выходит алым. Так и ты будь доброй к малым.
Кто наклонится к усталым, тот умножит алтари.

Будь открытой милосердью. Будь как бы щедротной твердью.
Знай, что доброму усердью подчиняются сердца.
Свяжет вольных — свет во взоре. Будь такую же, как море:
Реки скрыв в своем просторе, влагу жертвуй без конца.

Расточая вдвое, втрое, расцветешь ты, как алоэ,
Это древо вековое, чье в Эдеме бытие.
Щедрость — власть, как власть закала. Где измена? Прочь бежала.
Что ты спрячешь, то пропало. Что ты отдал, то твое».

Дева слушает с вниманьем те слова, что дышат знаньем,
Всем отцовским увещаньям у нее привет один.
Царь и пьет и веселится. Нет причин ему затмиться.
Солнцу хочется сравниться в блеске с светлой Тинатин.

За своим дворецким старым шлет, чтоб шел он с пышным даром,
Чтоб в даяньи щедро-яром истребил сполна казну.
«Всё неси. Всего мне мало». И без меры раздавала.
Не гадала, не считала. «Никого не обману».

Все дары, что знала с детства, собирала с малолетства,
Всё блестящее наследство в день единый раздавала.
Ей отцовская наука — достоверная порука.
Как стрела летит из лука, так поспешною была.

«Всех мулов, ослов ведите. — Повелела пышной свите: —
Дорогих коней явите». Топот, ржанье, кони тут.
Блещет шелк. Толпой солдаты, царской милостью богаты,
Веселятся, как пираты, как разбойники берут.

Точно турок в горных срывах бьют, — и нет числа счастливых.
Рой арабских пышногривых легконогих мчат коней.
Разметалась, отдавая, словно буря снеговая:
Стар ли, дева ли младая, были все богаты в ней.

День прошел. Был пир веселый. Пили, ели — точно пчелы
На цветах. Один тяжелой думой царь был омрачен.
С наклоненной головою он сидел перед толпою.
Шопот шумной шел волною: «Отчего печален он?»

Крася ликом пир медовый, властный в бой вести суровый
И как лев скакнуть готовый, солнцеликий Автандил
Был с Согратом знатным рядом и его проворным взглядом
«Почему так чужд отрадам царь?» он быстро спросил.

«Верно, мысль пришла какая, неприветная и злая, —
Отвечал Сограт, вздыхая: — горя — нет, и весел — час». Автандил сказал: «Так спросим. Слово шуточное бросим.
Мы без пользы тяжесть носим. Почему стыдит он нас?»

Автандил с Согратом встали, кубки полные им дали,
И веселые упали на колени пред царем.
Говорит Сограт шуточный: «Царь, ты точно день дождливый,
Нет улыбки, нет красивой на немом лице твоём».

И добавил он лукаво: «Впрочем, сердце в скорби право:
Дочь твоя — одна забава, все богатства раздала.
Не давай ей пышной части, и, лишивши царской власти,
Упасешься от напасти и уволишься от зла».

Усмехнулся царь. Такого ожидать не мог он слова.
На советчика скупого всё же глянул он светло.
«Я ценю твое раченье. И достоин ты хваленья.
Но скупое попеченье никогда ко мне не шло.

Нет, не в том моя забота. Старость близится, дремота.
И остаться неохота без достойного бойца.
Дней увяло всё цветенье, и не передал уменья
Быть бойцом без посрамленья никому я до конца.

Это правда, дочь имею, холил дочь, обласкан ею.
Всё ж я сына не лелею. Не дал бог. И нет уж сил.
Кто здесь луком отличится? Или в мяч со мной сразится?
Автандил едва сравнится, ибо я его учил».

Гордый юный, весь — стремленье, слушал эти восхваленья,
И с улыбкою смиренья затаил он торжество.
Как улыбка та пристала к лику юного, где ало
Рот горел, — как снег блистала белизна зубов его.

Царь спросил: «Чего смеешься? И чего ты робко жмешься?
Ну, зачем не отзовешься? Или я тебе смешон?»
Юный молвил: «Разрешенье дай сказать мне, в оскорбленье
Не вмения дерзновенья. Да не буду осужден».

Царь ответил: «Молви слово. Не приму его сурово.
Скрепа клятвы — святость крова, имя светлой Тинатин».
Автандил сказал: «Так смело молвлю: хвастаться не дело.
Но моя б стрела поспела в цель верней, о властелин!»

Под твоими я ногами прах. Но, меряясь стрелами,
Буду первый, — пред полками эту клятву я даю.
Кто со мной в стрельбе сравнится? ты сказал. Тут что ж судиться.
Может этот спор решиться лишь с мечом, с стрелой, в бою».

Царь сказал: «Не будем вздорить, на словах не стану спорить.
Дайте лук. Чье имя вторить будут после, так решим.
Пред свидетелями в поле будем мы на вольной воле,
Там о нашей молвят доле: кто ловчей, победа с ним».

Автандил повиновался. И на том их спор прервался.
Каждый весел был, смеялся. Чуждым был им взгляд косой.
Был заклад меж них скрепленный: тот, кто будет побежденный,
С головою обнаженной, три он дня ходи такой».

И двенадцать слуг примерных царь призвал для этих верных
Состязаний беспримерных, чтоб давали стрелы им.
«Пусть двенадцать их за мною за любой следят стрелою.
Шермадин один с тобою, хоть один, он несравним».

Ловчим молвил: «По равнинам, как гроза стадам звериным,
Соберитесь и единым обоймите их кольцом.
Пусть помогут вам солдаты». Пир окончен, пир богатый.
Были вина, ароматы и веселье за столом.

Автандил, чуть солнце встало, был одет уж в цвет коралла.
Лик рубина и кристалла в золотом горел огне.
Под покровом златовойным, весь он был цветом лилейным.
Так явился чудодейным он на белом скакуне.

Царь разубран знаменито. Весь народ кругом как свита.
Поле воинством покрыто. Всяк охоту видеть рад.
Многоокая облава. Смех, и шутки, и забава.
На кого-то глянет слава? Будут биться об заклад.

Царь велит готовить стрелы, чтоб во все послать пределы.
Счет велит им делать смелый, всех ударов верный счет.
И рабов двенадцать верных ждет тех выстрелов примерных.
Будут стрелы в козах, в сернах. Отовсюду дичь идет.

Без числа стада, как тени. Быстроногие олени.
Скачут козы в белой пене. Мчатся дикие ослы.
Чудо видеть — и какое! Бег напрасен, — бьют их двое.
Тетиве не спать в покое, многократен свист стрелы.

Топчут конские подковы пыль. Покров встает суровый.
Солнце скрыл. А в жертве новой, просвистав, дрожит стрела.
Кровь течет по шерсти белой. Новый свист, несутся стрелы.
Дрогнет зверь и, онемелый, рухнет, — сразу жизнь ушла.

Если ж кто стрелой лишь ранен, прочь бежит, но бег обманен,
Нет исхода, неустанен этот ток разящих стрел.
И не зеленью, не новью, — все поля покрылись кровью,
Бог, исполненный любовью, в небе гневом возгорел.

Кто смотрел на Автандила, как рука его стремил
Ход стрелы, как верно била, как к нему кругом всё шло,
Видя зрелище такое, сердце словом тешил вдвое:
«Он прекрасен, как алоэ, что в Эдеме возросло».

Минул день, зверям печальный. Смерян бег равнины дальней.
На краю поток хрустальный об утес волну дробил.
В темной чаще звери скрылись. Кони там бы не пробились.
Отдыхали, веселились Ростеван и Автандил.

Нет предела их утехам. И один сказал со смехом:
«Метче я!» Другой же эхом «Метче я!» сказал в ответ.
И зовут двенадцать верных. «Чьих же больше стрел примерных?
Счет чтоб был из достоверных. Правда — сплошь, а лести — нет».

Отвечают: «Затемненья правде нет, и, без смягченья,
Ты не выдержишь сравненья, царь, тебе враждебен счет.
Хоть убей нас, нет нам дела, но тебе мы скажем смело:
Где его стрела летела, зверь ни шагу там вперед.

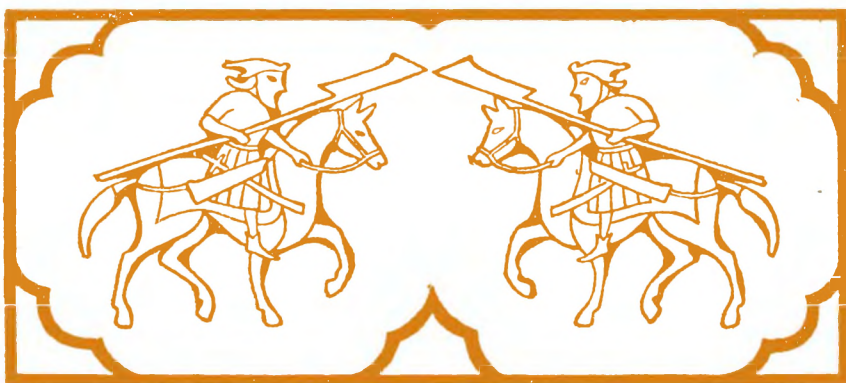
Всех две тысячи убили. Двадцать лишку в Автандиле
Смерть нашли. В той меткой силе промах луку незнаком.
Как наметит, так уж строго — зверю кончена дорога.
А твоих собрали много стрел, рассыпанных кругом».

Царь смеется, смех кристален. Злую мыслью не ужален,
Он ничуть не опечален: «Что ж, победа не моя».
За приемного он сына рад, в том счастье, не кручина,
Любит сердце — что едино, любит роза соловья.

Миг вкушая настоящий, вот сидят они у чащи.
Как колосьев строй шуршащий, смотрит воинов толпа.
Возле них двенадцать смелых, ни пред чем не оробелых.
Видно, как в лесных пределах вьется водная тропа.

Сказ о том,
как царь арабский узидел витязя,
одетого в тигровую шкуру

На опушке, над потоком, в тоскованьи одиноком,
Странный витязь был в глубоком размышленьи над рекой.
За поводья вороного он коня держал, и снова
Слезы лились из немого сердца, сжатого тоской.

Как небесными звездами, всё сияло жемчугами,
Млели нежными огнями и доспехи, и седло.
Был как лев он, но стекали слезы, полные печали,
По щекам, где розы вяли, а не искрились светло.

Был в кафтан одет он бурый, был покрыт тигровой шкурой,
И сидел он так, понурый, ликом сумрачным склонясь.
Толстый хлыст в руке был зримым. Так сидел он нелюдимым.
Точно был окутан дымом, весь — волшебный, весь — томясь.

Раб идет к нему с вопросом от царя, но пред утесом
Вид тех слез, подобных росам, точно стать ему велел.
Пред такую силой горя замолчи, или, не споря,
Плачь, как плачет в пропасть моря дождь, узнавши свой предел.

Раб в великом был смущеньи, трепетаньи и сомненьи,
И смотрел он в удивленьи на печального бойца.
«Царь велит придти», сказал он наконец, вздыхал и ждал он.
Витязь нем, и не слышал он, не поднимет вверх лица.

С наклоненным книзу ликом, весь в забвении великом,
Не внимал окружным крикам, изливал с слезами кровь.
Длил он странные рыданья, трепетал в огне сгоранья,
Нет терзаньям окончанья, слезы льются вновь и вновь.

Свеян ум его куда-то. Мысль его свинцом обьята.
Раб идет путем возврата, не добившись ничего.
Снова царское посланье повторял, но нет вниманья,
Никакого нет вещанья розоцветных губ его.

Раб вернулся без ответа. «На мои слова привета
Он был глух. Мой взор от света солнца яркого погас.
Я жалел его невольно. Сердце билось больно-больно.
Вижу, ждать уже довольно, протомился целый час».

Царь дивился. Дивованье перешло в негодование.
Изрекает приказанье он двенадцати рабам:
«Вы оружие берите, всей толпой к нему идите
И скорее приведите мне того, кто медлит там».

Исполняя приказанье, вот рабы идут. Шуршанье
Слышно ног, звенит бряцанье их доспехов. Витязь встал,
Весь в слезах еще. Но взором вскинул. Видит, тесным хором
Люди с воинским убором. Вскрикнув: «Горе!» — замолчал.

Вытер он глаза руками, укрепил колчан стрелами,
Меч с блестящими ножнами. Вот на быстром он коне.
Что ему — рабы, их слово? Направляет вороного
Прочь куда-то, никакого им ответа, — он во сне.

Тут, его схватить желая, вмиг — к нему толпа живая,
Вот рука, и вот другая устремилась. Смерть им в том.
Одного он о другого раздробил, рукою снова
Чуть махнул, убил, иного до груди рассек хлыстом.

Пали трупы вправо, влево. Царь кипит, исполнен гнева.
Он кричит рабам, но сева смерти жатва собрана.
Юный даже и не глянет на того, кого он ранит,
Кто домчится, мертвым станет, участь всем пред ним одна.

Царь разгневан, горячится, на коня скорей садится,
С Автандилом вместе мчится, чтоб надменного настичь.
Но, как в искристом тумане, как на сказочном Мерани,
Не принявши с ними брани, он сокрылся, кличь не кличь.

Увидав, что царь в погоне, что за ним несутся кони,
Он, в мгновенной обороне вдруг, хлестнув коня, исчез.
Точно в пропасть провалился или в небо удалился.
Ишут, нет, и след сокрылся. Ничего. Как в мгле завес.

Хоть следов копыт искали, — нет, исчез в какой-то дали.
Словно призрак увидали, призрак был один лишь миг.
По убитым плачет кто-то. И о раненых забота.
Молвил царь: «Пришла работа. Видно, злой нас рок настиг».

Он сказал: «Всех дней течение было только наслажденье.
Бог изведал утомленье — видеть счастье без конца.
Вот и стал восторг обманен, — как и всё, непостоянен, —
Я всевышним да-смерть ранен, отвратил он свет лица».

Так вернулся он, угрюмый, затенен печальной думой.
Вмиг забыты были шумы состязаний и пиров.
Стон кругом сменялся стоном. Грусть царя была законом.
Не приученный к препонам, дух легко упасть готов.

Ото всех сокрытый, в дальней царь сидел опочивальне,
Размышлял он всё печальней, что погас веселья свет.
Видел только Автандила. Все рассеялись уныло.
Арфа вздохи не струила, стук не слышен кастаньет.

Тинатин о той потере счастья слышит. В полной мере
Чувство в ней. Она у двери. И к дворецкому вопрос:
«Спит ли он или не спит он?» Тот в ответ: «В тоске сидит он.
И ни с кем не говорит он. Стал он темен, как утес.

Автандила лишь, как сына, приняла его кручина.
Витязь в этом всем причина, странный витязь на пути».
Тинатин рекла: «Уйду я. Но коль спросит он, тоскуя,
В тот же час к нему приду я, как велит к себе придти».

Царь спросил: «Где та, в которой ключ живой, что точит горы,
Свет любви, что тешит взоры?» Был ответ ему тогда:
«К бледной, к ней достигло слово, что печаль в тебе сурова.
Здесь была. И будет снова. Лишь скажи, придет сюда».

Царь сказал: «Скорей идите и ко мне ее зовите.
Лишь в одной жемчужной нити красота всегда светла.
Пусть отцу вернет дыханье. Пусть излечит тоскованье.
Ей скажу, о чем терзанье, отчего вдруг жизнь ушла».

Вняв отцовское веленье, Тинатин, как озаренье,
Полнолунное виденье, перед ним блестит красой.
Он ее сажает рядом, смотрит полным ласки взглядом,
И целует, и к отрадам вновь открыт своей душой.

«Почему не приходила? Или звать мне нужно было?»
Дева кротко возразила: «Царь, когда нахмурен ты,
Кто дерзнет к тебе явиться? Пред тобой и день затмится.
Пусть же ныне разрешится этот скорбный дым мечты».

Он сказал: «Родное чадо! Быть с тобой — моя услада.
Грусть прошла, ты радость взгляда, точно зелья ты дала,
Чтоб рассеять муку властно. Но хоть я терзался страстно,
Знай, не тщетно, не напрасно мысль к печальному ушла».

Повстречался мне безвестный витязь юный. Свод небесный
Был красой его чудесной словно радугой пронзен.
Я не мог узнать причины слез его, его кручины.
Хоть в красе он был единый, но меня разгневал он.

Чуть ко мне метнувши взором, вытер слезы, скоком скорым
На коня вскочил, — я спорым овладеть велел, но вмиг
Разметал моих людей он. Кто он? Дьявол? Лиходей он?
Я без слова был осмеян. Вдруг исчез, как вдруг возник.

Был ли он иль нет, не знаю. Горький ад на смену раю
Я от бога принимаю. Прошлых дней погашен свет.
Этой скорби не забуду, не бывать такому чуду,
Сколько дней я жить ни буду, мне веселья больше нет».

В голос звук вложив напева, «Соизволь, — сказала дева, —
Слово выслушать без гнева. Обвинять нам хорошо ль
Этот промысел всезрящий? Бог и к мошке добр летящей.
Если он раскинул чащи, разве в них он дал нам боль?»

Если витязь был телесным, не видением чудесным,
На земле другим известным он, конечно, должен быть.
Встанет весть, придет к нам слухом. Если ж он лукавым духом
Был и скрылся легким пухом, что ж тоской себя губить».

Вот совет мой, повелитель: над царями ты правитель.
Зри кто хочет, — где тот зритель, чтобы твой измерил свет?
Так пошли людей, — пусть ищут, целый мир пускай обрыщут,
Уж они ответ отыщут, смертный это или нет».

Царь зовет гонцов проворных, между лучшими отборных,
Чтобы в поисках дозорных не жалели ни труда,
Ни стараний, ни усилий, чтобы каждого спросили,
Где тот витязь, гордый в силе, и чтоб шли скорей туда.

Вот гонцы в далекой дали. Целый год они блуждали.
Никого не увидали, кто бы витязя встречал.
Все напрасны вопрошанья. Бесполезны их исканья.
Были долги их блужданья, — был успех их вовсе мал.

Пред царем рабы предстали. Преисполнены печали,
Так его оповещали: «Хоть искали мы везде,
Труд бесплоден был, хоть честен, — нам скорбящий лик уместен,
Никому он неизвестен. Укажи, искать нам где?»

Молвил царь: «Мне дочь сказала правду. В скорби смысла мало.
Здесь змея являла жало, — это был нечистый дух.
Мне мой враг был с неба свеян, это им я был осмеян.
Да блудит среди затей он, — чист мой взор и волен слух».

Позабыт им дух лукавый. Снова игры и забавы.
Песнопевец ищет славы. Закрутился акробат.
Юным царь велел и старым веселиться. Светлым чарам
Нет предела. Царским даром не один опять богат.

Автандил — полуодетый. Вкруг него играют светы.
Арфы звон, и песни спеты. Вдруг гонец от Гинатин,
Черный раб в его покое: «Та, чей образ — лик алоэ,
Шлет веление такое: к ней иди, о господин».

Светлой вестью очарован, Автандил встает, взволнован.
Тот наряд, что облюбован, самый лучший, он надел.
Видеть розу, быть с любимой — в том восторг незаменяемый.
С красотой несравнимой быть — пленительный удел.

Автандил идет к ней смело. Ни пред кем не оробела
Мысль его. И пусть горела много раз слеза о ней,
Хочет видеть лик певучий той, чье пламя — свет горючий
Молний, рвущихся из тучи, кто горит луны сильней.

То жемчужина жемчужин. С горностаем свет тот дружен.
Смотрит взор обезоружен. Ткань на нежной — без цены.
Сердце жгущие ресницы — словно ночь вокруг зарницы.
Шея млечна у царицы, косы тяжкие черны.

Хоть одета в свет коралла, но печали не скрывала,
Автандила привечала, сесть велит ему она.
Юный сел пред ней смиренно. Сердце любит, сердце пленно.
Взор во взор глядит забвенно. Мысль усладой зажжена.

Витязь молвит: «Ты, золотая, светишь, страхи рассеивая.
Вот, я нем. В зарю вступая, месяц солнцем вмиг сожжен.
Я не мыслю на досуге. Я не вихрь на вольном луге.
Но в каком волшебном круге, чем твой грустный ум смущен?»

Вот изящными словами, выбрав их, как меж цветами
Те, что ярче лепестками, привлекают больше глаз,
Дева молвит: «Хоть со мною не одною ты стеною
Разделен, но я не скрою — страх твой странен мне сейчас.

Но скажу сперва пред другом, чем терзаюсь как недугом.
Помнишь день, когда над лугом, близ утеса над рекой,
Над водой реки хрустальной некий витязь был печальный,
Как слезу с слезой хрустальной лил он, мучимый тоской?

С той поры томлюсь всегда я. Мысль о нем, не уставая,
Жалит, жалит, точно злая быстролетная оса.
Знаю я, что ты из смелых. Так ищи его в пределах
Всей земли — до тучек белых, что восходят в небеса.

Сердце в чувстве сердцу радо. Хоть меж нас была преграда,
Но без слов, лишь силой взгляда, увидала ясно я,
В одиноком отдаленьи, что в любовном ты плененьи,
Что горишь в изнеможеньи, и дрожит душа твоя.

Видим зорко мы друг друга. Будет мне твоя услуга
Точно витязю кольчуга, — и к тебе идет она.
Ты ведь витязь несравненный. И, любя, ты любишь, пленный.
Витязь тот — твой брат забвенный. Мысль искать его должна.

Ты любовь мою удвоишь. Скорбь мою ты успокоишь.
Злого демона укроешь. И, фиалками маня,
Свеешь розы, расцветишься. И потом ты озаришься,
Лев, ты к солнцу возвратишься, встречу, встретишь ты меня.

Так ищи же мне в угоду. Трижды год уйдет пусть к году.
Но не канул же он в воду. Если ты найдешь его,
Приходи, увенчан славой. Если ж нет, он дух лукавый.
К розе нежной холод ржавый зла не светит своего.

Мой расцвет не затемнится. О, клянусь, любовь продлится.
Пусть хоть солнце воплотится, мужем став, — с ним сердце слив,
Преисподняя пусть злая отсечет меня от рая,
В сердце мне любовь, терзая, смертью внидет, нож вонзив».

Витязь молвил: «Лик денницы! Почему дрожат ресницы?
Почему агат царицы в трепетаньи огнемом?
Заслужил ли подозренье? Смерти ждал, — и жить веленье
Получил. В повиновеньи буду я твоим рабом».

Он сказал еще: «Златая! Ты заря, ты солнце рая.
Бог всевышний, создавая, быть тебе здесь солнцем дал.
Ты велишь, — идут планеты. Весь тобой я в блеск — одетый.
Мой цветок, живые светы взяв в себя, пребудет ал».

Луч — к лучу, и к слову — слово. Вот они клянутся снова.
Сердце нежное — медово, и любовь подтверждена.
Все минувшие печали чем-то очень легким стали.
Зубы белые блистали, как от молний — вышина.

О, какая им утеха — быть вдвоем, как с эхом эхо,
Средь веселья, шуток, смеха говорят о ста вещах.
Молвит он: «Тебя, златая, можно знать — лишь ум теряя.
Сердце вспыхнуло, сгорая, сердце — пепел, жгучий прах».

Но пришел конец уладам. Он прильнул к кристаллу взглядом,
Побледнел — и слезы градом. Хоть ушел, да не ушел.
Незнакомое с обманом, сердце он, в гореньи рьяном,
Отдал сердцу. Так к румяным розам льнут касанья пчел.

Он сказал себе: «Златая! Вот уже разлучность злая.
И рубин мой, увядая, стал желтее янтаря.
Без тебя как быть в разлуке? Но стрела готова в луке.
В честь любимой сладки муки. Смерть приму — тобой горя».

Он в постели, сны мятутся. Брызги слез обильно льются.
Так листки осины бьются, как, скорбя, он трепетал.
Странен уху шорох каждый. Дух его исполнен жажды.
Стала пытка пыткой дважды, — сон о ней он увидал.

В том терзаньи отлученья — ревность, помыслы, мученья.
Слез горячих истечение — словно нитка жемчугов.
Но тревожный сон напрасен. Брезжит день, — он снова ясен.
На коне своем, прекрасен, едет, путь принять готов.

За дворецким в зал приемный посылает, и, хоть скромный,
Но в стремленьи неумный, он царю реченье шлет:
«Мысль мою, о царь, не скрою: ты царишь над всей землею.
Весть о славе, взятой с бою, да ко всем кругом придет.

В путь пойду и не устану. Воевать с врагами стану.
Если недруг, в сердце рану нанесу в честь Тинатин.
Непокорный да смутится, а покорный веселится.
Ток даров не прекратится. Да горит огнем рубин».

Изявив благодаренье, царь ответил: «Лев! Стремленье
Рук твоих — всегда в сраженьи. Смелость молвит твой совет.
В путь иди, в страну чужую, позволение я дарую.
Но коль ты разлуку злую будешь длить, мне счастья нет».

Пред лицом царя представши и почтение воздавши,
Витязь молвит: «Услышавши звук похвал, я изумлен.
Сколько счастья в этом звуке! Легче с ним — расстанья муки.
Бог уменьшит час разлуки. Светлый лик твой — мне закон.

Мысль свидания — лелею». Царь упал к нему на шею.
С полной нежностью своею в нем он сына целовал.
Нет таких, как эти двое. Бьется сердце в них благое.
Засветило ретивое в Ростеване слез кристалл.

Вот уходит витязь смелый в чужеземные пределы.
Двадцать дней уж день он белый с черной ночью слил в одно.
В ней, златой, восторг вселенной, клад сокровищ сокровенный,
С Тинатин он мыслью пленной, ею сердце зажжено.

Входит в горы, входит в доли. Чуть он где, там пир веселый.
Речи вьются, точно пчелы. Все приносят щедрый дар.
Солнцеликим, светловагорым, в переходе этом скором,
Служ склоняя к разговорам, он не медлит в свете чар.

У него была твердыня. Замок горный на вершине.
Три он дня там медлит ныне. Шермадин — как верный с ним.
Вся душа его, вся сила, сердце всё — для Автандила,
Но ему безвестно было, тот горит огнем каким.

Витязь молвит Шермадину: «Стыдно мне, но стыд содвину.
Я скрывал свою кручину. Но теперь откроюсь, верь.
Были пытки, были грозы. Я ронял несчетно слезы.
Но от той жестокой розы — луч отрады мне теперь.

К Тинатин моя истома. К ней любовь, о ней вся дрёма.
Без конца у водоема слезы к розе лил нарцис.
Боль открыть не мог доньше. Я томился как в пустыне.
Но теперь конец кручине. Упованья мне зажглись.

Мне сказала: «Неустанный, ты ищи, где витязь странный.
А когда вернешься, жданный, сердцем всё возьмешь свое.
Ты как цвет к цветку над лугом. Лишь тебя возьму супругом».
Пусть утрачу счет услугам. Раб, да вознесу ее.

Я ведь витязь, — так прилично мне служить ей безгранично.
Верность трону лишь обычна. Раз слуга, служи вовек.
Взяв ее бальзам сладимый, стих пожар неукротимый.
Если ж в даях беды зримы, встретить их, встретить — как человек.

Между всех, кто подчиненный, ты один мне приближенный,
Связан дружбой неуклонной я с тобою. Потому
Над моею всей дружиной ты владыка будь единый,
Лишь тебе тот рой орлиный я доверю одному.

Правь же твердою рукою. Для бойцов, идущих к бою,
Ты пример являй собою. И к двору посланья шли.
И в дарах будь вне сравнения. Будь мое здесь повторенье,
Чтоб мое исчезновение и заметить не могли.

Мною будь в военной славе и в охотничьей забаве.
Так три года честно правя, тайну свято сохраняя.
Может быть, мое алоэ будет цвести себе в покое.
Если ж встречу роковое, плачь по мне, скорби, вадыхай.

Шли царю оповещенье, что — увы! — пришло затменье.
Будь как пьян от огорченья. «Нежеланна смерть, — скажи: —
В край, откуда нет возврата, он ушел». Сребро и злато,
Всё раздай, чем жизнь богата, и ничем не дорожи.

Так поможешь мне — отменно. Пусть погибнет то, что бrenно.
Но про душу, неизменно помня, медли забывать.
Сон и смерть — в черте соседства. Вспомни наше малолетство,
И, мое вспомнив детство, сердцем будь ко мне как мать.

Слышит раб — и весь слезами залился, как жемчугами,
Меркнет взор его, огнями беспокойными сквозя.
«Сердце ль будет веселиться, коль тебя оно лишится?
Но когда твой дух стремится, удержать тебя нельзя.

Мне велишь принять господство. У меня какое ж сходство
Есть с тобою? Превосходство вижу мысли я другой:
Будешь ты один, я внемлю. Лучше ж пусть уйду я в землю.
Но разлуки не приемлю. О, возьми меня с собой!»

Витязь молвил: «Все сомненья прочь отбрось без промедленья
Тот, кто любит, в ком томленье, пусть лишь в обществе своем
Он тоскует, бродит, бьется. Жемчуг даром ли дается?
Кто ж изменник, да смеется, в сердце раненный копьем.

Тайны кто моей достоин? За тебя же я спокоен.
Будешь верным мне, как воин. Укрепляй оплот твердынь.
Враг забудет приближенье. И, быть может, дней течение
Принесет мне возвращенье. Боже, вовсе не покинь!

Рок, губя, не знает счета, сто ли здесь, один ли кто-то.
Духов благостных забота не оставит. Верь судьбе.
Не вернусь я в срок трехлетний, — ткань надень темней, беоцветней.
Чтоб почтен ты был приветней, дам я грамоту тебе».

Грамота Автандила к его приверженным

Пишет к верным витязь славный: «Вы, чей дух всегда исправный,
Приказаньям, тенью равной, внявши, верил и служил, —
Здесь мой голос, полнозвучно, да прочесть не будет скучно,
Я пишу собственноручно, прах пред вами, Автандил.

Вы, наставники, внимлите. Вы, приверженцы, склоните
Слух. Вы, юноши, спешите мне внимать, собравшись в круг.
Я хочу, на дней течение, только петь, побыть лишь в пенье,
А дневное прокормленье — руки мне дадут и лук.

Я одно замыслил дело. И до дальнего предела
Я один направлюсь смело. Буду странствовать я год.
Я прошу лишь о едином: если враг к моим дружинам
Подойдет разящим клином, — верный пусть отпор найдет.

Повинуйтесь Шермадину все, как мне, как господину.
Как отец сияет сыну, будет солнцем он для вас.
С ним и роза не завянет, никого он зря не ранит,
Если ж злой кто, воском станет и растопится сейчас.

Вам известно, как росли мы, тем же чувством единимы.
Он как брат мне, сын любимый. Он второй вам Автандил.
Рог — ему. Его веленья да свершат без промедленья.
Если ж нет мне возвращенья, пусть бы каждый погрузился».

Свиток с выбором богатым слов, сияющих закатом.
Препоясался он златом и, чтоб ехать одному,
Приготовился. Дружины строй построили единый.
«Я поеду вдоль равнины», молвил он, — не ждал в дому.

Он не хочет быть с бойцами. Расстается он с рабами.
Поспешает тростниками. Хочет быть теперь один.
Никого ему не надо. Грусть в пути ему услада.
Есть жестокая для взгляда солнце-роза, Тинатин.

В ликованьи одиноком конь промчался полным скоком.
Вот уж он невидим оком и кругом не взглянет он.
Кто бы с ним ни повстречался, меч его не засвечался.
Ибо сумрак в нем качался, нежной грустью осенен.

А бойцы его, в печали, всё властителя искали,
Но нигде им не сверкали блескижданного лица.
Лица их в тоске бледнели. Где он? Где? В каком пределе?
И того, кого хотели, тщетно ищут без конца.

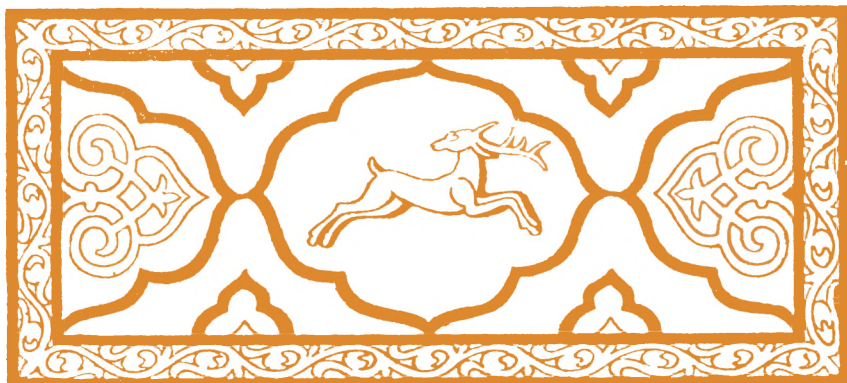
Лев! Кого на месте львином бог поставит господином?
Шел тот возглас по дружинам. Ищут там и ищут тут.
Вопрошают, слышат вести: «Образец высокой чести,
Нет его, но был в том месте». И дружины слезы льют.

Всех вопителей отборных, благородных и придворных,
Для решений договорных Шермадин сзывает в круг.
Им он грамоту читает, каждый слышит и рыдает,
Каждый грудь себе терзает, точно в тяжкий впал недуг.

Все сказали: «Без него мы — будем кем иным ведомы?
Он тебя в свои хоромы с должным правом посадил.
В чем ни будет повеленье, наше в нем повиновенье».
И решению хваленье воздают по мере сил.

Сказо том,
как Автандил искал Мариэля

Есть свидетельство Писанья, что достойно состраданья
Видеть тленье увяданья в розоцветных лепестках.
Роза нежная румяна — пред рубином Бадашхана,
Но от едкого тумана алый цвет — морозный прах.

Автандил, в тоске беззвучной, по равнине едет скучной,
Стук копыт четырехзвучный беглеца уносит вдаль.
За арабские пределы он уехал, онемелый,
Грусть его — как колос спелый. «Близ нее прошла б печаль».

Свежий снег упал с морозом. Жало изморози — розам.
Сердце, отданное грозам, он хотел пронзить не раз.
«Рок умножил в девяносто раз печали, даже до ста, —
Он промолвил. — Это просто неизбежность. Горький час.

Уж забыл я ликование, арф и звонких лир бряцанье
И свирели напеванье, той, чье имя нежно, най».
Так в печали безответной вянет пламень розоцветный.
Но в сердечной мгле заветной молвил он: «Не унывай».

Так не вовсе он туманным был в томленьи нежеланном.
По местам он ехал странным, не теряя час в домах.
Спросит тех, кто на пороге и кого встречал в дороге.
Взоры грустного не строги — будит ласку он в сердцах.

Ищет он того, чье горе током слез наполнит море.
Прах — постель ему в просторе, а подушкой — рука.
И в разлуке с дорогою мыслит: «Сердцем я с тобою.
Но желанней мне, не скрою, смерть, чем жгучая тоска».

По всему лицу земному, по простору мировому,
По всему его объему он блуждал, не найден след,
И ни с кем он не спознался, кто б с тем впитязем встречался.
Срок в три месяца остался, — и трех лет уж больше нет.

Прибыл он к стране безлюдной, неприветливой и скудной.
Проезжал дорогой трудной. Не встречал он никого.
Только скорбь в стране пустынной. Только ряд сомнений длинный.
Вечный помысел кручинный об избраннице его.

Он достиг в пути до склона мощных гор. Кругом — зелено.
Многолиственное лоно опускалося к воде.
Лес вокруг, а там равнина. Но пред ней бежит пучина.
Пусть в семь дней возьмет ложбина. Но не виден мост нигде.

Круговым путем блуждая и со вздохом дни считая,
Счел, что в сроках всех до края — лишь два месяца ему.
И скорбит, томясь тоскою. «Как же тайну я открою?»
Не родишь себя собою. Не изменишь в солнце тьму.

Он задумался в сомненьи Стал в глубоком размышленьи.
Есть ли смысл мне в возвращеньи? Что ж могу сказать звезде?
Столько дней на вольной воле я блуждал в широком поле.
Что же я узнал? Не боле, как что нет его нигде.

Не вернусь же, будет нужно вновь искать мне, в честь жемчужной,
Снова долгий путь окружный и длиннейший совершать.
Дни меж тем свершатся срока. Будет плакать ум и око.
Шермадин, скорбя глубоко, будет смерть мою вещать.

Он к дарю пойдет. Заплачет. Нет меня, я умер, значит.
Мысль иная мне маячит, не хочу я скорби их.
Я везде искал, блуждая. Так не скроюсь, пропадая,
А вернусь». И он, рыдая, спутан в мыслях был своих.

«О, зачем, — сказал, — со мною ты дорогою кривою
Ходишь, боже? Всей землею я обманут на пути.
Или я искал напрасно? Мысль — гнездо, где всё злосластно.
Уж не будет в сердце ясно. Уж печалям не пройти».

Снова молвит: «Но терпенье лучше тяжкой мглы сомненья,
Смерть не ищет ускоренья. Да не давит грудь беда.
Что без бога здесь я значу? Лишь напрасно слезы трачу.
Если он не шлет удачу, не случится никогда.

Все, какие есть, созданья видел я среди скитанья.
Но о витязе том знанья не имел никто из них.
Не достигнешь цели стоном». Он спускается по склонам.
Тихо едет по зеленым побережьям вод лесных.

Ропот вод, дерев шуршанье будят в нем воспоминанье
О тщете его исканья. Он коня пускает в скок.
Сила длани истоцилась. Гордость сердца замутилась.
Ширь долин пред ним открылась. Путь его еще дадек.

Он решает возвращенье. Но сердечное мученье
Вздохи льет, воскликновенья. Он глазами мерит путь.
Целый месяц всё сурово. Лица нет нигде людского.
Звери там, и звери снова. Стрел не хочет в них метнуть.

Но хоть весь истосковался, сын Адама в нем сказался, —
Автандил проголодался. Застрелил дичину он.
Наземь сел над тростниками. Трав сухих сложил с сучками.
Высек пламень, огоньками для него костер зажжен.

Он коня пустил кормиться. Мясо жарится, дымится.
Вот к нему отряд стремится странных всадников, их шесть.
Молвил: «Бег коней отличен. Вид безвестных необычен.
Он разбойникам приличен. Что-то скрытое здесь есть».

Взял он в руку лук и стрелы и предстал пред ними, смелый.
Меж братьями онемелый, безбородый был ведом.
Он шатался, словно пьяный. Голова его от раны
Кровью искрилась румяной. Он казался мертвецом.

Витязь молвил: «Братья, кто вы? Увидав, как вы суровы,
Думал я — к добыче новой здесь разбойники спешат».
«Помоги нам, — отвечали. — Будь без страха и в печали.
Будь нам друг, чтоб мы рыдали, видя твой грустящий взгляд».

С опечаленными ими, как окутанными в дыме,
Речь ведет он. «Как вам имя?» Говорят они в ответ:
«Без печали мы, три брата, жили весело, богато,
Там, где крепость ввысь подъята, в славном крае Кхатаат».

Слышим, зверь есть для ловитвы. Снарядившись, как для битвы,
Мы отправились в гонитвы, взяв бесчисленных бойцов.
Мы стреляли с звонким криком и в веселии великом,
Взгляд остря на звере диком, мчались возле берегов.

Тех стрелков, что были с нами, мы срамили не словами, —
Метко бьющими стрелами. Утверждал любой из трех:
«Лучше я, чем ты, стреляю». — «Нет, я метче попадаю».
Спорам нет конца, ни краю. Кто же в споре будет плох?

Нагрузив олени шкуры на бойцов, весь строй их хмурым
С грузом той добычи бурой отпустили мы домой.
Всех защитников отправив, луконосцев лишь оставив,
Сердце вдосталь позабавив, всё ж мы тешились стрелой.

Конским бегом пыль взметая, в зверя в скоке попадая,
Наша вся семья младая веселилась по лугам,
По лесам и по пещерам. Смерть оленям и пантерам!
Взвидим птицу в лёте сером, вмиг падет, как камень, к нам.

Споры, шутки, смехи, шумы. Вдруг мы видим: полный думы,
Витязь мрачный и угрюмый, на коне он вороном,
Как на сказочном Мерани. И тигровый мех на стане.
Лик красивый, от сияний небывалым бьет огнем.

Мы глядим на лик блестящий. Трудно вынести свет горящий.
Это молний блеск летящий. Это солнце на земле.
Так шептали в изумленьи. И хотели в дерзновеньи
Взять того, кто в огорченьи слезы лить нам дал во мгле.

Старший, я просил меньшого, пусть мне даст бойца лихого,
Средний просит вороного, младший просит боя с ним.
С младшим оба мы согласны. Да слешит он к схватке, страстный.
Витязь едет, весь прекрасный, и ничем не возмутим.

Щеки грустного — как розы. На увядших видны слезы.
Нет в глазах его угрозы. Не заводит с нами речь.
Едет, взор к нам не склоняя. Но тому, кто встал, дерзая,
Участь им дана лихая, — хлыст его упал, как меч.

Отступив с дороги сами, мы смотрели, как пред нами
Едет он, — тут вдруг руками младший брат его схватил.
«Стой!» — вскричал он с дерзновением. Тот размеренным движением
Поднял хлыст, одним ранением брата наземь покати.

С рассеченной головою пал он, кровь бежит струею,
Как земля он стал с землею, — он, как труп, к земле готов.
Так сражен был дерзновенный, с прахом был сравнен смиренный, —
Он же скрылся прочь, надменный, — смел, и светел, и суров.

Нет, чтоб к нам оборотился. Тихо ехал, тихо скрылся.
Вон там блеск его явился. Видишь, солнце и луна». Видят очи Автандила: он, чей лик есть лик светила,
Быстро грусть в нем проходила. Значит, правда найдена.

Витязь молвит: «Бесприютный я скиталец, в поминутной
Грусти, с грезой попутной, я искал везде того.
Через вас он найден мною. Пусть господь своей рукою
Разлучит вас с скорбью злою. Сердцем так молю его.

Встретил я мое желанье, вижу сердца упование.
Пусть вам бог пошлет даянья. Пусть излечится ваш брат». Свой уют им показал он, и еду свою им дал он.
«Брат ваш ранен, и устал он, отдохнуть здесь будет рад».

Так сказал. С судьбой не спорил. Быстро он коня прищпорил.
Свой полет вперед ускорил, точно сокол в вышине.
Так луна горит младая, встречу солнца упреждая.
И заискрится золотая радость солнца по луне.

Но, подъехав, многодумный, он замедлился, бесшумный.
«Если речь начать, безумный может в ярость впасть вдвойне.
Мудрый трудное деянье совершит без колебания
И без спешки, твердость знания выявляя в тишине.

Если столь он ослепленный и в рассудке поврежденный,
Что и к речи, обращенной с добрым чувством, слеп и глух,
Мы, сойдясь, придем лишь к бою, — или я его рукою,
Или он, сраженный мною, — вновь исчезнет он, как дух».

Автандил сказал: «Продление колебанья и мученья
Бесполезно. Нет сомненья, не живет он без гнезда.
Пусть исчезнет предо мною, хоть за плотную стеною,
Где очаг его, открою и приду к нему туда».

День прошел, и сумрак сходит. Полночь звезды хороводит.
Двое суток путь уводит их обоих всё вперед.
И ни слова не сказали. И нигде не отдыхали.
И не ели. Лишь в печали каждый витязь слезы льет.

Вот с вечернею зарею скалы встали над скалою.
В них пещеры над рекою. Возле влаги камыши.
Не исчислить их, считая. И к утесам припадая,
Мощь деревьев вековая воздымается в тиши.

В плащ одетый желто-бурый, витязь под тигровой шкурой
Въехал в мрак пещеры хмурой. Автандил же бег коня
Правит к дереву, осторожен. Слез. Проворный конь стреножен.
Стал кормиться, бестревожен. Вздых слышался, стена.

Автандил на ветке древа. Смотрит вниз он. Как из зева,
Из пещеры вышла дева, в черной мантии она.
С кликом слезы проливала, с плеском волн свой стон мешала.
И скитальца обнимала, и печальна, и нежна.

Грустный витязь молвил в горе: «О сестра Асма! В уборе
Ночи! Мост наш рушен в море. Не найти нам той, что жжет».
И рука его терзала грудь его. И слез не мало
Дева с грустным проливала. Каждый стонет в свой черед.

Рвут власы, и лес густеет. Юный кровью пламенеет.
Обнял деву и жалеет, а она о нем скорбит.
Стонут с плачем и мученьем. Стонет эхо повтореньем.
Автандил же с изумленьем на рыдающих глядит.

Дева первая устала. И хоть в сердце было жало,
Вороного провожала в глубь пещерную коня.
Расседлала. Также другу помогла снимать кольчугу.
И печальному досугу предались с закатом дня.

Автандил надивовался. Тут какой-то смысл скрывался.
«Как узнаю?» День занялся. Дева, в черном вся, как ночь,
Вышла, звякнула уздою и воздушною фатою
Вытирает, не пустою хочет помощью помочь.

Подает бойцу доспехи. Он не медлит здесь в утехе.
Здесь ни радости, ни смехи неизвестны никогда.
Обнялись. Поцеловала. Снова было слез не мало.
И, одна, глядит устало, вся — печаль и вся — беда.

Автандил бойца младого пред собой увидел снова.
Облик солнца золотого промелькнул, заря ушла.
Дух красавца — дух алоэ. В нем бесстрашно ретивое.
Льва убить ему пустое, — так, как льву загрызть козла.

Тот же путь он выбрал ныне, что и раньше, по равнине.
Едет, дух предав кручине, проезжает тростники.
Автандил, смотря, дивился. Он меж веток древа скрылся.
«Бог на зов мольбы склонился. Здесь конец моей тоски.

Тайну выявить наружу деву я, схватив, принужу.
Кто тот витязь, обнаружу. Тайну ей скажу мою.
Бог дарует указанье. Не вступлю я в состязанье.
Не приму меча касанье, и его я не убью».

Полон кротости, не гнева, отвязал коня от древа.
Из пещеры вышла дева, услышавши стук копыт.
Грустной деве показалось, — это солнце возвращалось.
Радость в лице отражалась, зарумянилась, спешит.

Лик иной вдруг увидала. Сходства с прежним было мало.
С криком быстро побежала, чтобы спрятаться в скалах.
Витязь скок с коня проворно. Он схватил ее. Повторно
Слышен долгий крик. Упорно бьется птицею в сетях.

И взглянуть ей даже гадко на него. Орлина хватка.
Но трепещет куропатка, убегая от орла.
Тариэля призывая, плачет дева молодая.
Витязь молит, убеждая, чтоб в себя она пришла.

«Тише, — молвит. — Нет здесь срама. Я же честный сын Адама.
Не грозит тебе здесь яма. Знаю я, как горячи
Эти розы и фиалки. Знаю, как бледнеют, жалки.
Не жужжи, как ропот прялки. Умоляю. Не кричи.

О, не будь же беспокойной. А скажи, кто этот стройный
Кипарис с краскою знойной?» Падал наземь Автандил.
А она в тревоге шумной повторяла: «Ты безумный.
Если ж нет, заметь, что гумны цеп ни разу не пробил.

Сколь ты легок, вопрошая. Скрыта тяжесть здесь большая.
Но напрасно, поспешая, нудишь ты сейчас ответ.
Грусть чрезмерна, чрезвычайна. Стон не вырвался случайно.
И на зов — «Скажи, в чем тайна», — я одно промолвлю: — «Нет».

«Если б знала ты, откуда, — молвит он, — вникая в чудо,
Я пришел, тогда б отсюда не гнала с пустой рукой.
Пусть, тебе надоедая, я тесню тебя, но, зная,
Как молю я, убеждая, не робей же предо мной».

Дева молвит: «Кто ты? Что ты? Этот гнет зачем заботы?
Скал угрюмых повороты солнце скрыли от меня.
Ты пришел, морозный холод. Долгой речью ум расколот.
Хоть моли, хоть бей, как молот, — здесь не выманишь огня».

Вновь коленопреклоненья, уговоры, убежденья.
Тщетно всё. От нетерпенья ярим гневом он зажжен.
На лице негодованье, крови брызнуло пыланье.
Деву за косы он дланью, к горлу нож приставил он.

Восклицает витязь страстно: «Что ж, я плакал здесь напрасно?
Так зловолье безучастно? Нас обоих не губя,
Быть не дай в мученьи строгом. Или, вот клянуса богом,
Смерть врагу, и пред порогом смерть тебе, убью тебя».

Дева молвит: «Цели силой добиваться — путь постылый.
Раз убил, — взята могилой. Тайну гроб укроет мой.
Почему, пока терзанья длятся, делать мне признанья?
Но убьешь, — для упованья заодно могилу рой».

И еще она сказала: «Или горя было мало?
Для чего меня искало это сердце? Для чего?
В языке нет сил, ни знанья, чтоб сказать повествованье.
Я — прочтенное посланье. Увидал, — порви его».

Знай, что смерть мне не лишенье. Прекратит тщету томленья.
В ней запруда для мученья. Что мне, если я жива?
Мир — мякина мне пустая. Но, тебя совсем не зная,
Как сказать мне, доверяя сокровенные слова?»

Витязь мыслит: «Эти речи, может быть, другим предтечи.
Но они еще далече. Как сплести вернее нить?»
Сел, заплакал. Молвит дева: «На меня ты, знаю, в гневе.
Злое семя было в севе. Это мне не пережить».

Дева в лике омрачилась. Еще сердце не смягчилось.
Витязь плачет. Всё затмилось. Больше он не говорит.
Розоцветный сад светлеет. Нежный цвет росу лелеет.
Дева плачет и жалеет. Сердце к грустному стремится.

Жаль ей витязя. Но дума непокорная угрюма.
Туча так струит без шума на деревья мрак теней.
И с чужим сидит чужая. Витязь, всё в ней замечая,
Видит — вот она другая. На колени стал пред ней.

Говорит, склоняя вежды: «Рассердилась. Нет надежды.
Как без пищи, без одежды — здесь я. Вовсе не затми.
Мне шепнуло помышленье, что простишь ты прегрешенье.
Мы должны давать прощенье, и не раз, а до семи.

Хоть мое начало службы было дурно, почему ж бы,
Пожалев любовь, ты дружбы не явила мне сейчас?
Мне помочь никто не может. Сердце жизнь тебе предложит.
Всё возьми. Но пусть поможет мне сестра на этот раз».

О любви его услыша, дева плачет, громче, тише.
Переменно так по крыше светлый дождь стучит весной.
Вырастает жалоб сила. Влага розу оросила.
Бог к желанью Автандила лик склонил приветный свой.

Мыслит он: «Она, бледнее, уж не роза, а лилея.
Верно любит». И, смелея, снова молвит: «О сестра!
В ком любовь ярит горенье, жалость к тем — без исключенья.
Враг тут знает сожаленье. Смерть в любви — всегда пора.

Я в любви, я влюбленный, словно разума лишенный.
Я, зарей моей зажженный, послан витязя найти.
Где я в поисках скитался, даже день не зажигался.
Сердцем я тебя дождался. Сердце дай мне обрести.

В мысли, в тайне сокровенной, он живет запечатленный.
Лик его как лик священный. Света нет душе моей.
Мчусь безумный в мир суровый. О, разбей мои оковы!
Дай зажечь мне жизнью новой или, скорбь стгустив, убей».

Чувства полная иного, уж не так теперь сурово
Дева, глянув, молвит слово: «Больше здесь теперь добра.
Ты вражду сейчас посеял и вражду, печалясь, свеял.
Друга ты во мне взлелеял, я вдвойне тебе сестра.

Если, помощи желая, говоришь, к любви взывая,
Я тебе сестра родная, верь в усердную слугу.
Если сердца не явлю я, обезумленный, тоскуя,
Ты погибнешь. Пусть умру я, но тебе я помогу.

Так внимай моим внушеньям. Отнесись с повиновеньем
К указаньям и вельеньям, и придет конец беде.
Если ж слушаться не будешь, состраданья не пробудишь,
Достиженье не принудишь и, скорбья, умрешь в стыде.

Хоть страдает сердце страстно, но другое — безучастно,
Если ты упрям напрасно. В чем твой долг, ты сам суди».
Витязь, речью довод строя, слово вымолвил такое:
«Где-то странствовали двое. Проходивший впереди

Пал в колодец, не выдавши. Задний, быстро подбежавши,
Вскрикнул: «Горе!» Повздыхавши, молвит другу: «Ты пожди.
Здесь помедли. Я же, ловкий, побегу, вернусь с веревкой
И тебя моей сноровкой кверху вытяну, гляди».

Тот в колодце дивовался, снизу громко рассмеялся:
«А куда бы я девался? Расскажи, куда пойду?»
Так веревкою своею ты, сестра, обвей мне шею.
Без тебя я не сумею разрешить мою беду».

Дева молвит: «Речь угодна мне твоя и с правдой сходна.
Витязь добрый, благородно мыслишь ты и говоришь.
Коль, блуждая в чужедали, знал такие ты печали,
Пусть тебе бы отдых дали, пусть ты боль свою смиришь.»

Коль в исканьи неустанным хочешь сердцем постоянным
Знать о витязе том странном, о себе он скажет сам.
Кто так долго ждал, дождется и того, что он вернется.
Роза снегом не затрется. Не давай ее слезам.

Как зовемся здесь мы сами, знай, владея именами:
С безнадежными мечтами грустный витязь — Тариэль.
Я — Асмаат. Всегда стораю. Нет тоске конца, ни краю.
Вдох ко вздоху подбираю, и стенаю, как свирель.

О красивом, что на воле бродит, сетуя о доле,
Не могу сказать я боле, хоть желала б, ничего.
Тем кормлюсь, что беспокойный привезет с охоты знойной.
Может, вдруг вернется стройный. Может, долго ждать его.

Подожди. Как возвратится, может сердце в нем смягчится.
С ним смогу я сговориться, и полюбит он тебя.
Сам тебе он всё расскажет, сердце скорбное покажет.
И венки — твой разум свяжет — той, о ком скорбишь, любя.»

Словно нежный звук напева, слушал он, как молвит дева.
Оглянулись, — слышен слева от прогалин всплеск воды.
Это месяц, весь лучистый, приближался серебристый,
И они к пещере мглистой поспешают от звезды.

Дева молвит: «Витязь, горе бог твое рассеет вскоре.
Горьких слез иссякнет море. Спрячься там внутри скорей.
Всяк ему да подчинится, или злое приключится.
Может, гневность в нем смягчится, овладеть сумею ей».

В глубь пещеры Автандила дева в спешности сокрыла.
Витязь слез с коня. Светило стрел в колчане острие.
Меч его горит блестящий. Плачут оба. Чаше, чаше
Слезы льют. Поток дрожащий. Скорбь сильна. Не скрыть ее.

Грустный витязь с девой черной в скорби плакали упорной.
Был печален стон повторный. Автандил из-за угла
Видит всё, сокрыт стеною. Повод взяв своей рукою,
Вороного за собою дева молча увела.

Автандил в тюрьме, но волен. Он уж больше не бездолен.
Здесь разгадка, — он доволен. Шкура тигрова снята.
Он на ней сидит, суровый, витязь, знающий оковы
Тяжкой грусти вечно новой. Слез янтарна красота.

Тех ресниц, того агата ткань сквозная кровью смята.
Но добыча дня богата. Дева жарит дичь ему.
Не смотря, кусок он сунул в рот себе, жевнул, отплюнул.
Он не свеял, он не сдунул тень, что клонит ум во тьму.

Он прилег. Уснул. Но вскоре, с болью тайной в разговоре,
Крик за криком, словно в хоре, устремляет он в борьбе.
Палкой в темя ударяет, камнем грудь обременяет.
Дева смотрит и терзает ногтем всё лицо себе.

Плача, дева молвит слово: «Почему вернулся снова?
Что в пути ты встретил злого?» Витязь молвит ей в ответ:
«Там охотничьи забавы. Царь какой-то в блесках славы.
Ловчих целые оравы. Зверя выследили след.

Вид людей мне был докучен. Крик людской был слишком звучен,
В лес я спрятался, измучен, прочь отпугнутый толпой.
Не погонятся за мною, — завтра выеду с зарею).
Дева с новою тоскою смотрит, взор блестит слезой.

Говорит ему: «Лишь в чаще твой товарищ — зверь рычащий.
Степь кругом и лес молчащий. Горы в сумрачной тени.
В чем имеешь развлеченье? И кому твое томленье
Доверяешь в миг сомненья? Ты напрасно губишь дни.

Сколь обширна ширь земная. Где же та душа родная,
Чтоб, тебя не раздражая, быть с тобою в беге дней?
И впадая в раздраженье, не уменьшил ты мученье.
Коль умрешь, тут нет спасенья. Этим как поможешь ей?»

Он сказал: «Сестра! В певучей речи — свет, как свет есть в туче.
Но для этой раны жгучей на земле бальзама нет.
Пусть уж встанет смерть пределом, чтоб душа рассталась с телом.
Стихну сердцем онемелым. Будет в этом нежный свет.

Где под тою же планетой дух явился, в плоть одетый?
Песни, тем же звуком спетой, где знакомая игра?
Кто мои тяготы примет? Тяжесть доли приподымет?
Одного лишь не отнимет мрачный рок — тебя, сестра».

Дева молвила с мольбою: «Если мне перед тобою
Суждено моей судьбою быть как визирем тебе,
Не могу скрываться, зная. В том, что крайность, сила злая.
Ты же все пределы края перешел в своей борьбе».

Витязь молвит: «За твоими здесь словами всё как в дыме.
Что сказать ты хочешь ими? Говори ясней со мной.
Как найти могу такого, чтобы в нем была основа?
От страдания немого сам я стал как зверь лесной».

Дева молвит снова: «Знаю, я тебя обременяю.
Но тебя я вопрошаю: если б я нашла кого,
Кто своею доброй волей жить твоей хотел бы долей,
Жить тобой среди раздолья, — ведь не ранишь ты его?»

Отвечает: «Сердцем буду только радоваться чуду.
Той, которой не забуду, кем безумно брежу я,
С ним клянусь я быть любезным, не коснусь мечом железным,
Как звезде в луче созвездном — вот ему любовь моя».

Дева вышла. Автандила ободряя, говорила:
«Он не гневен». Приходила вместе с ним рука с рукой.
Как звезда с луною ясной. Тариэль четой согласной
Восхищен: «Здесь лик прекрасный солнца с утренней зарей».

Тариэль пред Автандилом как светило со светилом.
Свет по тучкам среброкрылым плавит солнце и луна.
Перед ними и алоэ — точно дерево любое.
Семь планет в небесном рое — их краса нежна, сильна.

В чем еще найти сравненья? Вот, не чувствуя смятенья,
Хоть чужие, без смущенья, будто были дружны встарь,
Обнялись, поцеловались, розы губ их раскрывались,
Гиацинты изменялись, обращен рубин в янтарь.

Тариэль, схвативши руку Автандила, вылил муку
В токе слезном. Ту науку четко знал и Автандил.
Шепчет им Асмат внушенья, диво-слово утешенья:
«Да не будет вам затмения. Небо мертво без светил».

Словно утренним морозом холод чуть прошел по розам
Тариэля. Всё же грезам дух его еще открыт.
Говорит: «Ответь скорее. Кто ты? Что в уме лелея,
В мир пошел ты? Я, бледнея, даже смертью здесь забыт».

Автандил ему, учтивый, в речи мерной и красивой,
Говорит ответ правдивый: «Тариэль! Смелычак и лев!
Я — араб и приближенный. Край арабов благовонный
Я оставил, весь сожженный, на огне любви сгорев.

Дочь царя, царицу ныне, я люблю. Тебя в кручине
Видел я давно. В пустыне то случилось лесной.
Вспомни день, когда ты, сильный, смерти дал улов обильный,
Устремивши в мрак могильный нападавших целый рой.

На равнине ты томился. На тебя мой царь гневился.
В ссоре этот гнев излился. Звали мы, но медлил ты.
Звали мы тебя трикраты. За тобой пошли солдаты.
Расцветил ты цвет богатый, всё кровавые цветы.

Ты, меча не обнажая, лишь с плеча свой хлыст вздымая,
Ранил, череп рассекая, — свист, и пасть бойцы должны.
Царь в погоню, но в мгновение ты сокрылся, как виденье.
Всех объяло изумленье. Были мы поражены.

В скорби царь был ночи равен. Разум царский своею равен.
Захотел, чтоб был ты явен, обнаружен перед ним.
Розыск шел, и ходом ярым. Все старанья были даром.
И ни юным ты, ни старым не был ведом, был незрим.

Тут она меня послала, та, пред кем и солнце мало,
Не вполне сияет ало, кто нежнее, чем эфир.
Говорит: «Узнай об этом солнцеликом». И с обетом —
«Всё, что хочешь», — как с заветом, я пошел в широкий мир.

Три мне года было срока. Без нее скорбел глубоко.
Я скитался одиноко. Но никто тебя не знал.
Повстречались мне три брата. И на них была поднята
Длань твоя. Страшна расплата. Старший всё мне рассказал».

Бой давнишний, что напрасно начат был, припомнил ясно
Таризель, и всё, согласно с точной правдой, влил в слова.
Молвил: «Четко помню дело. Хоть уж много пролетело
Дней с давнишнего предела, память их еще жива.

Вы охотничьи забавы длили, полны гордой славы.
Утоптали всюду травы. Я же плакал над рекой.
Мыслил я о том, чья сила счастье сердца погубила.
Что вам трогать нужно было сердце, взятое тоской?

В этом сумрачном пределе от меня чего хотели?
Сколь несхожи в самом деле смех — и слезы на щеках!
Вы схватить меня желали. К потонувшему в печали,
Вы рабов ко мне послали. Что же? Спят они в гробах.

Раздались повсюду крики. Оглянулся, вижу лики.
Жаль царя мне, — и, владыки не коснувшись, скрылся я.
Конь бывает мой незримым. Он исчезнуть может дымом.
Как о нем, неукротимом, скажет лучше речь моя?

Не моргнешь, в мгновенье ока вот уж я совсем далеко.
Те, напавшие, жестоко пострадали от меня.
Только дерзкие посмели, длань качнул я еле-еле,
Руки их оледенели, дерзновенный пал, стена.

Ты же, с помыслом достойным, солнцеликим, солнцезнойным,
Кипарисом встал здесь стройным, ты, испытанный во днях.
Знаешь, что есть сердца смута. Но не каждая минута
Даст того, чье бремя, пута — бог, забывший в небесах).

Автандил сказал: «Меня ли будешь ты хвалить? В печали
Не поблекшему пристали все высокие хвалы.
Мне ль с тобой идти в сравненье? Лик небес, что пал в теченье
Дней земных, чрез помраченье ты прошел — не взявши мглы.

Ныне та, чей блеск и сила сердце мне в любви затмила,
Мной забыта. Чтоб служила лишь тебе душа, хочу.
Гиацинт горит прекрасно. Но хочу эмали страстно.
Вплоть до смерти, полновластно, ты. С тобой служу лучу».

Тариэль сказал: «Смущенный, пред тобой я — изумленный.
У тебя в душе зажженной, вижу, огонь ко мне зажжен.
Что в отплату ты имеешь? Ведь о милой пламенеешь.
Но влюбленного жалеешь, как влюбленный. В том — закон.

Госпоже своей — примерный был слуга ты в службе верной.
Бог дорогой достоверной вел тебя: мы здесь сидим.
Как же только я сумею поделиться той моею
Тайной? Чуть в словах я с нею, — буду пламя, буду дым».

Тариэль молчал мгновенье. Был он весь воспламененье.
И Асмат его реченье: «Только твой со мной был лик.
Что ж меня так знаешь мало? Разве вынешь это жало?
Но — и в нем печаль пылала. Я пред витязем — должник».

Он промолвил к Автандилу: «Посвящая брату силу,
Должно смерть принять, могилу. Здесь утрата не страшна.
Губит бог одной рукою, чтоб спасти кого другою.
Что бы ни было со мною, расскажу я всё сполна».

Он сказал Асмат: «Пока я буду, мысль свою терзая,
Речь вести, быть может злая пытка чувств лишит меня.
Ты мне грудь облей водою. Труп же видя пред собою,
Плачь, стеная надо мною, плачь, могилой затеня».

Стал готовиться он к речи. Расстегнулся. Наги плечи.
Был как солнце, что далече, с потухающей зарей.
Роза уст сверкнуть бессильна. Губы сжаты. Скорбь могильна.
Вскрикнул. Слезы льют обильно. Влажный огонь бежит струей.

Простонал: «Любовь! Родная! Мысль моя! Виденье рая!
С древа жизни ветвь живая! Чьей ты срезана рукой?
Столько раз воспламенилось, сердце, ты. Так больно билось.
Как же не испепелилось до сих пор в борьбе такой!»

Сказ Мариэля о себе,
когда он впервые сказал его
Автандилу

«Так даруй же мне вниманье. Я скажу повествованье.
Чувство выявлю, деянья, — уж таких не будет вновь.
Я не жду от той покоя, кем я брошен в пламя зноя,
Ей безумен, мрак свой строя, изливаю током кровь.

Знаешь ты, и всем известно, семь есть в Индии чудесной,
Семь царей. Но повсеместно Фарсадану — шесть корон.
Он властитель был великий, смелый, пышный, львиноликий,
Вождь царей, и в битве дикой предводитель воинств он.

Царь седьмой, и с нравом рьяным, был отец мой. Сариданом
Звался он. Пред вражьем станом не был гибельный вторым.
Кто имел бы дерзновенье, явно ль, тайно ль, оскорбленье
Нанести тому, чье зренье, как кошке, пронзит и дым?

Не любя уединенья, он любил охоту, пенье,
Принимал судьбы решенья, не заботясь ни о чем.
Но с грозой идут темноты, и к нему пришли заботы.
Вопросил себя он: «Кто ты?» И сказал: «Беру мечом.

В крае все храню я части от врагов и от напасти.
Недруг прогнан. Тверд во власти, я ведь царь, и блеск мне дан.
Так пойду же к Фарсадану, пред властительным предстану.
Перед ним склоняюсь, я встану, новым светом осиян».

Принимает он решение. Фарсадану извещение
Шлет: «Всей Индией правленье надлежит царю, тебе.
Сердцем всем и всей душою, ныне я перед тобою
Говорю: твоим слугою буду в славе и в борьбе».

Фарсадан, услыша это, полон радости привета.
Слово шлет ему ответа: «Бога я благодарю.
Царь ты в Индии венчанный, как и я. Когда нежданный
Дар мне шлешь, ты мне желанный. Молвлю брату и царю».

Царством чтит его, как даром. Назначает амирбаром,
Также амирспасаларом, — полководец главный то.
Правя властью полноправной, царь он не самодержавный,
С главным в этом лишь неравный, а в другом над ним никто.

Моего отца с собою равным царь считал. Порою
Молвил: «Горд моей судьбою: где такой есть амирбар?»
То в охоте беспокойной, то в войне и битве знойной,
Всё вдвоем четою стройной. Знак был в нем особых чар.

Я — не он. Хоть благородство есть во мне мое. Но сходства
Нет меж двух. И превосходство было в нем свое всегда.
Был бездетен царь с царицей, хоть лучистой, грустнолицей.
Оттого своей сторицей за бедой пришла беда.

Горе! В час огнем богатый гроз готовятся раскаты.
Амирбару в день проклятый был дарован я как сын.
Царь сказал: «Того же рода он, что я, — одна природа.
Пусть он, — в этом мне угода, — возрастет как властелин».

Царь меня с царицей взяли как свое дитя. Печали
Я не знал. Меня качали, пели ласковый напев.
Люди мудрые учили, возвращали в царской силе.
И как солнце был я или как встряхнувший гриву лев.

Я к Асमत сейчас взываю. Если ложно, что вещаю,
Ты скажи. Я утверждаю, что, когда пяти был лет,
Нежной розой я светился, льва убить не тяготился.
Фарсадан уж не мрачился, что родного сына нет.

Бледен. Крови в лике мало. Но Асमत рассвет мой знала,
Знает, как заря блистала, расцветая юный день.
Хороша краса младая. Говорили: «Он из рая».
А теперь я что? Немая мгла того, что было. Тень.

Пять годов — как свет зарницы. А у царской роженицы,
Дочь родилась у царицы». Юный горестно вздохнул.
Грустный взор блеснул слезою. Обомлел он, взят тоскою.
Грудь Асमत ему водою освежила. Отдохнул.

Молвил: «Сила огневая, что горит во мне, сжигая,
И тогда была золотая. Мой бессилует язык
В похвалах. Пред Фарсаданом, торжествующим, румяным,
Все цари — в усердьи рьяном. Многократный дар велик.

От царей дары богаты. Светлой радостью объаты,
Принимают их солдаты. Гости — в празднестве живом.
Царь с царицей, нас лелея, смотрят вдвое веселее.
Имя той скажу, что, рдея, сердце мне сожгла огнем».

Имя вымолвить он тщится. Взор сверкнет, и взор затмится.
Чувств лишился. Пот струится с побледневшего чела.
В пытке, с этой пыткой схожей, Автандил тоскует тоже.
Тот очнулся. Молвит: «Боже! Ныне смерть моя пришла.

Девы, лик чей светит ало, что семи годов блистала,
Что луной и солнцем стала, имя — Нестан-Дареджан.
С нежной, с ней терпеть разлуку, как такую вынести муку?
Защитишь алмазом руку, сердцу ж где алмаз тот дан?

Так в поре своей напевной возросла она царевной.
Я возрос, чтоб в бой стозевный устремить горячий взгляд.
Вновь к отцу попал я в руки. В мяч играл, был ловок в луке,
Силен в воинской науке. Львов сражал я, как котят.

Царь воздвиг дворец. Как чара, в нем чертог из безоара,
Из рубинового жара, гиацинтов вырезных.
Для нее. А перед домом — садик малый с водоемом.
Розы в зеркале знакомом длили пламень грез своих.

Днем и ночью, в праном зное, из камильниц в том покое
Дымы синие алоэ, желтых пламеней игра.
То в саду она, где тени, то на башне, в сладкой лени.
В этой светлой мигнов смене няня — царская сестра.

Овдовевшая в Каджети, с ней Давар. Не жестки сети.
Дева в ласковом привете научается уму.
В том чертоге озаренном, от других отъединенном,
Дева в мире благовонном провожает день во тьму.

За завесой, как из дыма золотистого, хранима.
За парчой она незримо возросла, кристалл рубин.
С ней Асмаг и две рабыни. Вместе игры без гордыни.
Расцвела, как цвет в пустыне и как дерево долин.

Мне пятнадцать лет уж было. Сердце было полно пыла.
Воля царская взрастила как царевича меня.
Силой лев и солнце вглядом, как взлелеян райским садом,
Предавался я отрадам: стрелы, меч и бег коня.

С тетивы стрела летела, — бездыханно было тело
Птицы ль, зверя ли. И смело попадал я в цель мячом.
Пирование без срока. Но отдельно, волей рока,
Был от той, что огнеока с светлорозовым лицом.

Знают смерть и властелины. Умер мой отец. Кончины
Этой день был день кручины для верховного царя.
Скорбь застыла в Фарсадане. Умер — страшный в вихрях брани.
И восторг — во вражьем стане. Льва страшились не зря.

Уничтоженный судьбою, целый год я был тоскою
Омрачен, как цепкой мглою, не утешенный никем.
Вдруг придворные предстали и приказ мне царский дали:
«Таризель, не будь в печали. Уж конец рыданьям всем.

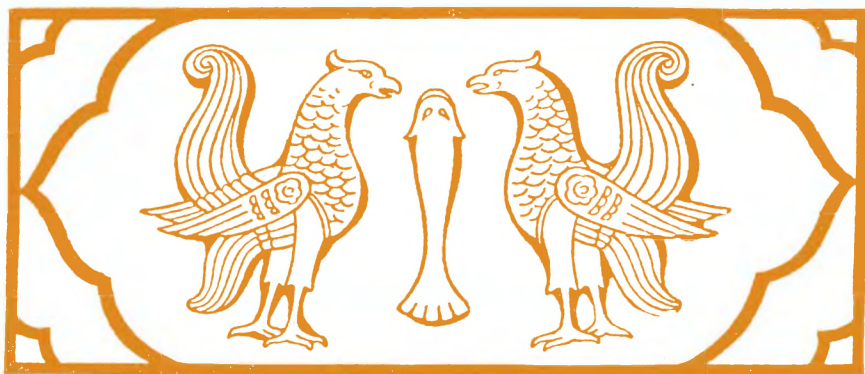
Тосковали мы и боле о печальной нашей доле.
Не минуешь божьей воли. Всем приходит нам конец.
Траур кончен. С веком старым день приводит к новым чарам.
Будь отныне амирбаром и служи нам, как отец».

Вспыхнул я, воспламенился. По отце горел, томился.
Рой придворных преклонился, выводя меня из мглы.
И индийские владыки до меня склонили лики,
Как родители, велики, но любовны и светлы.

Близ своих сажали тронов, возвещали власть законов,
Чтоб служил я без уклонов, долгу весь отдав свой жар.
Я упрявился, страшился заменять отца. Но длился
Спор недолго. Подчинился. Отдал честь — как амирбар».

Сказ Мариэля о том,
как он покюбил, когда впервые он покюбил

Подавив свои рыдания, он проллил повествованье.
«В некий день, — воспоминанье жжет, ему не скрыться прочь, —
От забав охоты дикой я домой пришел с владыкой.
Он сказал мне, светлоликий: «На мою посмотрим дочь».

Руку взял мою... Ужели не дивишься в самом деле,
Что душа осталась в теле, вспоминая эти дни.
Сад увидел я блестящий. Голос птиц там был журчащий.
Не сплет сирена слаще. Водомер струил огни.

Ароматы розы сладки. Ткань над дверью. Златы складки.
Те лесные куропапки, что с охоты нес с собой,
Ей отдать — царя веленье. Тут мое воспламенение.
Здесь начальный миг служенья. Долг, назначенный судьбой.

Чтобы сердце из гранита было чем-нибудь пробито,
Что найдешь? Но жало свито алмазным копьём.
Царь, я ведал, не желая, чтоб была его золотая
Кем увидена, сдвигая ткань занавеси, входит в дом.

Я стоял в саду, пред домом, возле роз над водоёмом,
Сердцем отданный истомам ожидания и чар.
Слышит ухо шелестенье, речь Асмаат и повеленье
Дать царевне приношенье, что подносит амирбар.

Колыхнулась ткань волною. За занавесой той дверною,
Вижу, дева предо мною. В сердце мне вошло копьё.
И Асмаат взяла добычу. Я же вспыхнул. Вечно кличу:
«Жар! Горю!» Но возвеличу тем лишь рденье мое».

Тот, что солнечного света ярче был, сказавши это,
Не найдя на вскрик ответа, пал, издавши горький стон.
Авандил с Асмаат рыдали, горы эхо повторяли.
В мрачной молвил печали: «Всех сражавший сам сражен».

Вновь обрызган он водою. Сел, объят кручиной злою.
Стонет. Льётся за слезою, щеки жгущая, слеза.
«Горе мне! — его реченье. — Сколь великое волненье!
Только вспомню, — помышленье, мысль о ней мне как гроза.

Я недаром горько плачу. Тот, кто верует в удачу,
Знал восторг — и скорбь в придачу: обольстит, чтоб обмануть.
Мудрость тех скорей хвалю я, кто не жаждет поцелуя
От судьбы. Всё доскажу я, коль смогу ещё вздохнуть.

Были взяты куропатки. Я ж, исполненный загадки,
Не бежал я без оглядки, — наземь рухнул бездыхан.
Как пришёл в себя, рыданья вокруг меня и восклицанья,
Словно звуки провожанья мой корабль — до дальних стран.

В пышной я лежу постели. Царь с царицею сидели
Вовле. Плач — как звук свирели. Стоны слиты в долгий гул.
Щеки ранят. Кровь струею. И муллы сидят толпою.
Говорят, что надо мною колдовал Веельзевул.

Увидав, что жизнь лелею я еще, меня за шею
Обнял царь рукой своею: «Сын! Хоть слово мне одно!»
Страхом взятый истугленным, снова чувств я был лишенным.
Кровь потоком разъяренным в сердце канула на дно.

А в молчании глубоком все муллы следили оком,
Знак какой здесь послан роком. Был в руках у них Коран.
«Недруг рода здесь людского», — таково их было слово.
Трое суток чуть живого жег огонь, и был он рдян.

Меж врачей опять сомненье и одно недоуменье:
«На такой недуг леченья — нет. Печаль владеет им».
Прыгал, как умалишенный. Речь была лишь бред сплетенный.
Слезы в горести бессонной льет царица. Дни — как дым.

Трое суток во дворце я был, меж смертью-жизнью рея.
Ум вернулся. Разумея, что случилось со мной,
Я сказал: «Увы! Лишенный жизни, призрак я смущенный».
И в молитве вознесенной вскрикнул я: «Создатель мой!

Узри терны затрудненья и услышь мои моленья.
Дай мне сил выздоровленья. Встать с постели дай мне сил.
Тайну здесь я ненароком расскажу в бреду глубоком».
Бог услышал. С должным сроком раны сердца закалил.

Я сидел. К царю послали с вестью: «Кончены печали».
Царь с царицей прибежали. Смотрят с лаской на меня.
С головою непокрытой царь стоял, в молитве — слитый
С ней, царицей, и со свитой. Бог щедротен, нас храня.

Сели оба. Подкрепился пищей я. И оживился.
Молвил: «Царь! Возвеселился дух во мне. Я стал сильней,
Я хочу увидеть поле. На коне скакать на воле».
Царь со мной среди раздолий. Мчимся мы в простор полей.

Конский дух исходит паром. По речным проехав ярам,
Мы вернулись к базарам. Возвратился я домой.
Царь простился у порога. Внонь недуг нахлынул строго.
«Что мне ждать еще от бога? Смерть нависла надо мной».

То лицо, что было рдяно, стало ныне цвет шафрана.
В сердце режущая рана, десять тысяч в нем ножей.
Вот привратник в дверь вступает, к управителю зовет.
«Весть какую этот знает? Тот ли мне принес вестей?»

«Раб Асмаг пришел». — «Зови же». — Он вошел. Подходит ближе.
Поклонился низко, ниже. И посланье подает.
В буквах строк — огонь влюбленный. Я читаю изумленный.
В сердце я другом — зажженный. И в моем — огней полет.

Возрастает удивленность. Как сумел зажечь влюбленность?
И откуда непреклонность — изъяснение в строки влить?
Надлежит здесь послушанье. Обвинила бы молчанье.
Написал в ответ посланье, свивши слов цветную нить.

Дни пришли и миновали. В сердце, знающем печали,
Рденья пламени сгорали. Не ходил я в стан бойцов.
Не являлся ко двору я. Принимал врачей, тоскуя.
Мир, однако, жил, ликуя, дань беря моих часов.

Ничего врачам незримо. В сердце точно сумрак дыма.
Чем печальное палимо, не узнал никто из них.
«Кровь, — сказали, — в ней пыланье». Царь велел кровопусканье
Сделать мне. Чтоб скрыть страданье, дал коснуться рук моих.

Кровь пустили, капли рдели. Грустный, я лежал в постели.
Раб пришел. Мол, речь о деле. — «Что такое?» — «Раб Асмаг». —
«Приведи». А про себя я размышляю, вопрошая:
«В этом всем она какая, и к чему ведет мой взгляд?»

Раб вручает мне посланье. Весь исполненный пыланья,
Я читаю указанье: «Нужно мне сейчас придти».
Отвечаю: «Поскорее. Час торопит. Не робей,
Приходи ко мне смелее и не медли на пути»

Я сказал себе: «Сомненья для чего, когда стеченье
Всех минут дает решенье? Я же царь и амирбар.
Все индийцы мне подвластны. Так не буду я несчастный.
Коль узнают, бурей страстной не такой зажгут пожар».

От царя гонец спешащий. Вопрошает: «Как болящий?» —
«Кровь пустили. В настоящий час отрадней мне дышать.
Я к тебе хочу явиться. Мне пристало веселиться.
Лицезреньем насладиться будет радость мне опять».

Ко двору пришел. «Уж боле, — царь сказал, — не будь в неволе».
На конях мы едем в поле. Без колчана, без меча.
Сокола летят, как стрелы. Куропаток рой несмелый
Вьется рябью серо-белой. И стрелки спешат, крича.

Тем, что были на равнине, дома пир веселый ныне.
Камень красный, камень синий многим дан как дар царем.
И, конечно уж, свирели в этот день не онемели.
Песнопевцы звонко пели. Шум геселия кругом.

Я борьбу с самим собою вел, но взят тоской был злою.
В сердце огненной волною мысль о ней и мысль о ней.
Пламень — током беспоконным. Я сидел в кругу достойном.
Пил. Зовут — алоэ стройным. Пировал среди друзей.

Вдруг я вижу казначея. Шепчет на ухо: «Робея
И покровами белея, амирбара ждет одна,
Кто-то». Скрытность восхвалил он. Я велел, чтоб проводил он
В мой покой ее. Укрыл он там ее. И ждет она.

Встал. Друзья хотят прощаться. Я прошу их не стесняться,
Пировать, увеселяться. «Я сейчас вернусь сюда».
Раб стоял в дверях на-страже. Трепеща, как пойман в краже,
Я вхожу, и в сердце даже не могу унять стыда.

Женский призрак, как виденье. Изъявляет знак почтенья.
Говорит: «Благословенье тем, кто может быть с тобой».
Я дивлюсь на восклицанье. «Нет уменья в ней и знанья,
Как любовное признанье скромно выразить душой».

Говорит: «Изнемогая от стыда, пришла сюда я.
Мыслишь — мысль во мне есть злая. Но пришел сюда, спеша.
Уповаю я и верю, что простишь стыда потерю.
Этим спехом — счастье мерю. Успокоилась душа».

Говорит: «Мое реченье ты прими без подозренья.
Исполню повеленье той, в чьем сердце страх тебя.
Госпожи мой желанье — вот откуда то дерзанье.
Принесла тебе посланье. Слово скажет за себя».

Первое послание,
которое Нестан-Дареджан
написала своему возлюбленному

Я взглянул. Прочел посланье от нее, к кому пыланье.
Луч писал слова-сиянья: «Лев! Ты ранен. Рану скрой.
Я — твоя. Не гасни в мленьи. Ненавижу расслабенье.
Пусть Асмаг мой реченья повторит перед тобой.

Тоскованье, помиранье, это ль страсть, любви деянья?
Лучше — той, к кому пыланье, мощь свершения яви,
С Кхатагги ждем мы дани. А они, таясь в обмане
И в зловолюи, ищут брани. Эту дервость оборви.

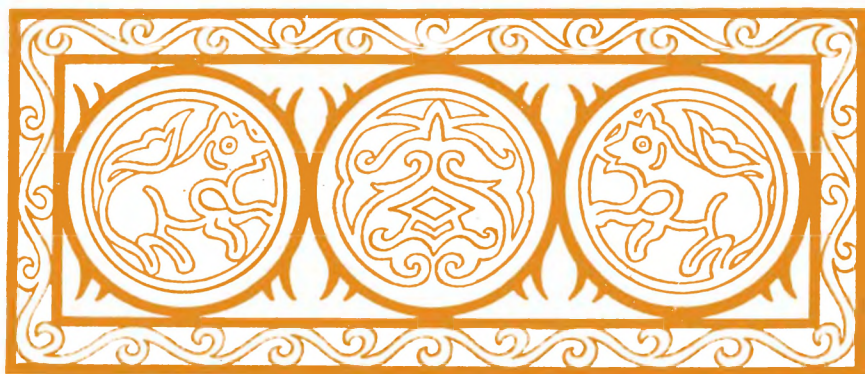
Еще прежде помышленье мне внушало обрученье.
Не нашла для говоренья я минуты до сего.
Словно на-смерть пораженным и ума совсем лишенным,
Зрела я тебя взметенным. Зол недуг. Срази его.

В путь же. В бранные забавы. Да узнают их кхатавы.
И вернись в сияньи славы. Это лучше, говорю.
Так не плачь. Чтоб не снежила влага — роз. От солнца — сила.
Посмотри, я обратила ночь темнот твоих в зарю».

Первое послание,
которое написал Мариэль
своей возлюбленной

Сам я видел эти строки. И ответ, не медля в сроке,
Написал: «О свет высокий, пронизавший синеву!
Луннолюкое свечение. Лишь тебя хочу в гореньи».
Был я точно в свиденьи. И не верил, что живу.

Я сказал Аснат: «На это больше нет сейчас ответа.
Молви ей: «Ты солнце лета. Ты вошла, и светел я.
Мертвый, знаю воскресенье. В чем бы ни было служенье,
Позабыв изнеможенье, я служу. В том жизнь моя».

Говорит Аснат: «Сказала мне она: «В том смысла мало,
Чтобы весть о том блуждала. Пусть не знают ничего.
Любит пусть тебя для виду, не вменяя то в обиду.
Он придет, к нему я выйду, встречу должно я его».

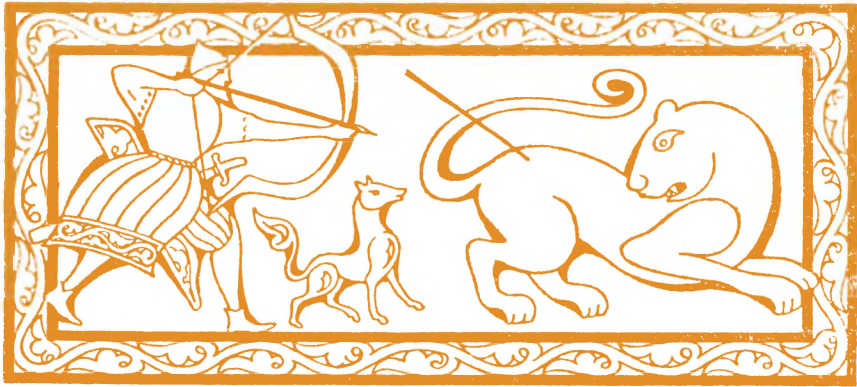

Я внимал словам совета. Мне казалось мудрым это.
Та, что солнечного света не пускала в свой покой,
Возникать не давши следу, даровала мне победу
И дозволила беседу с лучезарною, с собой.

Дал Асмат я в награжденье драгоценные каменья.
Кубок злат. Ее реченье: «Нет. Мне пышный выбор дан.
Но промолвлю без пристрастья: уж имею я запястья.
Лишь одно кольцо для счастья я беру как талисман».

Дева вышла. Свет со мною. И не ранено стрелою
Сердце. С мукой огневою суждено расстаться мне.
Стих пожар. Я вновь с друзьями. Наделяю их дарами.
Смех, вино и шутка с нами. Ликование вдвойне».

Сказ о том,
как Маризэль написал послание
и отправил человека к князю
в

Человека в Кхатаэти я послал, и строки эти
Начертал я: «В ярком свете царь индийский вознесен.
Власть дана ему от бога. Верный — сыт с ним. А дорога
Непокорных — знать, как строго покарать умеет он.

Брат и царь, внемли веленье. Да не знаем огорченья.
Приходи без промедленья. Не придешь, так мы придем.
И прибудем не украдкой. Тот удел не будет сладкий
Для тебя. Вот зов наш краткий. В теле кровь пади своем».

Вестник отбыл. Я душою снова с радостью живою.
Нестерпимую струею уж не жег огонь меня.
Еще радостей не мало мне тогда судьба давала.
А теперь тоска опала. Глянет зверь, уйдет, кляня.

В мыслях было дерзновенье. Применял я мощь смиренья.
Но великой жажды тленье отравляло радость мне.
Я с друзьями вселился. Но не раз тоской затмился.
Против рока возмущился не однажды в тишине.

Как-то под вечер сижу я. Мысль о ней, меня волнуя,
Нежно жжет меня. Не сплю я. Ночь в любви светлее дня.
Вдруг привратник шепчет что-то. В нем и радость, и забота.
Возвещает — раб там. Кто-то с тайной вестью до меня.

Раб Асма. Она писала, что придти повелевала
Та владычица, чье жало жгло мне сердце лезвием.
Вмиг сняла с меня оковы. Свет ниспал во мрак суровый.
И, объятый жизнью новой, я пошел своим путем.

В сад вхожу. Уединенье. В сердце чувствую стесненье.
И Асма мне в утешенье, улыбаясь, говорит:
«Вот, смягчила я угрозу. В сердце вынула занозу.
Подойди, увидишь розу. Неувидшая горит.

Под волшебным балдахин, где огонь шел по рубинам,
С ликом прелести единым, восседала там она.
Словно вышнее светило. Очи черны, как чернила.
На меня свой взор стремил, лучезарна, как весна.

Зачарованный, стоял я. Слова ласкового ждал я,
И — увы! — не услышал я от прекрасной ничего.
Вот к Асма она блеснула. Та мне на ухо шепнула:
«Уходи!» Душа вздохнула. Пламя было вновь мертво.

За Асма иду, вдыхая. Скрыла всё завеса злая.
И судьбу я обвиняя, молвил: «Вспыхнул в сердце свет.
Было нежное стремление. И вдвойне опустошенье
В этой муке разлученья. Больше радости мне нет».

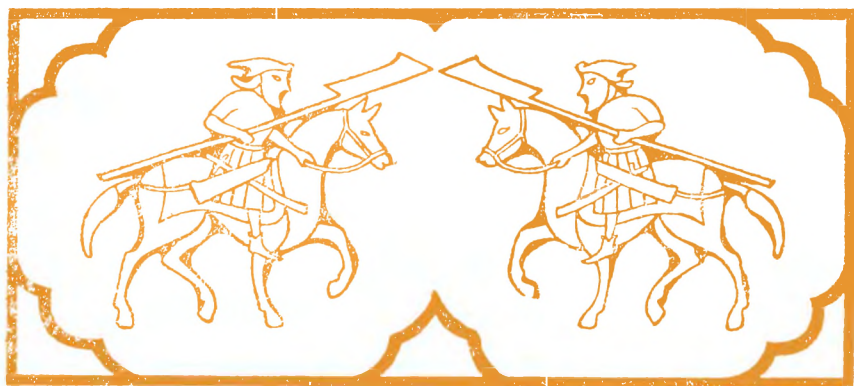
Через сад идем мы двое. Слово мне Асмаг такое:
«Не печалься, будь в покое. Для тревоги дверь закрой,
И открой для ликования. Застыдилась, и молчанье
Было скрытое признанье. Оттого была такой».

Я сказал: «Сестра, мятежен мрак души. Бальзам твой нежен,
Чтоб я не был безнадежен, часто вести посылай.
И не делай перерыва. Сердце будет тем счастливо.
Лишь водой живится ива. Влагу жизни не скрывай».

На коня вскочил и еду. Скорбь — за мной, как бы по следу.
Слезы празднуют победу. Я в постель, и нет мне сна.
Был как цвет я на долине. Был в кристалле и рубине.
Стали щеки густо-сини. Ночь — желанна лишь она.

Вот припли из Кхатаэти. Я уж думал об ответе.
Были дерзки люди эти. Принесли ответ такой:
«Не трусливы мы сердцами. Мы за крепкими стенами.
Царь твой вздумал править нами. Иль он властен надо мной?»

Послание,
написанное ханом ккытабов
в ответ Тариэлю

Вот слова того дерзавья: «Царь, чье слово — приказанье,
Я, Рамаз, пишу посланье к Тариэлю. Я дивлюсь,
Как послал ты слово зова мне, кто есть племен основа.
Если мне напишешь снова, я прочесть не потружусь».

Я велел созвать дружины. И явились властелины
От границ. Как строй единый, вышних звезд сошлись войска.
Силы Индии могучи. Отовсюду шли, как тучи.
Дали воинов мне кручи, горы, доли и река.

Шли они без промедленья. Осмотрел я их скопленья.
Всё в порядке, всюду рвенье. Души полные огня.
Словно лес восстал зеленый. Чудо видеть эскадроны.
Кони ржут. Горят попоны. Хваразмийская броня.

Поднял царское я знамя. Черный с красным. Рдеет пламя.
Я с несчетными войсками должен завтра выйти в путь.
Сам я плачу и тоскую. На судьбу пеняю злую.
Как увидеть мне златую? Словно камень пал на грудь.

Полон я тревоги жгучей. Слезы льют как ключ кипучий.
О судьба, меня не мучай! Сердце ранено мое.
Вот какой мой рок злосчастный, говорил я в пытке страстной.
Я коснулся розы красной, — я не мог сорвать ее.

Раб пришел. Случилось диво. В сердце стало вновь красиво.
От Асमत слова призыва. Проблеск в сумраках борьбы.
Говорило то посланье: «Солнце кличет. Будь в сияньи.
Это лучше, чем рыданье о деяниях судьбы».

В скорби мрачной и суровой засветился свет мне новый.
К дверце я пришел садовой. Сумрак был и тишина.
Там Асमत меня встречала, улыбалась, привечала:
«Лев! Ты мучился не мало. Смело, ждет тебя луна».

Я вошел для счастья часа. Весь чертог одна прикраса.
Над террасою терраса. Свет луны был блеск вполне.
Под завесою, в сияньи и в зеленом одеяньи,
Призрак тонкий в очертаньи, так она явилась мне.

Я вошел. Взглянул забвенно. На краю ковра смиренно
Я стоял. А в сердце пленно утихал поток огня.
До подушки стан склоняя, блеском солнце затеняя,
Лик свой спрятала золотая, быстро глянув на меня.

До Асमत ее веленье: «Амирбару знак почтенья».
Сесть велит, и для сиденья вот подушка мне дана.
Сел. А сердце было радо, после грусти, силой взгляда
Нежить то, что счастьем надо. И сказала мне она:

«В тот последний раз без слова ты отпущен был. Сурово
Это было. Точно злого зноя принял в поле цвет.
И нарцис засох на камне. Грусть твоя была видна мне.
Но стыдливость суждена мне. В том девический завет.

Пред мужчиною смиренье, это — наше назначенье.
Но молчать про огорченья — быть с бедою вдвое злой.
На лице была улыбка. Но, как горькая ошибка,
В сердце скорбь дрожала зыбко. Я послала за тобой.

Мало знали мы друг друга. Больше не было досуга.
Но клянусь я, что супруга буду я твоя во днях.
Клятва — с силой неумемной. Если ж буду вероломной,
Да сравнюсь с землею темной, и не буду в небесах.

В путь! Узнай кхатавов в беге. Есть в победе много неги.
Соверши свои набег. Битва кличет, — так в нее.
Без тебя и в мленьи сонном. Сердце мне свое, пронзенным,
Ты отдай неразделенным. А возьми взамен мое».

«Этой радостью венчанный, незаслуженной, неожиданной,
Буду, духом необманный, — я промолвил, — весь я твой.
Темен был, но светит чудо. Этот божий свет — оттуда.
Буду я твоим, покуда лик не будет скрыт землей».

И на книге клятв мы клялись. Оба сердцем обещались.
Так слова ее слагались, в подтверждение любви:
«Да пошлет мне бог кончину, если я к тебе остыну.
Всё тебе как властелину. Ты меня своей зови».

Я стоял пред ней мгновенья. Нежны были все реченья.
Мы в минуте развлеченья ели сладкие плоды.
И потом, проливши слезы, я ушел от нежной розы.
Унося лелейно грезы, отошел я от звезды.

В том, конечно, было жало, — уходить мне от кристалла.
Мне рубина было мало и прозрачного стекла.
Вновь зажглась мне радость в мире. Видел солнце я в эфире.
Мир разъят, и пропасть шире. Всё же тверд я, как скала.

На коне я был с зарею. К битве рог звучал с трубою.
Сколько войск пошло со мною, как рассказ о том вести?
В Кхатаэти, лев суровый, чуя пир войны багровый,
Я пошел стезею новой, по дорогам без пути.

За индийские пределы выйдя, шел я месяц целый.
Вестник был ко мне, несмелый. Хан Рамаз через него
Говорил: «Хоть вы козлами появляетесь пред нами,
Будь мы даже и волками, перед вами всё мертво».

Для снисканья примиренья он принес мне подношенья,
Дар, достойный изумленья. «Говорит тебе Рамаз:
Мы тебе простерли шею. Ты же силою своею
Не губи. Смотри: робею. Всё бери. Детей и нас.

Пред тобой мы согрешили. Не являйся в полной силе.
Если мы неправы были, по стране не мчись грозой.
Да не ведаем отмщенья. Замки все и укрепления
Отдаем мы без боренья. Лишь отряд возьми с собой».

Я совет держал с вождями, как поступим в этом сами.
Говорили: «Ты — с врагами. Ты неопытен и юн.
Вид их кроткий — лик заемный. Этот люд и злой, и темный.
Дух всегда в них вероломный. Каждый между ними лгун.

Так советуем мы сами: лишь с отборными бойцами
В путь пойдём, — и пусть за нами близко следуют войска.
Если явят лик покорный, — благо. Если ж — дух упорный,
Да прольется гнев повторный на неверных, как река».

Был доволен я советом. Укрепившись мыслью в этом,
Вот я вестника с ответом отсылаю: «Царь Рамаз,
Знаю я твое решенье. Жизнь отрадней убиенья.
Дам войскам отдохновенье. Сам иду к тебе сейчас».

В мысли, в действии проворных, триста взяв бойцов отборных,
Смело я пошел до спорных и неверных этих встреч.
А войскам сказал: «Следите, где пойду, и как по нити
Там же, вслед за мной, идите. Кликну, — вам поможет меч».

День прошел, и два дня снова. Хан послал еще другого
И сказал такое слово, не один прислав покров:
«Сильный ты, скажу без лести. Гордый ты, и стоишь чести.
В час, когда мы будем вместе, много дам тебе даров».

Правду я тебе вещаю. Сам навстречу поспешаю».
Я в ответ промолвил: «Знаю, щедрый хан твой властелин.
Возвести, что волей бога до него ведет дорога.
Будет радости нам много. Будем мы — отец и сын».

Дальше путь. Вблизи глухого леса отдыха и кровя
Я искал. Послы мне снова. Привели лихих коней.
Мне почет и мне участие. Ты, мол, солнце средь ненастья.
«Быть с тобою — это счастье для властительных царей».

От владыки извещение: «Завтра нам соединенье.
Утром встречу, без сомненья. Из твердынь спешу своих».
Я велел разбить палатки. Взоры светлы, речи сладки.
Не играть мне с ними в прятки. Принял их как стремянных.

И возникла тут услуга. Наградить мне нужно друга.
Из злокозненного круга вывел он меня, любя.
Некий вестник возвратился и со мной договорился.
«Я должник. И грех случился. Не покину я тебя».

Не боясь заботы бремя, твой отец в былое время
Приютил меня. То семя не на пыльный пало путь.
На тебя куются ковы. Против розы нож суровый.
В той измене вскрой основы. Всё узнай и твердым будь.

Ты не верь тем вероломным. Знай, в изменничестве темном,
В месте некоем укромном сотня тысяч ждет солдат.
И в другом еще засада. Тридцать тысяч биться радо.
Предпринять немедля надо мер разумных целый ряд.

Выйдет царь тебе навстречу, в сердце сам готова сечу.
Ложь избравши как предтечу, войско выстроит тайком.
И пока ты будешь лаской окружен, как хитрой сказкой.
Вдруг нагрянет бой развязкой, ты один, их тьма кругом».

За совет благодарю я. Говорю: «Коль не умру я,
Уж достойно награжу я. Счастлив будешь ты вовек.
Лишь скажи свои хотенья. Коль подобное раченье
Будет брошено в забвенье, я пропащий человек».

Никому о том ни звука. Тайна будет мне порука.
Коль стрела ушла из лука, свист ее услышим мы.
Но своим войскам веленье я послал из отдаленья:
«Все сюда без промедленья, через горы и холмы».

Утром вестников с ответом я послал. И в деле этом
Счел, что с ласковым приветом пусть они идут к врагу.
«Приходи. Иду». Дорога вновь полдня. Здесь всё от бога.
Если смерть приходит строго, где укрыться я могу?

На утес взошел высокий. На равнине на далекой
Пыль клубится поволокой. «Там приходит царь Рамаз. —
Мыслью: — Сеть он мне раскинул. Но копыя не опрокинул.
Острый меч мой не содвинул. Приходи же в добрый час».

Говорю бойцам: «Как стены, станем против мы измены.
О скалу лишь в брызгах пены вал ударит в миге встреч,
Кто за власть идет, вставая, дух того парит, взлетая.
На кхатавов нападая, не напрасно вынем меч».

Гордо, резкими словами, я велел, пройдя рядами,
Чтоб оделись все бронею, в сталь замкнув скопление сил.
Блещут шлемы, светят латы. В бой стремимся мы крылатый.
В этот день, борьбой богатый, меч мой ворога рубил.

Вот из дали из туманной видит враг наш строй, наш бранный,
Вид неожиданный, нежеланный. Шлет к нам вестника Рамаа.
«Для чего же вы некстати в боевой явились рати?
Нет в измене благодати. Огорчаете вы нас».

Был ответ: «Свой час расчисли. Знаю все твои я мысли.
Ковы в воздухе повисли. Порвалась в сплетеньях нить.
Приходи с своей толпою. Буду меряться с тобою.
Поднят меч готовый к бою, чтоб тебя в бою убить».

Обменялись словами. Тотчас дым пошел клубами.
С двух сторон враги рядами из засады в бой пошли.
Дым огней, всходивший мраком, для бойцов был скрытых знаком.
В токе ринулись двояком, но вредить мне не смогли.

Взяв копьё, своей рукою шлем скрепив над головою,
Рвался я, горячий, к бою, быстрой смелостью гоним.
Мною длинный строй построен. Ход стремительный удвоен.
Вид врагов моих спокоен, многочислен, недвижим.

«Он безумен», — говорили. Там, где враг был в полной силе,
Встал я, словно в плесках крылий. Двинул в война копьё, —
Вмиг коня я опрокинул, их обоих в смерть содвинул.
Треск копьё. И меч я вынул, восхваляя лезвие.

Вижу, им довольно пряток. И на стаю куропаток
Сокол пал. В кипеньи схваток на бойца швырнул бойца.
Там, где меч мой светом машет, стрекозою воин пляшет.
Смертный плуг мне ниву пашет. Прорван строй их в два конца.

Вкруг меня, шумя, вскипая, плещет вражеская стая.
Я ликую, ударяя. Кровь как брызги из ручья.
Тот, над кем клинок мой свистнет и кого к седлу притиснет,
Как мешок с коня повиснет. Все бегут, где гляну я.

В час зари, пред ночью черной, с вышины горы узорной
Возгласил к врагам дозорный: «Бой кончайте. Грозный час.
Гнев небесный — полновластный. Прах вздымается ужасный.
Силы ток идет запасный. До конца погубят нас».

Те, кого я за собою вел, призыв услышав к бою,
Шли поспешною стопою, устремляясь до борьбы.
Что утесы им и горы! Сломят всякие запоры.
Бьют литавры, кличут хоры, слышен громкий глас трубы.

В бегство враг пустился смятый. Были овцы их солдаты.
Мы в погоне. Блещут латы. Наше поле. Клик и стон.
Царь Рамаз с коня был скинут, из седла мной опрокинут.
Меч и меч, скрестясь, содвинут. Всех забрали мы в полон.

Вот хватают полоненных, слепотой как бы сраженных,
Рушат наземь побежденных. Страх всемогущ, пасть должны.
А моим бойцам — награды. Ждали битвы, битве рады.
Все враги — их смутны взгляды — стонут, точно чем больны.

Миг победы необманен. Отдых светел и желанен.
Лезвием я в руку раняю. Что мне этот царапок!
За дружиною дружина рада видеть властелина.
Сердце их со мной едино. Мною дух бойцов высок.

В сердце смелых восхваленья — за труды вознагражденье.
Те мне шлют благословенья, этим хочется обнять.
Благородные, которым был как сын я, дружным хором
Хвалят, видно было взорам, как мечом кладу печать.

Разослал солдат я всюду. Принесли добычи груды.
Этой битвой горд пребуду. Кровью выкрасил простор.
Кровью тех, кто смерть мне тщился дать. У врат градских не бился.
Каждый город мне открылся, отодвинув свой запор.

Говорил царю Рамазу: «То, что скрыто, видно глазу.
Так оправдывайся сразу, если ты попался в плен.
Открывай свои твердыни. Все сочти их в длани ныне.
А не то, в твоей кручине, счет сочту твоих измен».

Отвечал Рамаз: «Моею волей больше не владею.
Чрез тебя лишь власть имею. Пусть придет ко мне скорей
Из моих любой властитель. В замках каждый охранитель
Будет знать, кто победитель. Замки все в руке твоей».

Словно ветер по долине, власть моя стремилась ныне.
Были отданы твердыни, все, их сколько там ни есть.
Вражьих всех вождей собрал я, и раскаяться им дал я.
А сокровищ сколько взял я? Столько, столько, что не счесть.

Так, мои твердыни эти. Я прошел по Кхатаэти.
В избыльи, в самоцвете, открывалась мне казна.
Тем, что мне ключи вручили, я сказал: «Без страха, в силе,
Будьте. Чаша избылий мной не будет сожжена».

Чтоб отметить клад от клада, самоцветы, радость взгляда,
Много времени бы надо, много взял сокровищ я.
Я нашел покров чудесный, был он видом как небесный,
В нем состав волшебного-тесного был как твердая струя.

Ни с ковром он, ни с парчою был несходен, но волною,
И цветною, и стальною, полюбился очень мне.
Взял я эту ткань оттуда. Всяк, кто глянет, молвит: «Чудо»,
Цвет ценнее изумруда, закаленного в огне.

Это в дар для той лучистой, кто мне светит в жизни мглистой,
Как светильник золотистый. Из отборного, что есть,
Для царя в родные страны потянулись караваны.
И как дух цветов медвяный — чрез дары благая весть.

Послание Маризля
к царю индийскому,
когда он победил кхатавов

Написал царю посланье: «Царь, судьба нам шлет даянья,
А кхатавам наказанье за измену и беду.
Знай из вести замедленной — самый царь их полоненный.
Я, добычей нагруженный, много пленных приведу».

Жив закон, в порядке сила. Так добычи много было,
Что верблюдов не хватило. На быков я грузы клал.
Добыл чести я и славы. Были сломлены кхатавы.
Через бранные забавы получил, чего желал.

Царь кхатавов оробелый был в индийские пределы
Приведен рукою смелой. И отец приемный мой
Возносил мне восхваленья. Тем хвалам, что вне сравненья,
Да не будет повторенья. И как врач он был со мной.

Все ли сказывать я стану? Он осматривал мне рану.
А потом повел к майдану. Площадь вся была в шатрах.
Кто хотел, вступал в беседу. Зван был к царскому обеду.
Говорил он про победу. Свет горел в его глазах.

Эту ночь мы без печали веселились, пировали.
Утром в город путь держали, удаляясь от шатров.
Царь сказал: «Пусть радость славы явят пленные кхатавы.
Да придет их строй лукавый пред лицо моих бойцов».

Тут для первого я раза, в исполнение наказа,
Привожу царя Рамаза. Ласков был ему прием.
Царь встречает как родного. Об измене ни полслова.
Если храбрость не сурова, доблесть высшая есть в том.

Час не малый, час пристойный, с ним он был в беседе стройной.
Если ток течет спокойный, он не роет берега.
А с зарею, в миг свиданья, слово молвил состраданья:
«Наложу ли наказание на сраженного врага?»

Я дерзнул сказать: «От бога милосердья к грешным много.
Так и ты суди не строго пораженного его».
Царь сказал ему: «Прощенье — для проступка заблужденья.
Но уж только повторенья чтобы не было того».

Взяв стократно сто драхани, и кхатаури, и дани,
Как парча, и шелк, и ткани, где главенствует атлас,
Он ему, с толпой придворных, дал как дар одежд узорных.
И без всяких слов укорных был отпущен царь Рамаз.

От склоненного кхатава — благодарность, честь и слава.
«Богом я клянусь, лукаво поступил я пред тобой.
Но убей меня, коль вдвое совершу еще такое».
С этим отбыл он в покое, взявши всех своих с собой.

Минул час седой рассвета. От царя письмо привета.
Так гласило слово это: «Я с тобой был разлучен.
Уж три месяца томленья. На охоте развлеченья
Я не знал. На приглашенье приходи, хоть утомлен».

Я наряд надел не темный, и в чертог пришел приемный.
Встречен был толпой огромной, целой стаей соколов.
Царь как солнце. В блеске взгляда сердца видится улада.
Вид меня — ему отрада. Я служить ему готов.

Он шепнул царице тайно, — я узнал о том случайно, —
Что ему необычайно мил вернувшись я с войны.
«Гаризель — одно сиянье. В нем и темному сверканье. —
Молвит: — Мы его желанья тотчас выполнить должны.

Вот решение какое принял я: он побыл в бое.
Пусть же тот, чей стан — алоэ, кто как солнце скрыл в лице,
Знает также путь к отрадам, и с тобой увидит рядом
Деву-розу с царским взглядом. Встретьте обе нас в дворце».

Целым выводком орлиным по холмам и по стремнинам,
По равнине и долинам, чтоб зверей в бегу настичь,
Мчались весело мы с псами, забавлялись соколами,
Не играли мы мячами, дважды подняли мы дичь.

Чтоб мои увидеть чары, шли толпами на базары.
Те, кто юны, те, кто стары, на меня смотрели с крыш.
Я, в нарядах с бахромою, розой бледной был с росой,
Млели все, пьяняся мною, — то не ложь, а правда лишь.

Я надел покров богатый, у кхатавов с бою взятый.
Каждый, блеском чар объятый, от меня с ума сходил.
Вот мой царь с коня спустился. Мы в дворце. Там лик светился
Солнцесветлой. Я смутился. Задрожал в упадке сил.

Облечен был стан прекрасной пышной тканью желто-красной,
Строй был дев за ней согласный, — словно воды в берега
Влились, ток мягча разлива. Рдели розы щек красиво.
Заревого свет отлива, и коралл, и жемчуга.

Я стоял там. Стройно тело. Но одна рука висела
На повязке. Поглядела тут царица на меня.
С трона быстро восставала и как сына целовала.
«От тебя твой враг, — сказала, — побежит как от огня».

Я царями был уважен, рядом с ними был посажен.
Против — солнце. Лик тот важен и прекрасен был в огне.
Мы почти сидели рядом, мы тайком менялись взглядом.
Весь я отдан был уладам. Жизнь без них отравя мне.

Начат пир. Всё время наше. В бирюзовой пышной чаше
Свет вина. И в цвете краше по лазурному рубин.
Ликованье вне сравненья. От царя — постановление:
«Не уйдет без опьяненья с пированья ни один».

Был я радостен в избытке. В том причина не напитки.
Золотые в сердце слитки и расплавленная медь.
В сердце я смирял пожары, молний пламенных удары.
Сколь пленительны те чары — на любимую глядеть.

Песни звонкие звучали. Вдруг певцы все замолчали.
Царь велел. Ему внимали. Молвил: «Сын мой Таривэль,
Мы ликуем в упоеньи. Враг наш в тяжком пораженьи.
Ты как светоч в вознесенъи. Твой удар доходит в цель».

Ты склонять не должен вежды. На тебя всех нас надежды.
Нужно б дать тебе одежды, но нельзя снимать твоих.
Твой наряд — наряд прекрасный. И зарей горюшь ты ясной.
Славой светишь полновластной. Сто богатств — имеешь их».

Вновь, веселый, он садится. Пьют вино, и песня длится.
Арфы нежный звон струится. Веселится пенье лир.
В мгле закатной огневицы отошли к себе царицы.
К краю сна зовут ресницы. Тут уж больше пир не пир.

Ночь идет, ведет туманы. Встали мы. Долой стаканы.
Мы и так довольно пьяны. Вот я в комнате своей.
Над собой утратил власть я. Пленник нежного участия.
Вспоминаю, полон счастья, как смотрела. В мысли — с ней.

Раб пришел. Восторг мне внове. Ждет там женщина в покрове.
Это вестница любви. Я вскочил. Горит мой взгляд.
Я бегу скорей навстречу. Лаской вестницу привечу.
Знаю счастья предтечу, то пришла ко мне Аснат.

Весь я в ласке необманной. Ведь приходит от желанной.
От Нестан, лучом венчанной. Удержав ее поклон,
С поцелуем обнимаю, на постель с собой сажаю,
«Ты, как тополь, — возглашаю. — Он красивым сотворен.

Говори о ней. Внемлю я. Только ей горю, тоскую».
Отвечает: «Всё скажу я. Но не только счастье есть.
Вы друг друга повстречали. В этом отдых от печали.
Взоры, встретясь, свет качали. От нее несу я весть».

Послание Нестан-Дареджан к возлюбленной ее

Мне дала она посланье. Я взглянул. Там луч сиянья.
Так гласило написанье: «Поспешая на коне,
Самоцвет ты был блестящий. После боя, как из чащи,
Глянул ты, цветок горящий. Вижу, плакать нужно мне.

Если бог дает мне слово, — чтоб хвалить тебя. И снова
Я без света дорогого умирать должна в борьбе.
Сад для льва, цветник, где розы и родник, струящий слезы,
Сад, где солнечные грезы, всё мое даю тебе.

Ты скорбел, но не напрасно. К нам судьба не безучастна.
Милый, всё в тебе прекрасно. Тем, кто смотрит на тебя,
Всяк завидует глядящий. Ткань твою, кушак блестящий,
Мне, в любовной мгле грустящей, подари, прошу, любя.

Дай твое мне украшенье. Будет встреча, в то мгновенье
Ощутишь ты наслажденье, что украшена я им.
Нам обоим будет счастье. И надень мое запястье.
Чуя нежное участие, в ночь не будешь ты томим».

Таризель остановился. Словно в зверя превратился.
Плачет. Пыткой дум упился. Сняв запястье, он до губ
Приложил его, бесценный талисман в тоске забвенной.
И, скорбя о несравненной, рухнул он без чувств, как труп.

Недвижим и весь застылый, как в преддверии могилы,
Так лежал он. Вид унылый. Горький, бил он в грудь себя.
Грудь покрылась синяками. И Асмаат себе ногтями
Ранит щеки. И струями на него кропит, скорбя.

На недвижимого взирая, Автандил грустил, вздыхая.
Слезы, камни прожигая, у Асмаат струятся вновь.
Но пожар смягчен водою. Таризель вздохнул с тоскою:
«Мучим я судьбою злою, испивающею кровь».

Он глядел ошеломленным. Бледный, сел, с лицом смущенным.
Был он стеблем затененным. Роза стала как шафран.
Ничего не говорил им. Был безгласным и унылым.
Смертный час ему был милым, но ему он не был дан.

Вот он молвит Автандилу: «Слушай. Чуть имею силу,
Но о той, кем я в могилу ввержен, кончу я рассказ.
Для меня одна отрада: в скорби друга видеть надо, —
Есть мне этот свет для взгляда и поддержка в горький час.

Встретил я в Асмаат участие от сестры в путях несчастья.
Я надел тогда запястье, здесь, на руку на мою.
С головы покров тот странный снял и в дар послал желанной,
Ткань с игрою осиянной, плотно-крепкую струю».

Ответное послание Мариэля
к возлюбленной его

Я писал: «Заря золотая. Луч твой, в сердце упавая,
Поразил его, и, тая, смелый дух попался в плен.
Я безумен, я тоскую. И, зарю узнав золотую,
Чем уважу я младую? Что я дам тебе взамен?»

Помирал совсем я прежде, смертный сон склонился к вежде.
Ты велела быть надежде. Я на верном берегу.
Не тону в морях несчастья. Ты являешь мне участие.
Я ношу твое запястье. Чем явить восторг могу?

Но в горении порыва вся душа моя правдива.
Ткань, которая красива, ты хотела получить.
Плащ еще такой же шлю я. И вдыхая, и тоскую, —
Не покинь, приди, — молю я. В мире мне кого молить?»

Дева вышла. Лег и спал я. Так приятно задремал я.
Но внезапно задрожал я. Вижу милую во сне.
Я проснулся. Где виденье? Отошло в одно мгновенье.
Жизнь мне бремя и мученье. Милый звук не слышен мне.

Тьма и время день творили. В этот час, в дремотной силе,
Я разбужен. Пригласили во дворец — как бы в семью.
Прихожу. В их лицах, мнится, что-то словом озарится.
Чуть вошел, велют садиться. Сел пред ними на скамью.

Говорят: «Наш век преклонный. Возраст наш — изнеможенный.
Нет уж больше окрыленной легкой юности, — ушла.
Не был сын судьбой дарован. Всё ж удел наш облюбован.
Доць сияет. Дух не скован, и не видим здесь мы зла.

Нужен муж царевне стройной. Где найдется он, достойный,
Чтобы мысль была спокойной, чтобы трон одеть в лучи, —
Чтоб в себя он принял сходство, лик наш, полный благородства,
Чтобы враг, ища господства, не точил на нас мечи?»

Молвил я: «У вас нет сына, и, конечно, в том кручина.
Но опора наша львина. Светит ярким солнцем дочь.
Зять, кого бы вы ни взяли, будет править без печали.
Что скажу? Вы всё сказали. Видно, как беде помочь».

Мы менялися советом, что пристойней в деле этом.
Стало тьмой, что было светом. Я молчал, томясь тоской.
Царь сказал: «Хваразмша силен. Хваразмийский край обилен.
Сын Хваразмши юн, умилен. Есть ли где еще такой?»

Всё вперед они решили. Приговор был в полной силе.
Речи сдержанны их были. Чем бы мог я помешать?
Возражать им не дерзал я. Как земля, как пепел стал я.
В сердце трепетном дрожал я. Трудно было мне дышать.

Задержу ли ход я тучи? Я сорвался точно с кручи.
«Царь Хваразмша — царь могучий. Зять прекрасный — сын его».
Так царица говорила. Согласиться нужно было.
Час судьба постановила низверженья моего.

Весть Хваразмше посылаем: «Нет царевича над краем.
Мужа дочери желаем, чтоб имела с ним детей.
Если к ней пришлешь ты сына, примем здесь как властелина.
Нежеланна ей чужбина. Пусть же он придет скорей».

Вестник прибыл, с ним и дани, драгоценнейшие ткани.
Весь исполнен обаяний, царь Хваразмша шлет слова:
«Бог послал благословенье, наше выполнил хотенье.
Ваше чадо — упоенье. Да пребудет век жива».

К жениху опять послали. «Будь без горя и печали, —
Через вестника сказали. — Приходи сюда скорей».
В мяч играл я, утомился, у себя уединился.
Дух печалью тяготился в скрытной горести своей.

В сердце скорбь горела знойно. Точно нож там беспокойно
Трепетал. Но гордо, стройно принял весть я от Асमत:
«Та, чей стройный стан — алоэ, шлет веление такое:
«Поспеши, мы будем двое. Твой да здесь увижу взгляд».

На коне приехал к саду. За его прошел ограду.
В сердце чувствую отраду. Перед башенкой, смотрю,
Ждет Асमत. И ждет, и плачет. Вид такой не озадачит.
Знаю я, что это значит. Ничего не говорю.

Вижу лик ее суровый. Полон я печали новой.
На устах застыло слово, — молча, плачет лишь, бледна.
Раньше мне была улыбка. Ныне грусть трепещет зыбко.
Это горькая ошибка, мне не лечит боль она.

Мысль далеко — во вчерашней, в светлой радости всегдашней.
Вот иду я с нею башней. И завеса поднялась.
Я вошел. Луна сияла. В сердце вдруг утихло жало.
Скорбь ушла. Но было мало в сердце счастья в этот час.

Грусть и здесь владела кровом. Свет был светом, но суровым.
Лик золотой был скрыт покровом, что прекрасной я послал.
Несравненное виденье, в том зеленом облачении,
Вся в слезах, в изнеможеньи, полный росами фиал.

Скорбь исчерпав полной мерой, — разъяренною пантерой,
Что скалой крадется серой, вот не солнце уж она.
Не луна и не алоэ. Сел вдали я. В сердце — злое.
В сердце вдруг копые сквозное. Села. Хмурит взор. Грозна.

Говорит: «Дивлюсь, неверный, клятво ломатель беспримерный,
Для чего, недостоверный, ты пришел, обман тая.
Вижу, слабым был всегда ты. От небес дождешься платы.
И ответишь им тогда ты». Я сказал: «Что знаю я?»

Молвил: «То, о чем не знаю, без ответа оставляю.
В чем теперь я прегрешаю? Ты ответь мне», — говорю.
Говорит в печали темной: «Что сказать мне, вероломный?
Я в обиде неумной. Я обманутой горю.

Что ж, Хваразмша — нареченный? Ты советчик был смиренный.
С клятвою твоей забвенной, там давал советы кто?
Растоптав бывшее рвенье, весь ты в зыби измененья.
О, когда б твои внушенья обратила я в ничто!

Вспомни, вспомни, как, вздыхая, жил ты, слезы проливая,
Как твоя недужность злая не нашла себе врачей.
О, изменчивость мужчины! Ты отрекся, ты, единый!
Отрекись и я. Кручины будут чьи сильней и злей?

Знай, хоть в этом ты лукавил, ты плохой совет составил:
Кто бы Индией ни правил, буду править также я.
Здесь не быть тебе, — пред богом, — ты пойдешь по всем дорогам.
Иль убью я, в гнев строгом». Витязь вскрикнул: «Жизнь моя!»

Он сказал: «Услышав это от нее, как звук привета,
Принял я упрек, и света власть во мне струилась вновь.
Ныне нет в глазах сиянья. Как сношу существованье?
Мир! Зачем мои терзанья? Пьешь зачем мою ты кровь?»

В неге, с болью перевитой, на подушке на забытой
Вижу там Коран раскрытый. Богу слава, в боге свет.
«Солнце! — я сказал. — Сжигая, все ж даешь мне жить, золотая!
Я, тебе хвалы слагая, дать дерану теперь ответ.

Если ложь тебе скажу я, если хитрости сплету я,
Пусть же небо, негодуя, вмиг сожжет меня в огне.
Ничего не делал злого». Отвечает: «Молви слово».
И ко мне добрее снова. Головой кивнула мне.

Я сказал: «Коль, вероломный, я во лжи пребуду темной,
Молний пусть огонь изломный существо пронзит мое.
В чьем лице я солнце встречу? Лаской я кого привечу?
Буду ль жить, и как отвечу, если ты вонзишь копьё?»

Ко двору меня позвали. Там мой дух застыл в опале.
Что совет? Всё раньше знали и решили мать с отцом.
В чем я мог явить боренье? Множить лишь свои мученья.
Я сказал себе: «Терпенье. Твердым будь в себе самом».

Что мой дух свершить посмеет, если царь не разумеет,
Что над Индией не смеет стать никто другой, — лишь я?
С правом я лишь приязнаю — быть царем родному краю.
Кто придет сюда, — не знаю. В этом воля не моя.

Я сказал: «То дело злое. Что-нибудь найду другое.
Не тревожься, будь в покое». В сердце был я словно зверь.
Я хотел бежать равниной, устремить полет орлиный.
«Разлучусь ли я с единой? Вдруг ли взять тебя теперь?»

Я для сердца продал душу. Башня — рынок. Всё разрушу.
Как волна бежит на сушу, я пришел, чтоб быть в огне.
Дождь холодный стал теплее, роза красная нежнее.
Жемчуг ждал, в коралле млея. «Что ж в неправом быть и мне?»

Гак, вздохнув, она сказала. Гнев устал, исчезло жало.
«Да, в тебе измены мало. Бога чтить и помнить ты.
Обо мне царя проси ты. Будем мы друг с другом слиты.
Грон займем мы знаменитый, в крае, полном красоты».

Разъяренность где пантеры? Вновь нежна она без меры.
И кругом не сумрак серый, светит солнце и луна.
Вот меня сажает рядом. И, лаская, светлым взглядом
Предает меня усладам. Стих пожар, душа нежна.

Возвещает: «Осторожный, не пойдя тропой тревожной,
Лучший путь найдешь возможный, согласуя мысль с судьбой.
Жениху придти мешая и царя тем раздражая,
Что свершишь ты? Ссора злая растерзает край борьбой».

А придет жених, — нам мука, нам терзанья и разлука.
Вместо радостного звука, песня траура и зол.
Нам страданья в грозной силе, им же блески изобилий.
Не хочу, чтоб захватили персы власть и наш престол».

Я сказал: «Да не случится, волей бога да свершится,
Сватовство да отворотится. Если ж юноша придет,
Он узнает, где могила, как моя отважна сила.
Сколько б с ним ни приходило, кончат в Индии свой счет».

Отвечала: «Для любви я живу. Пролитье крови
Не идет к моей основе. Так велит мой женский пол.
Быть зерном раздора больно. Жениха убей, — довольно.
Правосудью сделать вольно, чтоб и ствол сухой зацвел.

Лев мой, вождь необычайный, да не будет смерть бескрайной.
Жениха убей ты в тайной быстрой скрытности, один.
За дружиной же дружину убивая как скотину,
Лишь умножишь ты кручину. Бремя крови — тяжесть льдин.

Как убьешь его, так путы разомкнутся. И царю ты
Скажешь: «С шеєю, согнутой для персидского ярма,
Быть так — я не разумею. Будет Индия — моею.
А коль мне разлучность с нею, — будет в граде бой и тьма».

Что моей любви ты хочешь, скрой. Ты тем успех упрочишь.
Счастье лишь на час отсрочишь. Будет царь молить вдвойне.
Я в твои предамся руки. Будем царствовать без муки.
Песнь одна в согласном звуке, я к тебе, и ты ко мне».

Был согласен с ней я в этом и обрадован советом.
Меч пойдет мой за ответом к приходящему врагу.
Встал. Хочу уйти, немею. Просит сесть, помедлить с нею.
Я обнять ее не смею. Быть в отраде не могу.

Медлил я еще мгновенья. Ухожу в отъединенье.
В разум пало ослепленье. Предо мной идет Аснат.
Плачу горько, слезы жгучи. Скорби выросли, как тучи.
И душой, в тоске тягучей, уходя, стремлюсь назад.

Раб сказал: «Жених приходит». Горе горьких тайно бродит.
То, к чему судьба приводит, если б знал он, был живой.
Царь позвал, был светел взглядом. Мне велел садиться рядом.
Мыслил — час ведет к усладам, и кивнул мне головой.

Говорил мне: «День веселый. Как медовый сот тяжелый.
Поработали тут пчелы. Свадьбы час не за горой.
Раздадим-ка людям клады. Веселит подарок взгляды.
Где дары, сердца там рады. Скупость — глупость, лик тупой.

За сокровищами всюду я послал, и, чудо к чуду,
Принесли сокровищ груды. Да не медлил и жених.
Хваразмийцы прибывают, наши их толпой встречают,
И поля уж не вмещают столько полчищ, — сонмы их.

Царь сказал: «Шатры заране приготовь ты на майдане.
Солнце спит в ночном тумане. И жених пусть отдохнет.
В этом лишь твой труд единый. Без тебя придут дружины.
Здесь сойдутся властелины. Всё наступит в свой черед».

Вот шатры, уют для часа, там из красного атласа.
Юный весел как прикраса, как картина, где весна.
Есть ли грусть в мечтах любовных? Много ходит там сановных.
И в рядах солдаты ровных образуют племена.

Кончив труд свой запоздалый, сонм шатров построив алый,
Я пришел домой усталый, чтоб в постели быть своей.
Спешной раб идет походкой, от Асмак письмо от кроткой.
«Та, чей стан — прямой и четкий, говорит: приди скорей».

Мой ответ на то посланье — в том же миге послушанье.
В лике девы след рыданья. Вопрошаю: «Почему?»
Отвечает: «Не умею быть защитой твоею
Непрестанно перед нею. Есть смущенье тут уму».

Мы вошли в пределы крова. На подушке, грозно снова,
Там сидит она, сурово смотрит, клонит гибкий стан.
Говорит: «Чего взираешь? Битвы день — ты это знаешь?
Или снова покидаешь? Или вновь в тебе обман?»

Гнев во мне, негодованье. Быстро я, храня молчанье,
Ухожу, и на прощанье, обернувшись, говорю:
«Ныне лик свой явит сила. Храбрость, что ль, во мне остыла,
Чтобы женщина учила, как сражать, что сотворю?»

Я замыслил убиенье. Отдал сотне повеленье:
«Приготовьтесь для сраженья». Был уж ночи поздний час.
Этой ночью схороненный, наш отряд поехал конный
Через тихий город сонный. И никто не видел нас.

Был набег мой не напрасный. И вступил в шатер я красный.
Расскажу ли вид ужасный я свершенья моего?
С головой своей пробитой там лежал жених убитый,
Мертвый, с кровью непролитой, хоть кричала кровь его.

Те мгновенья были кратки. Срезал я конец палатки.
И, ворвавшись, без оглядки, ноги спящего схватил.
Головой о столб. В могиле. Те, что двери сторожили,
Дивным воплем возгласили. Конь мой в скак, что было сил.

Целый строй летел за мною. Но покрыт я был бронейю.
Меткой бью моей рукою тех, кто гонится вослед.
Мчусь, как ветер по равнине. Вот уж я в моей твердыне.
Приходи кто хочет ныне. Я не ранен. Входа нет.

Я послал к моим дружинам весть: «Сижу в гнезде орлином.
Будем в действии едином. Приходите все сюда». —
Те, что гнались за мною, ночью шли густой толпою.
Но, признав меня, без бою отошли. Страшит беда.

В час, как мрак в рассвет сменился, я в наряд мой облачился,
На совет послов явился. Весть царя ко мне пришла.
Так гласило это слово: «Знает бог, что дорогого
Сына я в тебе родного видел. Ныне ж — бремя зла.

Для чего на дом мой чинный пролил крови ток невинной?
Если гнев не беспричинный, жаждал дочери моей, —
Для чего ж скрываться было? Ныне жизнь моя постыла.
Мне б твоя служила сила до конца преклонных дней».

Я послал царю посланье: «Царь. Из бронзы изваянье
Мягче, чем мое дерзанье. В смертных я огнях храним.
Пусть события плачевны. Будь судья, но будь не гневный.
Не ищу руки царевны. Солнцем я клянусь твоим.

Сколько в Индии есть тронов, знаешь ты. И власть законов,
Как вещанье громких звонов, говорит: наследник — я.
Край и край, где связь соседства, — знаю это с малолетства, —
Через тебя мое наследство. Это собственность моя.

Я к твоей взываю чести. Говорю тебе без лести:
Сына нет, есть дочь. Невесте будет мужем и царем
Царь Хваразмша, — мне взамену что ж осталось? Эту стену
Я, владыка правый, в пену обращу моим мечом.

Камни брошу я на камни. Дочь твоя? Да не нужна мне.
А нужна в удел страна мне. Вторю. Индия — моя!
Каждый, кто мое отнимет, он немедля кару примет.
Меч с земли его поднимет. Умертви! Но прав здесь я».

Сказ о том,
как Маризль услыхал об исчезновении
Нестан-Дареджан

Весть отправил я с послами. Ум мой полон был углями.
Сумасшедшими огнями неизвестности томим.
Со стены смотрю в равнину. То узнал, что вдруг я стыну.
Но, узнав мою кручину, духом был несокрушим.

Там идут два пешехода. Я встречаю их у входа.
С ними шествует невзгода. Раб и скорбная Асмаг.
Разметалась волосами. Кровь лицом течет струями.
Не приветными огнями, не улыбкой полон взгляд.

Вижу издали — с бедою. Дрогнул я, и взят тоскою.
Восклицаю: «Что с тобою? Что несет огнистый час?»
Плачет горестным рыданьем. Чуть лепечет восклицаньем:
«Небо дышит наказаньем. Ополчился бог на нас».

Подхожу. Вопрос мой снова: «Что случилось с нами злого?
Если правда и сурова, говори». Рыдания вновь.
Скажет, вновь молчит, вздыхая. Бьется мука огневая.
Грудь моча и обагрив, со щеки струится кровь.

Наконец она сказала: «Для чего бы я скрывала?
Но тебе услады мало будет в повести моей.
Так имей же состраданье. И, узнав мое сказанье,
Прекрати мое страданье. Перед господом убей.

Как свершилось убиение жениха, в одно мгновение
Поднялось везде смятение. Царь вскочил и оробел.
Чует, весть подходит злая. Кличет он тебя, взывая.
Дома нет тебя. Вздыхая, как о том он пожалел.

Тут ему промолвил кто-то: «Он проехал за ворота».
И умножилась забота. Царь сказал: «Всё видно мне.
Дочь мою любил он, знаю. Пролил кровь, — несчастье краю.
Слишком четко понимаю. Было сердце их в огне.

Так клянусь же головою. Ту, кого зову сестрою,
Я, убив, землей покрою. Был о боге мой приказ.
Как же дочь она взрастила? В сети дьявола вместила!
Чем любовь их так прельстила? Смерть пред богом ей сейчас».

Царь чтоб клялся головою? Это редкость. И грозою
Он не медлит над виною. Клятву молвил, — вот удар.
Божий враг ту клятву слышит. Он к Давар, той вестью дышит.
Даже в небе всё услышит эта каджи властью чар.

«Брат мой клялся головою, что не буду я живою.
Эта весть идет толпою. — Говорит она, стена: —
Эта гневность беспричинна. Знает бог, что я невинна.
Пусть же знает, кем пустыня я, и кто убил меня».

Госпожа моя такая всё была, как убегая,
Видел ты, заря золотая. Ткань волшебная к ней шла.
Тут Давар явила жало. Слов таких я не слышала.
«А, распутная! Немало ты, убийца, встретишь зла!

Ах, развратная ты сила! Жениха зачем убила?
Для чего ты погубила вместе с ним и кровь мою?
Не погибну я напрасно. Будешь мучиться ужасно.
И его, что любишь страстно, от тебя я утаю».

Тотчас руку налагала, и за волосы таскала,
И побоям подвергала, в кровь изранила Нестан.
Стонет та, не видя света, и вздыхает без ответа.
Вся как в кровь и синь одета. Не залечишь этих ран.

Вот Давар терзать устала. Казни всё в ней было мало.
Вмиг рабов она призвала. Каджи кликнула она.
Те носилки приносили, наглы, дерзки в грубой силе,
Солнце в скрытность поместили, и золотая пленена.

Мимо окон тех, что в море смотрят, шествуют. В просторе
Скрылось солнце. Горе, горе! И промолвила Давар:
«Кто за то меня камнями не побьет? Сыта я днями».
Нож схватила. Кровь струями. Нанесла себе удар.

Не удивишься, что жива я? Что копьем не пронзена я?
Коль со мною весть такая, умоляю богом я
Этой жизни сбросить бремя, остановится пусть время,
Растопчи же злое семя». Льетса, льетса слез струя.

Я сказал: «Сестра! Родная! В чем вина твоя? Какая?
Чем тебя я награждаю, долг отдать сумею свой?
Путь мой ныне — за золотою. Я землю и водою
Всё за ней пойду». Душою стал я каменной скалою.

Ужас в сердце пал огромный, с лихорадкою истомной.
Ум безумный стал и темный. Молвил я: «Не умирай.
Если в тишь уйдешь могилы, расточишь напрасно силы.
Лучше в путь пойдем за милой. Кто со мной? Я в дальний край».

Вот я в латах, на коне я. Вот со мною, не робея,
Стая верных, нет вернее. Их число — сто шестьдесят.
Воля — строю боевому. К побережью путь морскому.
Здесь корабль. Ему как дому я с огрядом смелых рад.

Волны бьются, волны в споре. С кораблем мы вышли в море.
Долго плавал я в просторе. Вел опрос я кораблей.
Ничего не услышал я. Вовсе разум потерял я.
Божий гнев такой снискал я, что забыт был в бездне дней.

Месяц к месяцу двенадцать. Год прошел. И словно двадцать
В каждом месяце. Двенадцать! Не помог мне даже сон.
Сны ее мне не являли. Те, что мне в моей опале
Были верны, погибали. Божья воля. Бог — закон.

Не идти же против бога! Я скитался слишком много.
Будет. Водная дорога заменится землей.
Счет утратил я потерям. Сердцем стал я диким зверем.
В жизнь когда уж мы не верим, бог хранит от доли злой.

Лишь Асмат была на свете. С ней делиться мог в совете.
Два раба еще. И эти души были отдых мне.
Где Нестан? Где радость взгляда? Вести нет. А знать мне надо.
Слезы — вся моя отрада. Горько плакать в тишине.

Сказ о том, как Мабизль
встретил Нурадина Фрифуна
на морском берегу

В ночь простился я с волнами. Берег был покрыт садами.
Зрелся некий град. Скалами ходы выдолблены там.
Вид людей мне был постылый. В сердце пламень с полной силой.
Лег я там, где мрак унылый ткань развесил по стволам.

Спал. И вновь напрасна пряжа. Пробудился. В сердце сажа.
Что узнал в скитаньях? Даже нет мне нити для путей.
Так томясь и так тоскуя, под деревьями лежу я.
Что же ныне предприму я? Слезы льются как ручей.

Крик я слышу ненароком. Вижу, витязь мчится скоком.
На побережьи недалеко он скакал во весь опор.
Вид его был гневно-странен. Меч был сломан, он был ранен.
Смысл проклятий был туманен. Был угрозы полон взор.

Горячил он вороного. Мой теперь он. И сурово,
Словно ветер, шумел он снова. Выражал кипучий гнев.
С ним беседовать хочу я, и раба со словом шлю я:
«Стой! Кому ты, негодуя, шлешь свои угрозы, лев?»

Он не слышит слово это. Не приносит раб ответа.
Сам, исполненный привета, на коне спешу к нему.
«Стой! Ответь! — кричу я смело. — В чем твое, скажи мне, дело?»
Что-то в нем ко мне пропело. Вижу, нравлюсь я ему.

Бег сдержал он беспокойный. Глянул. «Боже! Тополь стройный
Здесь мне явлен в муке знойной». Говорит, склонясь к коню:
«Я врагов считал козлами. Оказались ныне львами.
С вероломными ножами. Не успел надеть броню».

«Час пришел отдохновенью, — я сказал. — Под этой тенью
Ход дадим мы рассужденье. Дальше — власть меча ясна.
Не отступим». За собою я веду его. Красною
Восхищаюсь молодою. Прелесть юного нежна.

Раб мой мастер был леченья, болям дал он облегченье.
Обвязал все пораненья и извлек головки стрел.
Только кончились заботы, и его спросил я: «Кто ты?
Кто сводил с тобою счеты?» О себе он восскорбел.

Молвил: «Ты кто, — я не знаю. Кто велел быть грустным маю?
Лик твой словно клик: «Сгораю!» Ты ущербная луна.
Солице цвет обезопасит, — холод розу не украсит.
Бог свечу зачем же гасит, коль она им зажжена?»

Этот град — Мульгхазанзари. Невелик он в нежной чаре.
Но когда в красивом даре всё желанно, ценен он.
Я с тобой у самой цели: вы здесь стали на пределе.
Здесь царю на самом деле. Нурадин зовусь Фридон.

Часть отцу, другую дяде отдал дед, и быть бы в ладе,
Это верный путь к отраде. Дяде остров дан морской.
Ранен я его сынами. Там охота. Между нами
Спор был в этом, длился днями. А за ссорой — этот бой.

Спорим мы или не спорим, в этом, мыслил, только вздорим.
Я охотился над морем, переплыв чрез зыбь валов.
Я не брал с собой отряда. Пять загонщиков лишь надо.
Мне охотиться — услада. Пять беру я соколов.

Силой быстрого порыва проплываю в глубь залива.
Малый мыс глядит красиво. Я не брал бойцов моих.
Что бы там я делал с ними? Остров полон был моими.
С зовом, с криками лихими был я там отнюдь не тих.

В чем я видел развлеченье, усмотрели в том презренье.
Вижу цепь я окруженья. Нет дороги к кораблям.
И двоюродные братья, — чем так вызвал их проклятья?
Чем в толпу их мог согнать я? — вижу, едут биться там.

Блеск мечей я вижу четко. Я к воде. Качнулась лодка.
Поплыла со мною ходко. Вражьи силы — как прилив.
Много их, и враг в силе. Путь готовят мне к могиле.
Окружают, окружили, всё в кольцо не заключив.

Но еще идут рядами. Тут не могут взять мечами, —
Там достать хотят стрелами. Не дерзнут лицом к лицу
Встать со мной. Я смело бился. Я на меч мой положился.
Меч иззубренный сломился. Стрелы все пришли к концу.

Ослабел в неравном споре. На коне я прыгнул в море.
И поплыл в его просторе, изумленье возбудив.
Всех, что были там со мною, всех густой своей толпою
Умертвили. Я ж с волною плыл, примчал меня прилив.

Воле божьей — быть свершенной. Кровь моя неотомщенной
Не останется. Смущенный взор их встретит новый мир.
Будет утро их — мученье. Будет вечер их — смятенье.
Их тела я брошу в тленье. Кликну воронов на пир».

Мне тот юный полюбился. Сердцем я к нему склонился.
«Этот случай пусть случился, — я сказал. — Отмщенье ждет.
Знай, что я рука с рукою против них пойду с тобою.
Двое, вызовем их к бою. Покараем в свой черед.

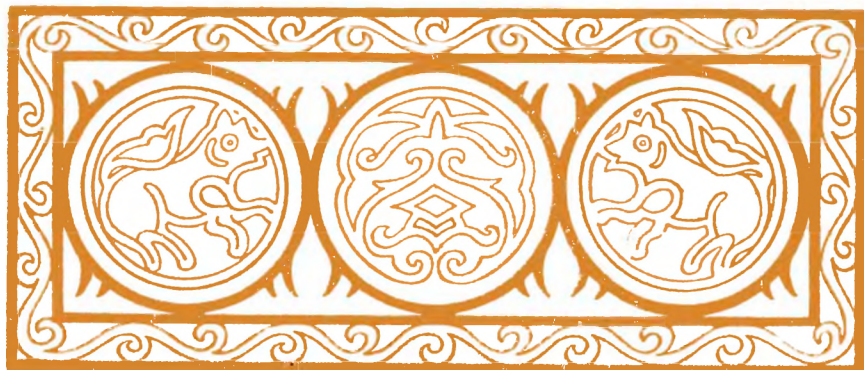
Расскажу мои скитанья. В должный час повествованье
Встретит должное вниманье. Но не час еще теперь».
Молвил: «Всё есть, что мне надо. Велика моя отрада.
Жизнь возьми — твоя награда. Буду твой до смерти, верь».

В град вошли, идя равниной. Был он встречен там дружиной.
Все исполнились кручиной. Ранил всяк себе лицо.
Прах, скорбя, они вздымали и героя обнимали,
Меч избитый целовали, рукоятку и кольцо.

Я в них вызвал удивленье. Говорили восхваленья:
«Солнце, нам твое явленье день безоблачный сулит».
В город мы вошли красивый. Всюду красок переливы.
Стройной радостью все живы. Всяк одет там в аксамит.

Сказ о том, как Маризль пошел Фридоцу
и как они восторжествовали
над своими врагами

Залечил свои он раны. Стал здоровый и румяный.
Конь под ним играл. И, рьяный, надевал уж он броню.
Снарядили мы галеры. Строй бойцов, и строй не серый.
Все бесстрашные без меры, все подобные огню.

Видеть их — молиться богу. Приготовились в дорогу.
Вижу вражью я берлогу. Там готовы дать отпор.
Вот ладьи передо мною. Пнул одну своей ногою.
И покрыл ее волною. Плачут, словно женский хор.

Вот к другой я обратился, за перед ладьи схватился.
Каждый в море очутился. Убивал я их мечом.
Все другие устрашились. Поскорее в пристань скрылись.
На меня смотря, дивились. Был восхвален я во всем.

Вот мы к берегу пристали. На конях враги нас ждали.
В бой. Нам в битве нет печали. В схватке люб был мне Фридон.
Лев в сраженьи, ток прибойный, солнце ликом, пламень знойный,
Он сражался, тополь стройный, весь красиво-разъярен.

Два двоюродные брата — в нем им гибель без возврата.
Были целыми когда-то, — пальцы рук им обрубил.
Двое их, ведет двоих он. В бое быстр и в схватке лих он.
Каждый вражий витязь, — стих он. Каждый наш, — он весел был.

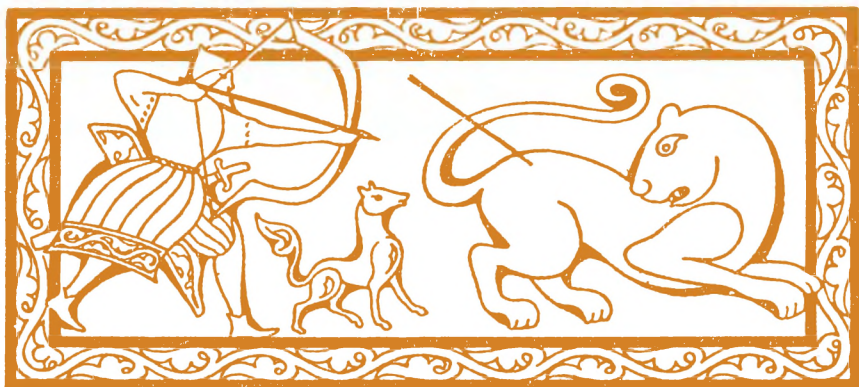
Прочь бежали их дружины. Миг не тратя ни единый,
Мы за ними, бьем их в спины. Камнем ноги пополам.
Кожу в шкуру превратили. Смерть мне, сколько изобилий.
Там какие клады были. Все сокровища их — нам.

Мы сразили вражьи рати. Всё, что было, было кстати.
Наложил Фридон печати на сокровища врагов.
Двух зачинщиков раздора взял, и кровь их пролил скоро.
Обо мне как песня хора: «Божий тополь, свет лесов».

Воротились в град Фридона. Ото всех нам честь поклона.
Вторят: «В вас нам оборона». Ликованье и почет.
Как бойца и властелина, и меня и Нурадина
Вознесли. «В вас сердце львино. Кровь врагов еще течет».

«Царь Фридон!» — кричат солдаты. Мне: «Ты царь царей богатый!»
Все покорностью объаты. Вышний им владыка я.
В мрачном духе пребывал я. Роз румяных не срывал я.
Еще сказ им не сказал я. Повесть трудная моя.

Сказ о том,
как Фридон сообщает Маризлю вести
о Нестан-Дареджсан

По пространствам я зеленым раз охотился с Фридоном.
Мы цеплялись горным склоном. Мысом к морю шел тот срыв.
Мне сказал Фридон: «Охота — до крутого поворота
Раз пришла. Я видел что-то. Вид, который был красив.

Я спросил. Фридон ответил: «Помню, день был очень светел.
В море что-то я заметил. Утка ль там в морской волне?
Сокол, что ли, вьется смелый? Я следил за точкой белой.
Шел мечтою в те пределы. Сам сидел я на коне.

Проезжаю так утесом. Сам дивуюсь я вопросом:
«Что так быстро под откосом по волне спешит морской?»
Я смотрел и я дивился. Смысл явления не открылся.
Я понять напрасно тщился. Прыти я не знал такой.

«Зверь иль птица? Что такое? Поле меряет морское».
Паруса трепещут в зное. Рулевой ладью стремит.
Я смотрю. Там в паланкине — словно месяц на картине.
На девятом небе ныне быть бы должен этот вид.

Дева, светов всех светлее. Что же дальше? Жду, немея.
Два раба, смолы чернее, на песке уж с девой той.
Длинные волосы густые. С чем сравню красы такие?
Блески молний сны пустые перед этой красотой.

В сердце дрогнуло томленье. Полюбил я то явление,
Эту розу вне сравненья, что как будто сорвана.
Мыслью: «В скок пуцу лихого моего я вороного.
Прежде чем достигнет слово, там я буду, где она».

С сердцем я своим не спорил. Вороного вмиг пришпорил.
В тростниках был шум. И вторил к валу вал. Простыл их след.
Все побережье озирая, вижу, гаснет там золотая,
Путь свой к дали продолжая. Я горю. И где мой свет?»

Вот какой был сказ Фридоны. В сердце, там, где всё спалено,
Новый вспыхнул пламень стона. Вниз я бросился с коня.
С прахом скорби я сравнился. Кровью щек я обагрился.
Смерть мне! Свет мой здесь светился и горел — не для меня!

В сердце друга удивленье. Странно это поведенье.
Все ж в нем сильно сожаленье. Слезы каплют из глаз.
Блещут очи жемчугами. И, как сын отца, словами
Ласки — светит мне лучами, чтоб смягчить мне трудный час.

Воскликает он, вздыхая: «Что сказал я, огорчая
Так тебя? О доля злая! В этом был безумен я».
«Брось! Беда в том не большая, — я сказал. — Луна золотая,
Мой огонь. И, в нем стораю, вот скажу, в чем боль моя».

Всё Фридону говорю я. Отвечает он, горюя:
«Стыд свой в разум не возьму я. Что такое я сказал?
Царь индийский ты всеильный. Что ж ты путь избрал столь пыльный?
Трон тебе, дворец обильный, твой блестящий каждый зал».

Говорит: «Коль волей бога кипарис ты, пусть тревога
Ранит сердце, пусть в нем строго повернется лезвие,—
Сам о нас он порадеет, громы с неба он ответит,
В горе счастье возлеет, ответит свое копьё».

Мы пошли домой в печали. Во дворце мы восседали.
Я сказал: «Из дальней дали я пришел к тебе сюда.
Ты один моя подмога. Нет таких других у бога.
Не страшна с тобой дорога. Ты мне светишь как звезда».

Ты горишь как свет жемчужный. В час тебя я самый нужный
Повстречал. Мы стали дружны. Дай теперь мне свой совет:
Что теперь мне сделать надо, чтобы ей и мне отрада
Засветилась светом взгляда? Ждать во мне уж силы нет».

Он сказал: «К тебе участие выражать — мне только счастье.
Ты мне свет среди ненастья. Царь индийский, ты велик.
Долей счастлив я такую. Не сменю ее с иною.
Вот, стою перед тобою, раб и вечный твой должник».

Этот город путь-дорога кораблям. Их видим много.
Здесь им отдых и подмога. С ними много и вестей.
Даст их множество морское что-нибудь тебе такое,
Чтоб бальзам пролился в зное, как конец тоски твоей».

Моряков, бывалых в море, мы пошлем искать в просторе.
Мы развеять сможем горе и узнаем, где луна.
А пока, скрепи терпенье. Не на-вовсе же мученья.
Будет им и завершенье. Радость будет суждена».

Вот и люди перед нами, что направят бег морями.
«Вы плывите с кораблями там, где свет, и там, где темь.
Вы исполните хотенье сердца, где любви горенье.
Тысячу приняв лишений, а не восемь или семь».

Он велел: «Ищите честно. Где есть пристань, повсеместно.
Может, что-нибудь известно где-нибудь», — сказал Фридон.
Ждать мне было утешенье. Тяжким пыткам облегченье.
Знал я даже наслажденье. Ныне этим пристыжен.

Трон велел он мне поставить, чтоб меня сильней прославить.
Говорил: «К чему лукавить? Не видал, кто ты такой.
Царь индийский, чем возможно угодить тебе неложно?
Кто не хочет бестревожно быть во всем твоим слугой?»

Длеть ли мне повествованье? Были тщетны все исканья.
По пустым местам скитанья, — руки пусты каждый раз.
Вести нет, и я тоскую. И плывут в страну другую.
Нет. Утратил я златую. Слезы льют и льют из глаз.

Так Фридону возглашаю: «Нет тоске конца, ни краю.
Говорить о том — страдаю. Мне свидетель в небе бог.
Без тебя вся жизнь мне бремя, день и ночь — ночное время.
Вижу, цепко злое семя. Радость — где? Всё сердце — вздох.

Больше вести уж не жду я. Что ж мне медлить здесь, тоскую?
Отпусти меня, прошу я. Позволения я молю.
Услыхал Фридон, и в слезы. Окрошил он кровью розы.
«Ныне дни мои — морозы. Больше жизнь я не люблю».

Он дает мне имя брата. И для каждого солдата
Мой уход — печаль, утрата. На колени предо мной.
Плачут все, я с ними плачу. Скольких здесь друзей утрачу.
«Не покинь. Нам дай удачу. Дай всю жизнь нам быть с тобой».

Я промолвил к ним: «Разлука мне, как вам, тоска и мука.
Сердце вам мое порука — нет мне жизни без нее.
Как я пленную покину? Как в огне моем остыну?
Все преграды я содвину. Должен в путь. Хоть на копье».

Тут Фридон для дорогого брата — ласковое слово,
И приводит вороного. Молвит: «Глянь же, твой он, конь.
Кипарис ты солнцеликий, дар возьми, хоть невеликий.
Будет люб тебе он, дикий и проворный как огонь».

Провожал меня. С слезами расставались. И устами
Целовались. И сердцами все неживыми грустя,
Не словами, а на деле, целым войском там скорбели.
Мы, прощаясь, так горели, как родитель и дитя.

Я один ушел в скитанья. Продолжал везде исканья.
Я не вынудил признанья у земли в путях потерь.
Прах молчал, молчало море. Я с судьбой в напрасном споре.
В тщетном с кем-то разговоре. Обезумел я как зверь.

Я сказал себе: «Не буду тщетно я скитаться всюду.
До меня пути нет чуда. Буду жить среди зверей».
Семь иль восемь слов с рабами и к Аснат: «Я вас скорбями
Утомил. Вы сыты днями. Сыты горестью моей».

Разорвите ж эти нити. Не со мной услад ищите.
Плачу горько, не глядите. Слезы пусть текут из глаз».
Чуть услышали, в печали — «Горе! Горе! — мне вскричали: —
Что уста твои сказали! Что промолвил ты до нас!

О другом чтоб господине стали думать мы отныне!
За тобой хоть по пустыне, за конем, где знак подков.
Лишь с тобой, и прочь сомненья! Ты — прекрасное виденье».
Кто изведаль власть мученья, он своих не слышит слов.

Речью слуг я так смутился, что от них не отлучился.
Но в пустыню удалился от людей, как от чумы.
Лучше, мнил я, быть с козлами и с оленьими стадами.
Я бродил один лугами и вабирался на холмы.

Лучше птицы, в их напеве. Ряд пещер, где были деви,
Встретил, — в схватке, в диком гневе, духов всех я истребил.
Против них был в полной силе. Но рабов они убили.
Латы их не защитили. Дождь судьбы меня кропил.

Видишь, брат, стеснен я днями. Без ума брожу полями.
Оболюсь порой слезами. Рухну, тяжкий, словно медь.
Эта дева лишь со мною. Той же горечью больною
Всё по ней скорбит душою. Что осталось? Умереть.

Тускло всё, темно и серо. Как тигрица иль пантера
Мне она. В нее вся вера. Эта шкура — мне как герб.
Эта женщина, вздыхая, видит — скорбь как ночь густая.
Я — как колос, увядая. Тщетно рядом острый серп.

Об утраченной тоскою. Где найду зарю золотую?
Жизнь влачу как кару злую. Зверь, живу среди зверей.
Смерть была бы мне желанна. Смерть одна лишь необманна.
Смерть я кличу постоянно. Нет ее в темнотах дней.

Он лицо свое терзает. Щеки-розы разрывает.
И рубин преображает он в янтарь, тоской томим.
Воскликает: «Смерти, боже!» Автандил тоскует тоже.
Сердце с сердцем в пытке схоже. Дева плачет перед ним.

Тариэль, Асмаг смягченный, Автандилу, огорченный,
Говорит: «Тоски бессонной ныне знаешь ты рассказ.
Рассказать всё было надо. Брату в том была отрада.
В путь теперь. Твоя услада ждет тебя. И близок час».

Автандил сказал: «Расстаться мне с тобою — с горем знаться
И слезами обливаться. Брошу брата моего.
Но хотя заплачу снова, — не серчай на это слово, —
Толку нет в том никакого для терзанья твоего.

Если врач — пускай похвальный — сам узнал недуг печальный,
Тут, в нужде многострадальной, он другого позовет.
Скажет, в чем его горенье, где страданья и мученья.
И другой найдет лечение, — лучше, чем он сам найдет.

Слушай, крик напрасен шумный. Ты меня не как безумный,
Слушай мудро. В многодумной ты проверке всё проверь.
Тот, кто сердцем столь свирепый, в деле все разрушит скрепы.
К той, чьи чары нежно-лепы, я, горя, пойду теперь.

На нее взглянуть хочу я, сердце милой подтвержу я,
Что узнал, ей расскажу я и любви услышу вздох.
А тебя прощу как друга, — в том взаимная услуга, —
Будем помнить друг про друга, небо в небе, бог есть бог.

Если дашь мне обещанье претерпеть здесь ожиданье,
Обещаюсь все скитанья предпринять я для тебя.
Пусть томлений будет много, в честь тебя легка дорога,
И найду я, с волей бога, ту, кем ты горишь, любя».

Он ответил: «Чужестранный, любишь ты меня, желанный,
Как в любви необманной любит розу соловей.
Как же я тебя забуду? Ты чудесен, верю чуду.
Бог дозволит, снова буду с юной прелестью твоей.

Если ты со мной, алоэ, я взгляну в лицо живое, —
Сердцем в поле я пустое для чего к козлам пойду.
Коль солгу перед тобою, строгим будь мне бог судьбою.
Ты придешь и колдовскою чарой прочь умчишь беду».

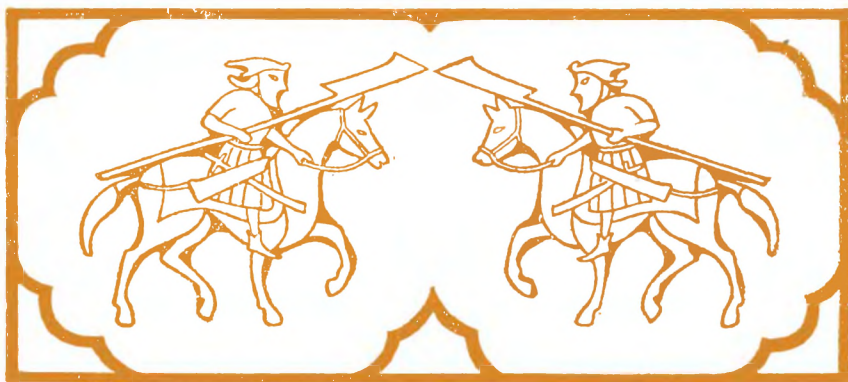
Клялись тут они сердцами, братья с мудрыми словами
И безумными умами, гиацинты с янтарем.
Дружбы пламенем палимы, говорили побратимы.
Ночь пока струила дымы, были все часы вдвоем.

Тариэль до Автандила. Тот к тому. Их грусть роднила.
Утро светы засветило, и прощались две тоски.
Тариэль был весь взметенным. Автандил был огорченным.
С сердцем ехал он стесненным, путь держа чрез тростники.

Провожая Автандила, и Асмат его молила,
Заклиная, говорила: «Твой приезд — всегда пора».
Пальцы кверху поднимала. Было горьких слез немало.
Как фиалка увядала. Тот сказал: «Вернусь, сестра.

Правде верь, не верь обману. Замедляться там не стану.
Он же да не мучит рану. Не пускай блуждать его.
Чрез два месяца — свиданье. Коль промедлю ожиданье —
В том постыдное деянье. Знак несчастья моего».

Сказ о том, как Айтандил
возвратился в Сирабию после того,
как нашел Мариэля и расстался с ним

Путь держа в далекой дали, он, конечно, был в печали.
Руки розы разрывали, и едва он мог вздохнуть.
И хоть ехал он к победам, путь кровавый зверю ведом.
Зверь лизал ту кровь и следом продолжал за юным путь.

Прибыл к месту расставанья. Дождались бойцы свиданья.
Началось ликованье. К Шермадину в тот же час
Вести шлют, бегут проворно: «Без кого всё было черно,
Прибыл, день горит узорно, солнце вновь горит для нас».

Он идет к нему до встречи. Говорит такие речи:
«Истребитель в ярой сече! Это ты и ты не тень?»
Руки он ему целуя, молвит: «Сплю или не сплю я?
Жив, здоров ты, и, ликуя, к нам пришел как яркий день».

Витязь низко поклонился. Ликом к лику приложился.
«Случай злой здесь не случился. Слава богу!» — говорит.
Праздник встречи длится, строен. Целовали, кто достоин.
Всяк сановный, всякий воин, все ликуют — светлый вид.

Восклицают: «Слава богу!» Всей толпою в путь-дорогу
К новозданному чертогу. Видеть все хотят его.
Он за светлый пир садится. Гордый, смелый веселится.
Сколько слов ни сгромоздится, не опишешь здесь всего.

Шермадину повествует, как нашел того, кто чует
В сердце жало и тоскует. И, глаза полузакрыв,
Говорит о Тариэле: «Он мне солнце, цвет в апреле.
В сакле бедной, во дворце ли, без него я жив не жив».

Знак являя должной чести, Шермадин во всем с ним вместе.
Говорит о доме вести: «Твой отъезд был скрыт от всех.
Всё — как дал ты повеленье». В этот день — отдохновенье.
Пир с друзьями, развлеченье и безоблачность утех.

На коне уж он с зарею. Шермадина пред собою
Выслал с вестию благую: «Возвести, что я, мол, тут».
Быстроты исполнен вспевной путь в три дня десятидневный.
Узрит лев красы царевны, что так солнечно цветут.

Весть он шлет царю: «Властитель. Мощный, гордый повелитель!
Осмотрительный служитель — пред величеством твоим.
Сам себе я был презренный, не узнав, кто тот забвенный.
Ныне — с вестью полноценной, весел, здрав и невредим».

С Ростеваном солнце рядом. Шермадин к нему с докладом:
«Витязь некий встречен взглядом. Всё разведал Автандил».
И промолвил царь могучий: «Вот господь развеял тучи.
Я о том в тревоге жгучей бога ревностно молил».

К Тинатин, к заре безночной, обращенье с вестью точной:
«Он приходит в час урочный. Вести светлые несет».
От нее — огонь привета, ярче солнечного света.
Дар богатый в знак ответа. И одет ей весь народ.

На кони Ростен садится, встречу витязя стремится.
Солнцеликий не затмится, расточив свои огни.
Встреча — радость. Два верховных полны светлых чувств любовных.
И толпа кругом сановных. Словно пьяные они.

Пред минутою сближенья витязь прочь с коня в мгновенье.
Воздаёт царю почтенье. Отмечая торжество,
Царь даёт ему лобзание. И в дворец для пиროванья.
Там пресветлое собранье, чтоб приветствовать его.

Солнцу солнц от льва над львами поклоненье. Хрусталами,
Розочетными огнями светит нежная краса.
Этим нежным током света как зарей она одета.
Их жилище, нет, не это, — их обитель небеса.

Радость пира свет-картина. Ласков лик у властелина.
Любит витязя, как сына. И на свежие снега
Нежно падают снежинки, и на розе дрожь росинки.
Но обильней, чем слезинки, рассыпает жемчуга.

Пили, ели, упивались. Гости хмельные расстались.
Лишь сановные остались, внемлют витязю кругом.
Он к царю, на вопрошанья, говорит про испытанья,
Также всё, что в днях скитанья он узнал о странном том.

«Не дивись, что, повествуя, много раз о нем вздохну я.
С солнцем смелого сравню я, с солнцем в выби облаков.
На него едва кто глянет, без ума сейчас же станет.
Ах, далеко он, и вянет, диво-роза средь шипов.

Если рок сразит обманом и откроет сердце ранам,
Станет здесь кристалл шафраном и терновником тростник».
Щеки тут у Автандила влага грусти оросила.
Рассказал он всё, как было, как к безумцу он проник.

«Там, где деви обитали, пребывает он в печали.
Верность девы, в этой дали, служит витязю в скорбях.
В шкуру тигрову одетый, бархат, золото и сеты
Презирает, — лишь согретый в пожарающих огнях».

Вот предмет для тоскованья, кончил он повествованье.
К зорям нежного сиянья, взор его стремится к ней.
Силу рук его хвалили. Дивовались грустной были.
«Дни тебя не истребили, — истребитель ты скэрбей».

Тинатин в вестях услада. Есть и пить сегодня рада.
Пленник принял ласку взгляда. Он вошел в ее покой.
Путь тревожный был не вечен. Он приятным словом встречен,
Солнцеликою отмечен. Полон радости живой.

Витязь горд, горит очами, полон нежными речами.
Лев, бродил в полях он с львами и утратил цвет лица.
Был он витязем единым, драгоценнейшим рубином,
Встретил сердце сердцем львиным, только так живут сердца.

Смело солнце на престоле. Цвет алоэ в нежной доле.
Юный стебель в райской воле. Окропил его Ефрат.
Брови дугами подняты. И волос блестят агаты.
«Я б афинян — там богаты красноречьем — слушать рад.

Сам хвалю — и не умею». На скамье он сел пред нею,
Пред владычицей своею. Люб им стройный разговор.
Говорят они красиво. Их беседа так учтива.
«Встретив беды терпеливо, ты не тщетно шел в простор?»

Он ответил: «Коль хотенье знает счастье достиженья,
Говорить про огорченье — вспоминать о дне, что был.
Мною найден тополь дальный, что омыт рекой кристальной.
Роза — лик его печальный, цвет он, вянущий без сил.

Кипарисом тонкостанным, в тоскованьи непрестанном,
Он во сне каком-то странном. Потерял он свой хрусталь.
Нет пути соединенья. В пытке вечной он горенья.
Вместе с ним терплю мученья, и о нем моя печаль».

Рассказал он все печали, что его повсюду ждали
В дни скитаний в чуждалах. Рассказал, как бог судил,
Чтоб нашел, чего искал он. «Жизнь и мир, всё отвергал он.
Средь зверей, средь диких скал он — словно тень среди могил.

Не проси, чтобы хваленья я сказал для разуменья
Ворожащего виденья. Глянью — и в мире лучше нет.
Смотришь, нет, не цвет шафрана, — роза, пусть и не румяна.
И фиалки средь тумана, в целый свяжешь их букет».

Всё, что знал, сказал подробно. Как Асма в скорбях беззлобна.
«Тигру дикому подобно, ходит он, и след за ним.
Свет его лишь сумрак серый. Дом его лишь глубь пещеры.
Там страдает он без меры. Жизнью каждый зверь томим».

Услыхав повествованье, дева молвила: «Желанье
Сердца — вот». И в ней сиянье. Полнолунная она.
Возвещает: «Как привечу? Как на зов такой отвечу?
Чем, такую ведав сечу, рана будет смягчена?»

Отвечал: «Того нам трудно знать, в ком сердце безрассудно.
Мы страдаем обоюдно. Хочет он гореть борьбой.
Не его в том назначенье. Обещал я возвращенье.
На себя принять лишенья, солнце, клялся я тобой.

Хоть бы тяжкие услуги, другу помощь только в друге.
Сердце — сердцу. Через вьюги верный путь и мост — любовь.
Но печаль ложится дымом — видеть грусть в лице любимом.
Снова быть судьбой гонимым, по тебе томиться вновь!

Без него ничто отрада. В самом счастье капли яда». —
«Всё, что сердцу было надо, — нить ведет она словам. —
Найдена тобой утрата. И любовь твоя не смята.
Цвет в ней, полный аромата. Сердцу я нашла бальзам.

Как природе, нам знакомы — солнце светлое и громы.
То мы к радости влекомы, то бывает сердцу жаль.
В небе нет грозы и злобы, нет угроз земной утробы,
В мире радость, — для чего бы стала нежить я печаль.

Клятву молвил ты неложно, изменить ей невозможно.
Сердцу друга, что тревожно, посвети полет огня.
Знай незнаемое ныне. Излечи его в кручине.
Но в какой мне быть пустыне! Свет уходит от меня!»

Витязь молвил: «Я с тобою, — стало семь скорбей с восьмою.
Над горячею водою не согреется мороз.
Дуй не дуй, а быть тут сизу. И закат раскинет ризу, —
Хоть целует солнце снизу, росы тут, как капли слез.

Быть с тобой — с собой быть в бое. Прочь идти — терзанье злое,
В десять сотен раз лихое. В сердце стрелы бьют как в цель.
Ветер жгучий веет в очи. Стала жизнь моя короче.
Полны горя зреют ночи, и тоска — моя постель.

Слышал я твое реченье. Сердцем понял повеленье.
В розе нежное горенье, но растут и остря.
Солнце, будь моей зарею и, прощаясь со мною,
Дай мне знак, чтобы живую жил в пути надеждой я».

Он настойчив, не докучный, витязь в горести разлучной.
Звук грузинской речи звучной на устах его как мед.
Благо к благу, око в око. Слово нежного урока
Говорит. Вдохнув глубоко, дева жемчуг отдаёт.

Что нежней? Прижать агаты до рубинов. И богаты
От алоэ ароматы. Строен возле — кипарис.
Возрасти в саду их рядом. Но скажи «прости» усладам —
Кто разлучным смотрит взглядом, где дороги разошлись.

Весь восторг их — в долгом взоре. И расстались. В сердце горе.
Если между ними море, не нагнаёт струе струю.
Солнце красное палимо. Молвит скорбный как из дыма:
«О, судьба ненасытна, испивая кровь мою!»

Витязь, грудь свою терзая и удары повторяя,
Плачет. Сердце, полюбляя, говорит в себе: «Горю!»
Если солнце скрылось в туче, темны доли, темны кручи.
И разлуки мрак тягучий ночь ведёт, а не зарю.

Кровь и слезы льют щеками, точат тропки ручейками.
«Солнце, — молвит, — облаками затянулось предо мной.
Жертва пусть моя невольна, солнце всё же недовольно.
О, дивлюсь, как в сердце больно. Но хочу я жить — тоской.

Райским быть, вчера лишь, дровом, быть оваяну напевом,
И судьба с грозным гневом нож вонзает, счастья нет.
Гнет тоски как тяжесть гири. Я в сетях. Огонь всё шире.
Так идут дороги в мире. Мир есть сказка. Мир есть бред».

Брызги слез, дрожанье, лепет. В сердце вздох, и стон, и трепет.
Час разлуки, чуть зацепит, он идет до дна сердца.
Быть с любимой — жизнь золотая. Быть в разлуке — ночь глухая.
Ах, начало пеленая, саван вьет всегда конец.

У себя, в своем покое, витязь в пламени и зное.
Но лицо ее живое где-то близко. Дышит свет.
Чувств лишился. Сердце тает. Тополь в стуже, увядает.
Ах, без солнца не блистает, а темнеет розоцвет.

Что есть сердце человека? Ненасытнейший калеска.
В свет идет, и в тьме от века. Путь не видящий слепец.
Всё в превратном цепенеет. Жить для жизни не умеет.
Даже смертью не владеет. Острия плетет в венец.

С сердцем так он спор сердечный вел в минуте скоротечной.
Жемчуг взял, и свет тот млечный приложить к губам был рад.
Этот знак душе был нужен. Ум в тоске обезоружен.
Слезы льет он до жемчужин, током светлым, как Ефрат.

Ко двору зовут с зарею. Бодрой он пошел стопою.
Встречен людною толпою. Он склоняет гордый стан.
Царь оделся для охоты. Да развеются заботы.
Утро в блесках позолоты. Кличет рог и барабан.

Повесть этой пышной были как расскажешь в полной силе?
Всех литавры оглушили. Слово на ухо кричи.
Солнце скрыто соколами. Своры псов бегут полями.
Рдеет пурпур как цветами, — словно речь вели мечи.

Были ловли, были крики. Возвращаются владыки.
Все князья здесь, светлолики. Сел Ростен, сияет взор.
Был шатер воздвигнут красный не один с игрой атласной.
Арфы с лютней — звук согласный. Полнозвучный грянул хор.

Витязь рядом с властелином. Так отец бывает с сыном.
Их кристалл горит с рубином. Вспышки молний — свет зубов.
Кто достоин — в приближеньи внемлет сказу о томленьи.
А дружины — в отдаленьи. Тарисль — над вязью слов.

Витязь с горечью заботы возвращается с охоты.
Луч один в его темноты проникает, — нежный лик.
То он встанет, то ложится. От безумных сон стремится.
Если сердце загорится, кто придет на этот крик?

Лег и молвит: «Утешенье в чем найду для огорченья?
Я в печали разлученья. Ты в далекой стороне.
Райский стебель, цвөг достойный, над волной всегда прибойной
Ты тростник светло-спокойный. Появись мне хоть во сне».

И течет слеза, другая. Снова сердце унимая,
Молвит: «Мудрость золотая — в том, что нужно, — так терпи».
Если в боге нам отрада, и печаль принять нам надо.
Не томи напрасно взгляда. Ночь сгустила сумрак. Спи».

Снова к сердцу увещанье: «Знаю, смерть твое желанье.
Но — живи и знай терзанье. Не жалеи для жертвы кровь.
И, боясь чужого зренья, ты скрывай свое горенье.
Недостойно есть любленья выявлять свою любовь».

Сказ о том, как Абтандин
обратился с просьбой к царю Гостевану
и о том, что сказал ему Визирь

Час рассветный засветился, витязь в строй свой нарядился.
«Если б огонь любви длился, — молвил, — в скрытности во мне».
Просит сердце о терпенье. Лунноликое виденье.
К дому визиря стремленье. Вот он едет на коне.

Визирь слышит и, встречая, говорит: «Заря золотая
Входит в дом ко мне, блистая: этот день есть весть усад.
Как цветок благоуханный — звук привета золотканый.
Если гость пришел желанный, и хозяин сердцем рад».

И хозяин просит к дому. Быстро к гостю дорогому.
Слезть с коня помог младому. Тотчас под ноги ковер.
Из богатого Хатая. В доме гость как солнце рая.
Молвят: «Розы расцветая, легкий веет ветер с гор».

Сел. Безумеют сердцами, кто приник к нему глазами.
В честь вменияют — рдеть огнями, перед юным обомлеть.
Лик его — им наслажденье. Вадохи — счет их вне счисления.
Уходить — им повеленье. Круг домашний стал редеть.

И когда их стало двое, слово к визирю такое
Молвит тот, чей лик алоэ: «Ты в чертоге, где совет,
Знаешь всё, открыта тайна. Царь тебе необычайно
Верит. Слушай же. Бескрайна боль моя. Пролей мне свет.

Чудный витязь, в ком горенье, он мое воспламененье.
Я убит, во мне томленье. В тот, где он, я замкнут круг.
Жизнью он не поскуится для меня. Кто так щедрится,
Равным он да озарится. Друга любит верный друг.

Увидал его, — и в свете. И трепещет сердце в сети.
Неразрывны узы эти. И мое терпенье — с ним.
Бог, такого создавая, создал солнце, зажигаая.
И Асмат мне как родная. Как сестрой я ей любим.

В час как с ними я прощался, клятвой страшною я клялся:
«Я вернусь. Я обещался. Враг твой будет посрамлен.
С сердцем здесь ты затемненным. Лик явлю твой озаренным».
Мне пора идти к стесненным. Оттого я весь сожжен.

Это слово не хвастливо. Речь моя сполна правдива.
Я задержан в миг порыва. Брошен хворост в мой костер.
Чтоб безумным был безумный брошен в скорби многодумной, —
Где ломатель клятв неумный не вступил чрез то в позор?

Не могу свершить измену. Так иди к царю Ростену.
Не предаст меня он плену, — я уйду и с ним прощусь.
А пленит, — что толку в этом? Помоги и будь мне светом.
Сердцем, в пламенах одетым, головой царя клянусь.

Я уйду. И молви снова: «Хвалит каждое здесь слово
Властелина. Лик живого света в небе, видит бог,
Как боюсь тебя. Немое горе — вот. Но он алоэ,
Витязь, кем сожжен я в зное. Сердце взял он. Сердце — вздох.

О, пойми же, царь, что ныне без него я здесь в пустыне.
Что могу свершать? В кручине этой — дух мой вовсе мал.
Если друга не оставлю, я тебя же тем прославлю.
Коль спасенья не доставлю, все ж я клятву не сломал.

Если раб твой удалится, гневом царь да не затмится.
И печалью не мрачится. В божьей воле я пойду.
Коль победа, вновь с тобою твой слуга. Коль смертью злою
Взят я, — ты цари зарею и носи врагам беду».

И до визиря он снова говорит: «Внемли живого
Сердца звук, и это слово передай сполна царю.
Да пребудет в снах согласных. А тебе сто тысяч красных,
В златоцвете полновластных, подкуп щедрый, я дарю».

Отвечает тот с улыбкой: «Слово здесь твое — с ошибкой.
Мне наградою — что, гибкий стебель, ты пришел сюда.
Но царю могу ль при встрече передать твои я речи?
Сложит дар он мне на плечи, что запомню навсегда.

Клясться я уполномочен: казни миг, он будет точен,
Ни на краткость не отсрочен. Будет золото с тобой.
Смерть мне. С преданным слугою, будет гроб один со мною.
Жизнь люблю, того не скрою. Не скажу я речи той.

Не могу, во имя бога. Не суди меня в том строго.
Чрез дорогу ведь дорога неспособна пробежать.
Царь сживет меня со света. Что он молвит для привета?
«Сумасшедший, что ли, это?» Нет, уж лучше здесь дышать.

Даже если царь дозволит, — кто же войско приневолит
Быть слепым? Кто обездолит сам себя, лишась лучей?
Ты уйдешь, и враг глянет, руку жадную протянет.
Впрочем, с ястребом не станет вровень малый воробей».

Витязь плачет и, тоскуя, молвит: «В сердце нож вонжу я.
Визирь, слышишь ли? Люблю я. Знал ли ты, что есть любовь?
Знал ли силу обещанья? Клятву? Дружбу? Ты в незнайи.
Это ведая страданье, радость знать могу ли вновь.

Солнце ход свой повернуло. Что б его назад вернуло?
Сладок звук лесного гула. Возвратим к себе весну.
Но слова мои напрасны. Слеп к другому безучастный.
Этой речи ток неясный слов лишь множит плену.

Для царя я — бесполезный. Как безумный я над бездной.
И войскам рукой железной я не буду в миге сеч.
Не устану слезы лить я. Предпочтительней отбытье.
Клятву как бы мог сломить я? Сердце в деле явит речь.

Предо мной, тоской объятым, как же сердцем ты проклятым,
Визирь, можешь быть несмятым? Воском стала бы здесь сталь.
Умягчились бы утесы. Не помогут глаз здесь росы.
В час, когда в беде мы босы, вскрикнешь, — будет ли мне жаль?

Коль не даст мне дозволения, совершу исчезновенье
Я тайком. Я весь горенье. Сердце пламеням предам.
Да вступлю же я в пожары. А тебе не будет кары.
Молви — «Все снесу удары, хоть бы пытки ждали там».

Визирь молвит: «Я твоими тоскованьями — как в дыме
И в огне, — пребуду с ними, — в мир исчез, с тобой скорбя.
Лучше слов — порой молчанье. Речь меняет очертанья.
Но — скажу. И что страданья! Пусть умру я за тебя».

Визирь встал. Вошел смущенный во дворец он позлащенный.
Видит — царь там, облаченный, весь как солнце перед ним.
Он испуган, он робеет, вести той сказать не смеет.
О войне не разумеет, что решить умом своим.

Видя это онемень, царь явил недоуменье.
«Что случилось? В чем сомненье? В чем есть грусть души твоей?»
Молвит тот: «Царя благого огорчу. Убьешь сурово,
Но и право, слыша слово удивительных вестей.

Так скорблю я поневоле, что ни менее ни боле
Изменить не в силах доли. Я посол, но уstraшен.
Автандил, прося прощенья, слово шлет к тебе моленья.
Отпусти. Туда стремленье, где тот витязь, — молит он».

Робко, полон опасенья, все сказал он изъясненья,
Как весь мир ему мученье, как стрелою ранен лев.
«Я бессилен — не скажу я, как он бьется там, тоскуя.
Все ж ты прав, коль, негодуя, на меня низвергнешь гнев».

Царь, услыша слово это, глянул, лик лишился цвета,
Мысль безумием одета. Кто б увидел, знал бы страх.
Вскрикнул: «Верно, без ума ты! А не то мне никогда ты
Не сказал бы так. Отплаты, верно, ждешь? Ты будешь прах!

О предатель вероломный! Точно радость вести скромной
Рассказал. Изменой темной остается лишь добыть.
Сумасшедший! Для лихого смел ко мне явиться слова.
Это — визирь! Мне такого нужно ль? Здесь тебе не быть!

В чем досада, в чем кручина, не должны ль от властелина
Утаить? А тут лавина глупых слов, — им слух готовь.
Уж оглох бы я скорее, чем тут слушать лиходен.
Грех моя отбросит шея, коль твою пролью я кровь».

И еще сказал: «Когда бы, раб неверный, раб ты слабый,
Был не послан им, с плеча бы — голова. И разум наш
Не узнал бы скорби нудной. Ишь безумный, безрассудный!
Прочь, сказитель сказки трудной! Сделал дело — и шабаш».

Он нагнулся, стул хватает. В стену, — стену раздробляет.
В цель свою не попадает. Но алмазом стал ивняк.
«Как ты мог, хоть бы в намеке, боль мою ускорить в сроке?»
Визирь плачет, белы щеки, в помутневшем взоре мрак.

Видя этот гнев ужасный, визирь прочь бежит злочастный.
Больше речи нет напрасной. Как лиса, он выполз вон.
В самом сердце больно ранен. Сколь успех непостоянен.
Как придворный, был желанен — и самим собой сражен.

Размышляет он: «О боже, есть ли больше скорбь? И что же
Думал я, его тревожа? Чем так был я затемнен?
Кто б он ни был, кто не дело властелину молвит смело,
Пусть достигнет он предела. Скорбь, как я, да знает он».

Как вошел, глаза сияли. Вышел визирь уж в опале.
Автандилу он в печали говорит, душой скорбя:
«Вот спасибо. Я придворный — светлый был, а ныне черный.
Людям лик явлю зазорный, сам утративши себя».

Просит подкуп. Хоть тревожит душу скорбь, он шутики множит.
Как еще шутить он может? Или шутят как в бреду?
Говорит: «Кто договора не исполнит, с тем и ссора,
Путь крутого разговора. Подкуп нужен и в аду».

Молвит: «Как я был привечен! Как царем я был отмечен!
Человек недолговечен. Мог уж быть я неживым.
Как глупец пред ним предстал я. Честь и разум потерял я.
Как еще живой бежал я? Верно, был господь над ним».

А ведь тут не заблужденье. Знал, что делал, без сомненья.
Предумышленность стремленья. Гнев его предвидел я.
В том печаль моя двойная. Но страдаю за тебя я.
Значит, жертва не пустая, хоть бы смерть пришла моя».

Отвечает витязь смело: «До его уйду предела.
Если роза облетела, умирает соловей.
Улетает за живую он водою ключевою.
Коль не смочен он росой, жаждой он сожжен своей.

Без него здесь не живу я. Сесть ли, лечь ли, не могу я.
Если так томлюсь, тоскуя, как же хочет Ростеван,
Чтоб блистал я пред войсками и сражался я с врагами?
Кто с угрюмыми мечтами, свет ли помощи в нем дан?

Я сказал царю однажды. Я скажу ему и дважды.
Пусть он видит пламя жажды, сердце сушащей мое.
Коль не дашь мне разрешенья, я тайком исчезновенье
Совершу без позволенья. Смерть грозит? Давай ее».

После речи беспокойной, визирь пир затеял стройный,
Их обоих пир достойный. Рассыпает он дары.
Юных, старых награждает. Пир веселием блистает.
Витязь-солнце отбывает. Час ночной пришел поры.

Автандил царю посланье шлет: «Какое мне деянье
Совершить для оказанья благодарности царю?
Раб я твой, пока живу я. За тебя с мечом умру я.
Равность веса сохранию я. За любовь — любовь дарю».

Несравненный даже в этом. Верный мужества заветам.
Как воспеть его? Он светом весь овеян как хвалой.
И к нему пришло смятенье. Если встало затрудненье,
В ком есть помощь и спасенье? Брат поможет и родной».

Слова Абтангила и Шермадина при тайном стобитии его

Лик и образ господина, как до брата или сына,
Говорит до Шермадина: «Ныне день надежд моих.
Мне он явит, что ты можешь, чем ты мне в беде поможешь».
Песня, ты хвалу им сложишь! Их деянья красит стих!

Он сказал: «На удаленье нет Ростена позволения.
Нет в нем вовсе разуменья, как один живет в другом.
На чужбине иль в отчизне, но без друга нет мне жизни.
Что ж, мне быть всегда на тризне? Против бога, быть с грехом?»

Лжец наказан будет строго. Вероломный — враг есть бога.
Решена моя дорога. Но горю я весь в огне.
Без него мне где отрада? Ничего душе не надо.
Только он есть радость взгляда. Сердце кличет: «Горе мне!»

Если друг, так почему ж бы не явить во имя дружбы
Сердцу три благие службы? Служба первая — тоска,
Нежеланье отдаленья, и вторая — щедрость, рвенье,
Третья — с другом путь, стремление, хоть дорога далека.

Но к чему нам длить беседу? Сократим ее. Я еду.
И не дам возникнуть следу. Сердце так лишь излечу.
А теперь, пока — с тобою, укрепись своей душою,
Был во всем научен мною, и еще я научу.

Пред владыками вниманье, это первое деянье.
Смелость выяви и знанье. Всё пусть точно видит взор.
Да увидит всякий, кто ты. И о доме пусть заботы
Не падут никак в темноты, — был ты светел до сих пор.

Враг грозит, — не будь беспечным, щедрым будь с односердечным,
Кто же будет двуконечным и неверным, — убивай.
Да не знает власть утраты. Если я вернусь, богатой
От меня дождешься платы. Служба помнится Прощай».

Вняв приветствие прощанья, Шермадин, сдержав рыданье,
Вскликнул: «Как же тоскованье здесь я вынесу один?
В сердце сумрак водворится. Дай с тобой не разлучиться.
Если где беда случится, я слуга, ты господин.

Кто слышал, чтоб так далеко витязь ездил одиноко,
Пропадал бы так без срока, сам в скорбях, берег — слугу?
Мня, что ты погиб там где-то, как здесь быть, не видя света?»
Витязь молвит: «Тщетно это. Взять тебя я не могу.

Плачь не плачь, но невозможно. Любишь ты меня неложно.
Дай отбыть мне бестревожно. Так велит моя стезя.
Эту вынеси потерю. Дом кому же я доверю?
Я тобою верность мерю. Взять тебя нельзя. Нельзя.

Должен, если я влюбленный, быть в тоске отъединенной.
Кто жё, в сердце пораженный, не скитается один?
С кем любовь, пред тем дорога. В путь, блуждать и ведать много
Дней тоски по воле бога. Не борись с игрой судьбин.

Буду я с тобой в разлуке, — ты люби меня без муки.
Враг не страшен. Сильны руки. Приказать нельзя рабам,
Сам, как раб, себе, ликуя, без печали послужи я.
Смелый дышит, не тоскуя. Будит в нем боязнь — лишь срам.

Я не старец тот сугубый, что, свои утратив зубы,
Огурцы собирал, да грубы оказались для него.
Умереть за друга мило. Солнце путь благословило.
С ней расстаться трудно было. Всё иное ничего.

И возьми, вот завещанье. В нем Ростену указанья,
И мольба, чтоб он вниманье царски выявил тебе.
Коль умру, черта предела. Не убей себя: то дело
Сатаны. Удар свой смело встретить. И плачь. И верь судьбе».

*Завещание Абтандила,
посланное царю Ростевану
при тайном отбытии его*

Сел писать он завещанье, столь прискорбное писанье:
«Царь! Прости непослушанье. Огнь зажегшего в крови
Я ушел искать. В разлуке с ним не в силах быть я. Муки
Сердца — слово здесь поруки. Лик мне божеский яви.

Знаю я, мое решенье в этот час есть дерзновенье,
Но его без осужденья примешь в днях. Есть зов? Спеши.
Жертва другу — власть закона. Царь, вспомни мысль Платона:
«Ложь двуличья — порчи лоно и для тела, и души».

Ложь — источник злоключенья. Бросить друга? Униженье.
Ближе друг, в огне сцепленья, чем рожденный в братстве брат.
Что мне мудрые, их знанье? Друг, так к другу и в скитанье.
Это путь для ликованья воинств света, их громад.

Глянь в апостольское слово о любви, ключе живого,
Как там хвалят, вновь и снова: «О, любовь возносит нас!»
Что любви есть чудесней? То припев священной песни.
Каждый светлый с ней кудесник, загоревшись в первый раз.

Он, творец мой, он, который мною вражеские хоры
Поразит, подмогой спорой явит малое ничто,
Закрепляющий границы, бог, в мгновение зеницы,
Сто сведет до единицы, и один вдруг будет сто.

Что без божьего хотенья может видеть совершенье?
Если нет лучей горенья, где фиалка? Розы нет.
Что красиво, то любимо, глаз влечет неотразимо.
Без него, как в мраках дыма, как же буду, зная свет?

Гнев узнав негодованья, ты прости мне послушанье.
В ковы взят зачарованья, не послушаться не мог.
Не уйти в тот миг стремящий — быть душой в печи горящей.
Где ни быть, что горы, чащи, если волю я сберег?

Не поможет тоскованье. Слез бесплодно проливанье.
Если свыше приказанье, не свершить его нельзя.
Наши предки завещали нам борьбу и гнет печали.
С богом разве в бой вступали те, кому чрез плоть стезя?

В чем господне предрешенье обо мне, придет в свершенье.
Сердце, после возвращенья, уж не будет здесь золой.
Ты да светишь величавый в многосвете пышной славы.
Он мой свет, и не лукавый с ним порыв сердечный мой.

Это, царь, мое решенье. Смерть мне, если кто реченье
Может молвить осужденья. Не скорби об этом дне.
Не могу я быть ни лживым, ни в свершении трусливым.
В вечном, взглядом прозорливым, он в лицо посмотрит мне

Память в друге свет в потомство. Ненавижу скопидомство,
Ложь, измену. Вероломство не свершу и для царя.
Это было бы бесстыдно. И подумать, так обидно.
Где ничтожней долю видно — запоздать, колеблясь зря?

Что случиться может хуже — смертный страх увидеть в муже?
В бой пошел, так почему же велять страх? Кто враг, тот враг.
Не всегда ж дышать фиалкой. Кто труслив, тот в доле жалкой,
Точно женщина за прялкой. Слава лучше всяких благ.

Смерти узкая тропинка не задержка, не заминка.
Дуб пред ней или былинка, слабый, сильный, скрутит нить.
Перед ней никто не правый. Юный, старый скосит травы.
Лучше смерть, но смерть со славой, чем в постыдной жизни жить.

А теперь, о парь, с опаской говорю. Не тешу сказкой:
Смерть с мгновенною развязкой ждет всегда нас в тишине.
День и ночь в одно свивая, вдруг приходит роковая.
Коль умрешь ты, жизнь немая будет быстрой зыбью мне.

Если это воля рока, что умру в пути до срока,
Сиротой, один, далеко, вне родной страны моей,
Не оплаканный родными, не одетый в смерти ими,
Ни друзьями дорогими, сердцем нежным пожалей.

Велики мои владенья. Кто их взвесил? Нет счисленья.
Дай же бедным сбереженья. И свободу дай рабам.
Тем, кто скудны, кто сироты, не спросивши: «Кто ты? Что ты?»,
Дай, яви мои заботы: буду близок их мечтам.

Не возьмешь чего в казну ты, на сиротские приюты
Ты отдай. Потoki — путы: часть возьми ты на мосты.
Ничего я не жалею. Щедрым будь казной моею
Лишь тобой смягчить сумею пламень нижней темпоты.

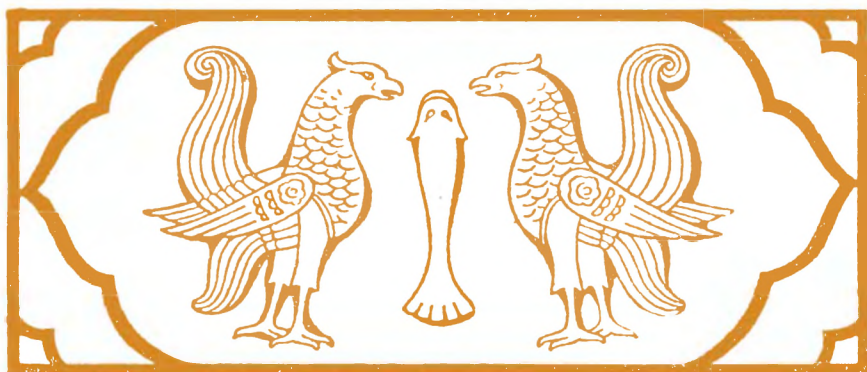
От меня уж больше вести не дойдет. Я с этим вместе
Говорю тебе без лести: вот душа, ее печать.
Дьявол тут, своею властью, не придет ко мне за частью.
Ты же чужд не будь участью. Что мы можем с мертвых взять?

Сердце я во властелине и о том тревожу ныне:
О моем — о Шермадине — ты подумай в должный час.
В счете дни обильней стали: день добавочный — печали.
Чтобы слезы не бежали, слез не дай для этих глаз.

Завещанье написал я. Сам его здесь начертал я.
Ты, кого от детства знал я, глянь, пришла разлука нам.
Ухожу, а в сердце крики. Но пресветлые владыки
Да пребудут яснолики и царят на страх врагам».

Написавши завещанье, Шермадину то писанье
Отдал он. Сказал: «Посланье это ты отдай царю
В час свой. Ум твой это знает». И его он обнимает.
И над верным проливает кровь с слезами как зарю.

Молитва Автаандила и дерство его

Он молился: «Бог могучий, бог земель и неба жгучий,
Ты пошлешь порою тучи. Ты пошлешь порой лучей.
Царь ты царств неизреченный, непонятный, неизменный,
Дай быть твердым в муке пленной, вождь сердечных всех речей.

Боже, боже, умоляю! Ты в горах ведешь по краю.
Дал любовь, и я стораю. Дал любви ее закон.
Я с зарей моей взнесенной впредь пребуду разлученный.
Да не будет тот зажженный огонь ко мне испепелен.

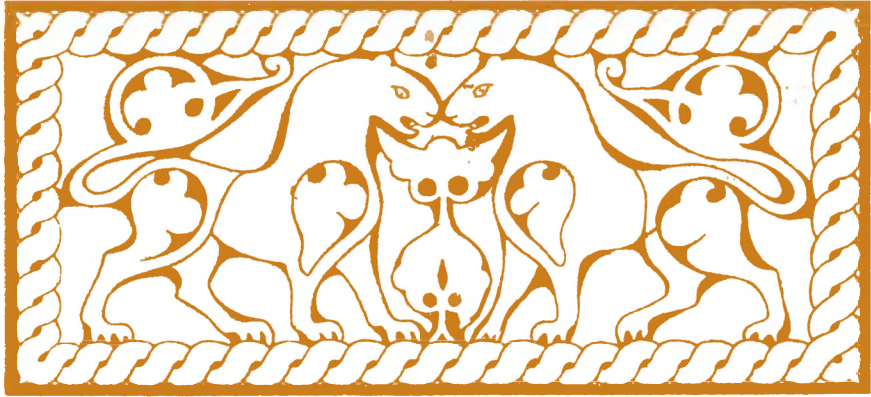
Боже, боже, кто с тобою здесь сравнится? Надо мною
Ты проходишь вышиною. Будь подмогой мне в пути.
Сохрани от бездны моря, от врагов, сильнейших в споре,
От ночного зла, от горя. Дай, живя, к тебе идти».

Совершив свое моление, на коня без промедленья.
Тайно отбыл в отдаленье. Был отослан Шермадин.
Грудь себе терзает верный. Плачет в скорби беспримерной.
В ток какой вступить размерный, коль не виден господин?

В этот день Ростен был мрачен. Был прием не обозначен.
Новый день блеснул, прозрачен, — он проснулся, раздражен.
Пламя с лика точно смыто. «Визирь где?» — сказал сердито.
И ведут того, — в нем скрыта дрожь, он бледен, уstraшен.

Сказ о том, как царь Ростебан
услыхал об Автандиле
и о тайном отовитии его

Чуть, униженный и скромный, визирь в зал вошел приемный,
Как Ростен сказал: «Истомной был я полон темноты.
Был в беспамятстве вчера я. Чем-то мучил ты, терзая.
В том была и гневность злая, визирь, сердце сердца ты.

Не припомню, что там было, в чем нужда у Автандила.
Что мне было столь немило? Гнев подобен был ручью.
Молвят мудрые: «Закляты в злобе пропасти и скаты».
Что мне там сказал вчера ты? Повтори-ка речь свою».

И вчерашнее тут слово визирь в страхе молвит снова.
Царь прослушал, и такого был ответа звук: «Еврей
Левий, верно, я свирепый. Или ты совсем нелепый.
Позабудь свои зацепы. Или, смерть, иди скорей».

Визирь — в поиски, печальный. Не находит, где кристальный.
Лишь толпой в тоске опальной слезы льют рабы ручьем.
Весть о бегстве, онемелый, слышит. Молвит: «Есть кто смелый,
Так — к царю. Я в те пределы не пойду, — уж слышал гром».

Визирь всё не прибывает. Царь другого посылает.
Вестник медлит, не вступает. Кто дерзнет принести тот сказ?
И в Ростене подозренья. В десять раз большей мученья.
«Видно, тот, кто весь боренье, от моих сокрылся глаз».

С головою, ниц склоненной, мыслит сильно огорченный.
Вздых за вздохом повторенный. Повелел рабу: «Иди.
Да придет злочно-скупный». Входит визирь злополучный.
Бледный, скорбный и беззвучный, со стеснением в груди.

Видя это привиденье, царь спросил: «Итак, горенья
Солнца нет? В нем измененье? Он превратная луна?»
Полным сказано всё сказом, как исчез — кто был алмазом.
«Солнца нет над нашим глазом, и погода не ясна».

Царь, услышав слово тайны, вскрикнул. Вопль необычайный.
В боли он скорбит бескрайной: «Милый сын мой, где же ты?»
Рвет он бороду, терзает. Лик ногтями разрывает.
«Где же светоч мой сияет? Я один средь темноты.

Если сам ты там с собою, ты не будешь сиротою.
Я же, сын, один с тоскою. Ты меня осиротил.
В язвах быть мне, болям длиться, без любимого томиться.
Час пока не даст нам слиться, — как терплю, — сказать нет сил.

Не вернешься без заботы ты в веселый час охоты.
Самоцвет, кому темноты неизвестны. Стройный стан.
Не услышу дорогого. Нежный голос птицелова
В чуткий слух не кликнет снова. Что дворец? В нем мрак мне дан.

Знаю я, ты силен, молод. Лук с тобой, насытишь голод.
Кто твоей стрелой уколот, тот сейчас же в смертном сне.
Мудрость бога — всеблагая. Но, коль плача и стеная,
Сын, умру здесь без тебя я, кто ж поплачет обо мне!

Шум раздался. Рой придворных. Воздух полон слов укорных.
Рвут брады свои, в повторных удареньях скорбных рук.
«Были мы тобой богаты, — молвят, — с нами был когда ты.
Ныне день для нас проклятый, — солнца нет и тьма вокруг».

Увидав ряды сановных, как родных своих и кровных,
Царь в скорбях беспрекословных молвил: «Редок блеск лучей.
Солнца нет, мы слабы в силе. Чем пред ним мы согрешили?
Кто на битву, взмахом крылий, поведет полет мечей?»

Все с скорбящим восскорбели. И затихли, присмирели.
Царь спросил: «С слугой в том деле витязь был или один?»
И пришел, сдержав рыданье, весь в тревоге ожидания,
И царю дал завещанье, мертвый в жизни, Шермадин.

«Вот послание какое, — молвил он, — в его покое
Я нашел. И в смутном рое лишь рабы скорбели вокруг.
Скрылся он своей тропкою, никого не взяв с собою.
Смерть мне! С этую судьбою жизнь мне тягостный недуг».

Прочитали завещанье. Снова долгие стенанья.
И дает он приказанье: «В войске — черный цвет цвети.
Будем в скорби с сиротами мы молиться и с вдовами,
Бог да сжалится над нами и ведет его в пути».

Сказ о том,
как вторично встретился
Автагдил с Маризлем

Если месяц волоконце разовьет вдали от солнца,
Смотрит ярко он в оконце, — если ж близко, бледен свет.
Но бессолнечность для розы есть бесцветность, мгла угрозы.
Как печальны наши грезы, если милых с нами нет.

Вот, расскажет песнопенье, как тот витязь в отдаленье
Отбывает, и кипенье в горьком сердце, плач и стон.
Едет, едет, обернется. Что, коль солнце, свет чей льется,
Солнцем сердца там зажжется? В обомленье меркнет он.

В полубмороче млен, обессилен он, немея.
Только слезы, не редя, льют, не видит ничего.
Где же помощь? Где подмога? Только скорбь терзает строго.
Он не видит, где дорога, конь куда несет его.

Говорит: «Моя золотая! Без тебя изнемогая,
Если будет мысль — немая, мысль — проклятьем назови.
Сердце всё к тебе стремится, хочет к милой возвратиться.
Кто в любви, да подчинится он сполна своей любви.

До того, когда мгновенье принесет соединенье,
В чем найду отдохновенье? Я б себя убил сейчас.
Я б ушел из жизни вольно. Ты была бы недовольна.
И тебе бы стало больно. Лучше слезы лить из глаз».

Молвит: «Солнце! Нежа очи, образ солнечной ты ночи
Перед тем, кто средоточий есть единство, в бурях тишь.
Ты, что всем телам небесным быть даешь в пути чудесном,
За скитанием безвестным дай мне с нею быть. Услышь.

Для премудрых, в жизни сменной, образ бога ты нетленный.
Помоги. Я ныне пленный. В кандалах железных я.
Через горы и равнину я к кристаллу и рубину
Путь держу, — сам, бледный, стыну. Ранит близь и даль моя».

И «прости» сказав покою, в плаче тает он свечою.
Опоздать страшась, порою поздней едет между гор.
Пала ночь, и звезды встали. Отдых в них его печали.
С ней сравнил их в синей дали, с ними держит разговор.

Он до месячного круга молвит: «Страстного недуга
Огонь ты плешь. Любить друг друга ты велишь. Страдать, любя.
И бальзам даешь терпенья. С той, в ком лунное горенье,
Дай мне с ней соединенье — через пламя — чрез тебя».

Ночь была ему услада. День лил в сердце капли яда.
Словно отдыха среди сада, ждал, когда придет закат.
Видит ключ, остановился. До журчанья наклонился.
И опять он в путь пустился, не стремя уж взор назад.

В одиночестве так вдвое плачет тот, чей стан — алоэ.
Хочет пищи всё живое. Застрелил себе козла.
Ел, зажарив. Стал бодрее. Лик воинствен, пламенея.
Молвит: «Жизнь без роз беднее, и совсем невесела».

Всё о нем не расскажу я, как он ехал там, тоскуя,
То отраду в сердце чуя, то скорбя о гнете зол.
И не раз глаза краснели. Но уж путь дошел до цели.
Вон пещеры засерели. Прямо к входу он пошел.

Вон Аснат. К нему душою рвется. Хлынули струею
Слезы. Радостью такую не зажжется дважды взгляд.
Витязь прочь с коня скорее. Обнял. Сердцу веселее.
И целует. Если, млея, ждет кто друга, встрече рад.

Он спросил ее: «Владыка где?» И слезы льются с лика
Юной девы. Горше крика безглагольная печаль.
Молвит: «Чуть ты удалился, стал блуждать он, вовсе скрылся.
Быть в пещере тяготился. Где он? В чем он? Скрыла даль».

Столь был витязь огорченный, словно был копьём пронзенный
Прямо в сердце. И к смущенной обратясь Аснат, сказал:
«О сестра! Как некрасиво! Лгать тому, в ком всё правдиво?
Иль он клялся торопливо? Иль, поклявшись, он солгал?»

Целый мир в ничто считал я. Клятву дал, ее сдержал я.
В нем был мир, — и потерял я всё, когда превратен он.
Света нет мне никакого. Как он смел нарушить слово?
Впрочем, что же? Рока злого властью весь я омрачен».

Дева молвила стыдливо: «Прав ты в этот миг порыва.
Но суди же справедливо, — и в пристрастьи не вини:
Сердце может обещаться, — клятву выполнить, не сдать, —
Сердце вырвано, — скитаться должен он, сжигая дни.

Сердце, дух и мысль — в слияньи. Сердца нет, — и те в скитаньи.
Кто в том странном сочетаньи потеряет сердце вдруг,
Он, как вихрями носимый, от людей бежит, гонимый.
Знал ли ты, какие — дымы, если пламени — вокруг?

С побратимом разлученный, прав ты в боли огорченной.
Но какой он был взметенный! Как скажу о пытке той?
Изменяют здесь слова мне. Возопить могли бы камни.
Та видна была тоска мне, под моею злой звездой.

Еще не было сказанья о такой тоске страданья.
Тут в скалу войдет терзанье. Влаго рек придашь ручью.
Эта огненная пытка больше всякого избытка.
А ума в любом не жидко, если кто другой в бою.

Как пошел он, так, сгорая, молвлю я: «Твоя сестра я.
Автандил придет, — тогда я что ж отвечу, побратим?»
Он сказал: «Коли придет он, здесь меня легко найдет он.
Молви: «Брат твой, — близко ждет он». Клятву я сдержу

Слово дал, не жди другого, не нарушу это слово.
Буду ждать, хотя сурова пытка дней, что суждена.
Коль умру, пусть похоронит и свое «увь» обронит.
Если жив я, значит, стонет дух, и жизнь уж неверна».

С той поры я и доныне всё одна в моей кручине.
Солнце было на вершине, и сокрылось там в горах.
Вся исполнена отравы, увлажняю грустью травы.
Дух безумья — дух лукавый. Я забыта смертью в днях.

Камень есть в краях Китая. Надпись там на нем такая:
«Кто не ищет друга — злая жизнь его, — себе он враг».
Но зачем бродить по странам? Кто, как роза, был румяным,
Ныне желтым стал шафраном. В путь к нему, — и всяких благ».

Витязь молвил: «Осуждая, что бранил его тогда я,
Ты права. Но глянть, какая также в этом боль моя.
Раб любви к рабу другому я бежал, уйдя из дому,
Как олень, тая истому, до ручья стремился я.

Только он был сердцу нужен. С той, в ком нежный свет жемчужин
С хрусталем, рубином дружен, был я счастлив без конца.
И не мог быть с ней счастливым. Скрылся в беге торопливом.
Богоравных тем порывом оскорбил, пронзил сердца.

Царь, кому я сын приемный, от кого мой свет заемный,
Перед ним я вероломный, бросил в старости его.
В самом сердце окровавлен, беглецом он там оставлен.
Божий гнев здесь будет явлен. Ждать ли доброго чего?

В том, сестра и тоскованье, что усердные скитанья
Привели не свиданье. А спешил я день и ночь.
К свету и нет мне света. Он ушел — и там он где-то.
Сердце л не согрето. Скорбь не в силах превозмочь.

Но уж больше нет досуга словом тешить здесь друг друга.
Что ж, еще одна услуга: поищу и поброжу.
Иль найду я побратима, или сам умру — и мимо.
Знать, судьба неотвратима. Что я богу сам скажу?»

Так сказал он, скорбно-строгий, и пошел своей дорогой.
Миновал он скат отлогий. За скалой прошел поток.
Тростниками — до равнины. Ветр такой, что в ветре льдины.
Заморозились рубины. Упрекал он в этом рок.

И вздыхает он всё чаще: «Бог всеильный, бог всезрящий!
В чем же грех, меня чернящий? Разлучен с друзьями я.
Для чего сюда заманен? О двоих я мыслью ранен.
Сколь мой рок непостоянен! Да погибнет жизнь моя.

Друг мне прямо в сердце кинул роз пригоршню, — иглы вдвинул.
Эту клятву он низринул. С ним я ныне разделен.
Если с другом я судьбою разлучен, я с мукой злою.
Друг иной передо мною обещен, посрамлен».

Молвил: «Это прямо диво: грусть и в умном говорлива.
Ну чего ронять со срыва слез тот брызжущий ручей?
А не будет ли виднее, поразмыслить, и скорее
В путь к тому, чей стан стройнее, чем взнесенье камышей?»

Вот, обрызганный слезами, витязь кличет. Ищет днями.
Ищет темными ночами. Вновь искать, кричать, чуть свет.
Побродил он там на воле. Лес прошел, и дол, и поле.
И не менее не боле — трое суток. Вести нет.

И исканье тут не гоже, ни к чему. Он молит: «Боже!
В чем я грешен? И за что же так тобой наказан я?
Боже, боже, эта пытка превзошла размер избытка!
Буквы огненного свитка — мне ли? Правый ты судья».

Бледный, витязь-привиденье говорил свои реченья,
И взошел на возвышенье. На равнине тень и свет.
В камышах, там у густого у куста, он вороного
Видит. «Он там. Никакого здесь сомненья больше нет».

Радость в витязе блеснула, сто в нем раз переплеснула.
Сердце витязя скакнуло и притихло в тот же час.
Роза — в красном сне богатом. Блеск стал блеск, агат — агатом.
Мчится, ветром стал подъятым, не сводя горящих глаз.

Таризля увидал он, как не думал, не гадал он.
Лик был смертно-бледен, впал он. Зачарованней, чем ночь.
Воротник — весь лоскутками. Головою — кровь ручьями.
Смотрит тусклыми глазами. Он шагнул из мира прочь.

Справа — лев лежал сраженный, меч, весь кровью обогранный,
Слева, с шкурой испещренной, труп пантеры, бездыхан.
Сам он, призраком могильным, слезы током льет обильным.
В нем пожар огнем всеильным сердце жжет, и дик, и рьян.

Взор задернулся, туманен. К смерти близкий, лик тот странен.
Видно, в сердце юный ранен. Витязь кличет, будит слух.
Говорит ему о встрече. И припал к нему на плечи.
И напрасно нудит к речи. Брат являет братский дух.

У объятого тоскою слезы стер своей рукою.
Сел с ним. Речью огневою будит брата своего.
«Сердце, что ль, в тебе остыло? Иль не знаешь Автандила?»
Говорит о том, что было. неподвижен взор его.

Было всё — как повествую. Вот смягчил тоску он злую.
Душу чувствует живую. К Автандилу — долгий вздох.
И признал, и обнимает. Брата братски он лобзает.
Мир других таких не знает, — мне живой свидетель бог.

«Брат, — сказал он, — то, в чем клялся, что сдержать я обещался,
Я сдержал, — не отлучался. А теперь, в томленьи дней,
Ты оставь меня с тоскою. Буду биться головою.
Как умру, покрой землю, тело скрой ты от зверей».

Витязь молвит: «В чем страдаешь? Злого хочешь ты деянья.
Кто любил, тот знал сгоранье, схвачен огненной волной.
Средь людей ты исключенье. Уклоняясь от мученья,
Мысля самоубиенье, взят ты, что ли, сатаной?»

Мыслишь — лучше, станет — хуже. Мудрый — дрожь не множит в стуже.
Муж? Прилична стойкость в муже, и как можно реже плач.
Раз печаль идет волною, крепостною будь стеною.
Кто в несчастьи, — он виною. Наша мысль для нас палач.

Мудрый ты, а изречения мудрых ввергнул в небреженье.
В чем есть мудрость, в чем свершенье? Тосковать среди зверей?
Помираешь из-за милой, — а себя сокрыл могилой,
Будто слаб, — когда ты с силой. Раной тешишься своей.

Кто ж любил, не зная сторанья, ярких пламеней касанья,
Кто о ком-нибудь терзанья не прошел в огне часов?
Молви словом достоверным: что здесь было беспримерным?
Не лети же легковерным. Роз не встретишь без шипов.

Молвят розе, в час цветенья: «Почему с шипами рденья
И прекрасной находенье не свершится без беды?»
Роза дать ответ умела: «Сладость — с горьким, с духом тело.
Коль любовь подешевела, то — сушеные плоды».

Если так цветок бездушный мыслит, мудрости послушный,
Где же ты прием радушный встретишь сердцу без борьбы?
Жатву радости без горя, в мире с дьяволом не споря,
Не сберешь ты. В приговоре наших дней — устав судьбы.

Слушай, что тебе скажу я: на коня — и, не тоскуя,
В путь иди, с тобой пойду я. Не веди свою между, —
Лишь свою, с своим советом. Скорбь дана нам здешним светом.
Верь, что прав я в слове этом. А уж лести не скажу».

Тариэль сказал: «Немею, брат мой. С той тоской моею,
Вряд ли дать ответ сумею. Обезумленный, я глух.
Видит так твое сужденье, что легко терпеть мученье.
Ныне — смерти приближенье. Вот уж я почти потух».

Да, конец земному краю. И о ней я умоляю.
С нею здесь не встречусь, знаю. Но любовного огня
Свет живет. Здесь — разделенье, там — восторг соединенья.
Да приходит погребенье. Бросьте землю на меня.

Как любимую любимый не увидит через дымы?
Мы в ином соединимы. К ней светло пойду туда.
Встречу, встретит. В миг свиданья будет сладостным рыданье.
Против слова увещанья, сердца слушайся всегда.

Вст мое постановление: смерти чую приближенье.
Умираю, нет сомненья. Что тебе до мертвеца?
Коль в живых мне оставаться, нужно с разумом расстаться.
Птицы к душам вверх стремятся, — так и тело ждет конца.

Что сказал ты, речи друга понимать мне нет досуга.
Поли душевного недуга, вижу смерть, она близка.
Жизнь лишь беглое мгновенье. К миру только отвращенье.
Мне с землей соединенье. В ночь ведет моя тоска.

Мудрый! В чем есть мудрость эта? От безумца ждать ли света?
Сам будь полон я совета, твой совет бы взял, не лгу.
Роза — в солнце. Солнце тает, — роза в грусти увядает.
Друг меня да покидает. Уходи. Уж не могу».

Автандил к нему с другою речью доброй и живою:
«Нет, клянусь я головою. Делать этого нельзя.
В том не лучшее свершенье — пожелать уничтоженья».
Но напрасны убежденья. Слово падает, скользи.

Наконец сказал: «Прекрасно. Если речь моя напрасна,
Если внемлешь безучастно, что ж мне слово длить сейчас?
Смерти хочешь? Без ошибки, смерть придет. Мгновенья зыбки.
Вянут розы и улыбки. Вянь». Блеснул слезою глаз.

«Лишь одно мое моленье ты сверши. Есть где-то рденье
Розы, — есть агатов мленье, — от всего укрылся я.
Поспешил, всего лишился. И с царем я разлучился.
От меня ты отделился. В чем же радость есть моя?

Не отвергни же сурово, а мое исполни слово:
Раз еще тебя я снова пусть увижу на коне.
Ты души был ворожащим, похитителем блестящим.
Не уйду же я грустящим. В этом будь послушен мне».

«На коня!» И для моления уж не нужно повторенья.
Знал он сердцем без сомненья: не дружна с конем печаль.
Тот тростник до конской шеи склонит лик, — и веселее.
Радость в той была затее. Уж не рвутся стоны вдаль.

Молвил грустный: «Я поеду. Дай коня». В душе победу
Чует тот. Идет по следу. Помогает сесть в седло.
Он его не нудит ныне. Едут вместе по равнине.
Гибок стройный. И в кручине стало легче и светло.

Говорит. И блещут зубы. И коралловые губы
Знают речи, что не грубы, а уходят прямо в слух.
Стал бы юным тут и старый, слыша слово в свете чары.
И смиряюся пожары. И не так печален дух.

Есть гашиш и для печали. Розы бледно увядали, —
Видит витязь, ярче стали. Радость — зелье для ума,
Для безумья — жѣлоб вздохи. Ну, дела не так уж плохи.
Были разума лишь крохи, а теперь светлеет тьма.

И гуторят эти двое. Молвит слово он прямое:
«Изъясни мне, что такое на руке там на твоей?
Это нежной той запястье, кем ты ранен? Что ж, в нем счастье.
Над твоею полновластье? Расскажи — потом убей».

Молвит тот: «В чем есть сравненье несравненного виденья?
В этом жизнь, восторг, мученье. Это лучше мне, чем мир.
Что земля, вода, деревья! Что людские все кочевья!
В этом скрыта чара девья. Только с этим сердцу шир».

Тот сказал: «Я мыслил верно. Ты ответил беспримерно.
Но и я уж достоверно льстить не стану пред тобой.
Бросить так Асмаат — злосчастье больше, если то запястье
Потерять. Быть без участия — выбор худший, не худой.

То запястье золотое драгоценщик сделал в зное.
И остыло неживое, и бездушна в нем игра.
Для Асмаат — отъединенье. Вот так верное сужденье.
Но с твоей в ней есть сплетенье. И она твоя сестра.

Связь меж нею и златою, для кого была слугою.
Через нее и та с тобою, а прекрасна и она.
Между ними единенье. Что же, ей лишь небреженье?
Ну, шабаш! Твое сужденье — глубина совсем без дна».

Тот ответил: «Справедливо. Речь твоя вполне правдива.
Жаль Асмаат. Без перерыва скорбь. Душой она с Нестан.
И меня всё зрит такого. Жить уж я не думал снова.
Ты терзанья огневого боль смягчил, но всё — туман».

Но Асмаат вспоминая, едет к ней. И речь живая
Между братьями — как стая птиц в час утренней поры.
Как скажу им восхваленья? Зубы — жемчуг, губы — рденье.
И змея, оцепененье сбросив, смотрит из норы.

Витязь молвит: «Для тебя я, ум и сердце раскрывая,
С ними душу отдавая, всё пожертвовать готов.
Но не будем трогать рану. И указывать не стану,
Что подобен клад обману, если спрятан меж кустов.

Так и мудрость, если ею сам я править не умею.
Скорбен? Все ж тоской своею не обрежь течение дней.
Смерть придет, и не обманет. Роза сразу не завянет.
Бог позволит, — солнце глянет, лишь уверуй и посмей».

Грустный молвит: «То ученье сколь достойно разуменья.
Умный любит наставленье. Даже глупый им пронзен.
Но и мудрость светит скудно, если мне чрезмерно трудно,
И тебе ведь с этим нудно. На укор твой удивлен.

Воск с огнем горячим сроден: светит, — свет тот благороден.
Но с водою он не сходен: в воду пал, и вдруг погас.
Если в ком есть огорченье, он составит заключенье,
Что в другом. Мое горенье мог бы ты понять сейчас.

Всё, что было здесь со мною, расскажу тебе, не скрою.
Правосуден будь со мною, поразмыслив обо мне.
Ждал тебя я там сначала. Но пещера раздражала.
В ней простора было мало. Я к равнине на коне.

Тростником мой путь измятым. Пробираюсь этим скатом.
И с пантерой вижу льва там. Любовался ими я.
Лик казался их влюбленным. Сразу стал я восхищенным.
И потом я был смущенным. Ужаснулась мысль моя.

Здесь на скате, над равниной, были двое те картиной
Двух влюбленных, сон единый. Лев с пантерой был мне мил.
И потом меж них сраженье, и борьба, и озлобленье.
Он за ней. Того виденья вынести — я не в силах был.

Раньше весело играли. В ссоре бешеными стали.
Лапы резко ударяли. Смерть была им не страшна.
Вдруг в пантере обомленье, словно в женщине смущенье.
Лев погнался. Раздраженья в нем кипучая волна.

Я не мог им любоваться. За любимой так погнаться?
И терзать ее, и драться? Нет, такая удаль — срам.
Меч блеснул мой обнаженный, и копьём он был сраженный.
С головой своей пронзенной, он простился с жизнью там.

Меч я в сторону бросаю. Прыг к пантере, и хватаю, —
Я обнять ее желаю, в честь моей, в ком всё — мое.
Но на то движенье веры — рев и когти мне пантеры.
Это было мне — вне меры. Тут убил я и ее.

Я искал пожар тот страстный укротить. Порыв напрасный.
И во мне тут вспыхнул властный гнев. Изранен весь мой лик.
Хвать — и в землю. Стихла злая. Вспомнил милую тогда я.
Но душа — во мне. Страдая, разрешил я слез родник.

Видишь, брат мой, что со мною. Как же боль мою укрою?
Жизнь мне бремя. Но судьбою присужден я длить мой час.
Жизни нет, а жизнь всё длится. Смерть придти ко мне боится».
Смолк. И слез поток струится. Сколь печален тот рассказ.

Сказ о том, как направились
Маризель и Автандил к пещере
и как увидели они Асмат

Видеть это горе было — боль души для Автандила.
Но сказал: «Еще есть сила. Потерпи. Всему есть час.
Милосердие есть у бога, хоть твое страдание строго.
Будь вам разная дорога, он в любви не свел бы вас.

Кто в любви, с ним злоключенье, в жизни знает огорченье.
Но, узнав сперва мученье, знает после радость он.
У любви свои законы: в смерть ведет и будит стоны.
Обезумлен ей ученый, — неученый научен».

Так поплакавши, отбыли. По равнине серость пыли.
До пещеры путь стремили. Встречу им бежит Асмат.
Были слезы, целовались. С плачем нежно обнимались.
И вестями обменялись. Верный верных видеть рад.

Говорит Асмаат: «Могучий боже! Ты, в ком гром и тучи,
Ты, как солнце, лаской жгучей нас наполнил, дал нам сил.
Как, хваля, могу с хвалою достохвальной пред тобою
Быть? Стократною слезою ты меня не истребил».

Тариэль сказал, вздыхая: «О сестра моя! Родная!
Слезы вечно проливая, я скорблю о том же здесь.
Знали радость — с ней мученье: в том судьбы постановление.
О тебе лишь сожаленье, а не то б я в смерти — весь.

Если жажда мучит злая, кто же здравый, пить желая,
Брызжет, воду проливая? Слезы льются как ручей.
Если влагу кто иссушит, смерть придет и всё разрушит.
Ах, печаль язвит и душит! Нет жемчужины моей».

Также в сердце Автандила вспоминанье болью было.
«О заря! Златая сила! Без тебя живой ли я?
Без тебя и жизнь томленье. Как сказать мои мученья?
И какой тоской горенья сожжена душа моя?

Роза как без солнца станет расцветать и не завянет?
И каким удел наш глянет, если солнце за горой?
Дух во мне единовеца со цветамъ: вянет сердце.
Все ж есть где-то к встрече дверца. Каменей, но будь собой».

Душу вздохом утишили, хоть огонь был в полной силе.
Больше слов не говорили. В том же, сердцем, и Асмаат.
Жара также в ней немало. Шкуру тигра им постлала.
Сели. В них печаль устала. И светлее говорят.

Хорошо бы хлеба-соли. Да в такой живут тут доле, —
Хлеба нет, а мяса боле, и поменее гостей.
Тариэля угощают. Тело пицци не вмещает.
Пожевал кусок, — бросает. И конец трапезе всей.

Нет отрады в слове спора, — есть уютность разговора.
Сердце с сердцем может скоро сговориться в час любой.
Вот в беседе много чары. Замолкают тут пожары.
И судьбы сносней удары в миге радости живой.

Эту ночь те львы, герои, говорили про былое.
День пришел, — беседа вдвое многословна и полна.
Всё друг другу рассказали, что там было в чужедали.
Обещанья подтверждали, клятва вновь меж них дана.

Тариэль сказал: «Словами не расскажешь, что меж нами.
Долг отдам свой лишь с годами, бог порука, даст мне сил.
Клятва клятву держит туго. Не забыть в разлуке друга.
Это высшая услуга, — тут не пьяный говорил.

А теперь прошу правдиво, ты сдержи полет порыва:
Здесь не трут и не огниво, это пламя ты не тронь.
Для тебя — твое горенье, тут закон миротворенья.
Так иди до места рденья, — где твой солнечный огонь.

Излечить меня уж трудно и ему, кем многочисудно
Создан мир, где свет нескудно, щедро царствует над тьмой.
Разумел я тоже что-то до минуты поворота.
Вот безумье, вот забота. Ныне бред — мой часовой».

Автандил сказал: «Какого ждать ответа, если слово
Полно разума живого? Ты как мудрый говорил.
Но оспаривать я стану, что нельзя такую рану
Залечить. Всему изъяну есть конец. Жди в боге — сил.

Для чего б, вас создавая, вас любовью обвивая,
Бог вас, вечно разлучая, обезумил, в смерть гоня?
Путь любви есть путь по бедам. Здесь тоска крадется следом.
Но восторг вам будет ведом, — а не то убей меня.

В чем же гордость человека? В чем он муж, а не калека?
Боль терпеть, хоть век из века, и не гнуться с гнетом зол.
Труден мир, да бог подмога. Научись же хоть немного.
Знание — верная дорога. Не идет ей лишь осел.

Так скажу тебе, дерзая. Слушай, будет речь какая.
Мне позволила золотая отлучиться. Молвил ей:
«С сердцем я испепеленным. С ним я — помыслом бездонным.
Что ж здесь буду огорченным? Только грусть душе твоей.

В этом слов пусть будет мало». И она мне отвечала:
«Дружба дружбу увенчала. Этим я не огорчусь».
И пошел я к дальним странам. Был не хмельным я, не пьяным.
Что ж теперь? Вернусь с обманом? Покажусь пред ней как трус?

Делай дело — размышляя. Роза вянет, засыхая, —
Польза в ней себе какая? А другой ей будет рад.
Сам себе что сделать можешь? Только сердце растревожишь.
А захочешь, мне поможешь. С братом братски будет брат.

Где ты быть ни пожелаешь, там и будь себе как знаешь:
Мудро сердце, — отдыхаешь. Ум безумен, — закипай.
Но в тиши и в боли крика сохраняй ты стройность лика.
Не растрать всю силу дико, и гори, но не сгорай.

Чтоб добиться нашей цели, чтобы весть принести веселий,
Год прошу с одной неделей. Я вернусь в цветенье роз.
И сюда в пещеру это ликование снов и цвета
Донесет огонь привета. Вздрогнешь. Чу! залаял пес.

Превзойду ли меру срока, ты же будешь одиноко
Ждать меня, — в том воля рока, это значит — умер я.
Это будет указание, что захочешь, — для рыданья,
Или бросься в ликование. Как захочет мысль твоя.

Может быть, бужу печали? Ты — один, я в чужедали.
Корабли ведь изменяли. Конь споткнется на скаку.
Как узнать, где ждет потеря? Нет чутья, нет глаза зверя.
Бог решит. И в бога веря, я вступаю здесь в реку».

Он промолвил: «Продолженье слов — одно лишь утомленье.
Для чего тут рассужденья? Нет вниманья, смысла нет.
Если друг не за тобою, ты иди его стопою.
И в конце, — что скрыто тьмою, станет явным, видя свет».

А когда всё будет явно, и увидишь ты подавно,
Как здесь трудность своенравна, хоть блуждай иль не блуждай.
Я снесу безумья бремя, хоть стучит мне молот в темя.
Но коль смерть придет в то время, как скажу тебе: «Прощай!»

Завершилось говоренье. Клятвы — снова повторенье.
И в равнину их стремленье. Каждый стрелы взял и лук.
Настреляли там дичины. Но в сердцах туман кручины.
Уж остался день единый. Завтра — врозь, и больше мук.

Ты, что с словом песнопений по тропе идешь мучений, —
Как быть сердцу в миге рдений, коль без сердца сердце то?
Если сердцу — весть разлуки, это нож, он режет руки, —
В смерть уводят эти звуки. А без пытки был ли кто?

Утро бледными лучами застает двоих с конями.
Дева с ними. И слезами взор блеснул, бежит ручей.
В смутных ликах цвет жасмина. Их зовет к себе равнина.
Эти львы, чье горе львино, спешают в мир зверей.

Покидают путь пещерный. Крик печали — звук безмерный.
И Асма, сестры их верной, плачет жалоба вдвойне:
«Кто вам плакальщицей будет? Львы! Вас песня не забудет.
Солнце — звезды гасит, нудит быть во тьме. О, горе мне!»

Так скорбит она в печали. Вот «прости!» они сказали.
Вместе к морю путь держали. Побережье — вот оно.
Вновь проводят время ночи. Делят пламя. Ночь короче.
О разлуке плачут очи. Всё скорбеть им суждено.

К Тариэлю Автандила таковое слово было:
«Слезы сохнут. Грусть остыла. Не пойму я, почему
Так Фридон тобой оставлен. К солнцу путь там будет явлен.
Будет мною он восславлен. Покажи тропу к нему».

Тариэль без промедленья указывает направление.
«Там Фридон, — его реченье. — Всё иди ты на восток.
Вплоть до берега морского. Коль увидишь дорогого,
Так от брата — ласки слово. Помнит брат, хотя далеко».

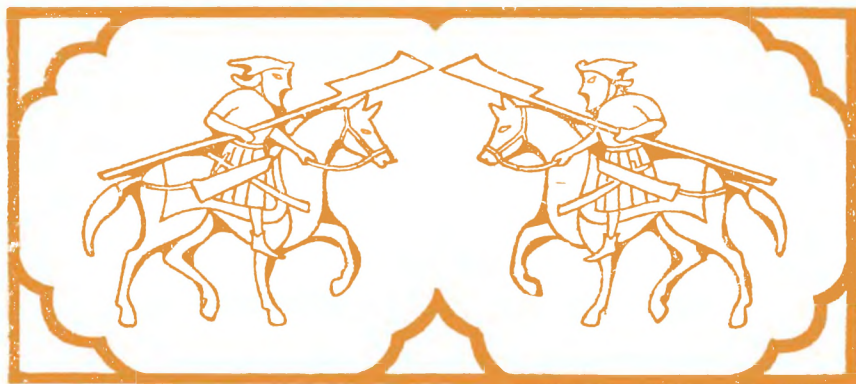
Вот козла они убили. Как поешь, так будешь в силе.
За собою потащили. Разложили там костер.
И поели, сколь возможно. Было древо; страх дорожный.
У корней их сон тревожный. Груб, судьба, твой приговор.

Вот заря горит жемчужно. Встали. Им расстаться нужно.
Сердце с сердцем плачет дружно. Что слова, когда — уж путь.
Как слова перекликались! Как они там обнимались!
Долго, тесно прижимались, у разлучных, с грудью грудь.

Были вздохи сожаленья, лиц ногтями пораненья.
И уж розно их стремленье, тот назад, а тот вперед.
Проезжают тростниками. Достают пока глазами,
Кличут скорбно голосами. Ах, тут солнце станет лед!

Сказ о том, как отправился
Автандил к Ридону,
когда он встретил его в Мульжазандари.

Мир прискорбный. Рок бессонный. Что ты крутишься, взметенный?
Чем ты вечно огорченный? Кто уверует в тебя,
Тот, как я, поймет мученье. Стой! Куда ты мчишь стремленье?
Вырвешь, вырастив, растенье. Все ж нас видит бог, любя.

Автандил, в скорбях разлуки, воздымает к небу руки.
Вошь его исполнен муки. «Кровь лилась, бежит опять.
Так же трудно расставанье, как и в небе нам свиданье.
Меж сердцами отстоянье: Сердцу сердце не понять».

Плачет. Звери полевые жадно слезы пьют живые.
Он не в силах огневые пытки сердца превозмочь.
Тинатин в его печали. Скорби душу укачали.
Розы губ кристалл встречали. День печальному, как ночь.

И коралл его тускнеет. Роза вянет и темнеет.
Как лазурный камень млеет то, что было как рубин.
Путь уходит, сер и пылен. Смертный страх над ним бессилен.
Молвит: «Мрак кругом могилен. Гаснет солнце средь равнин».

Молвит к солнцу: «Лик прекрасный! Тинатин ты образ ясной!
Оба мир счастливить властны. По лугам струите свет.
Я в безумии туманном и с упорством непрерывным
Взором — с ликом тем желанным. Что ж я вами не согрет?»

Солнца нет, — зима как в дыме. Я ж с двумя расстался ими.
Так печальями какими полон дух, придя на срыв?
Не страдают только скалы. Я же весь в тоске усталой.
Нож не лечит раны алой, причиняет лишь нарыв».

И до неба восклицая, к солнцу вопли обращая,
Кличет: «Солнце! Власть живая! Ты, кем светит каждый край,
Ты, в лучах непобедимый возноситель и хвалимый,
Дай мне быть с моей любимой, день мой в ночь не обращай!»

Ты, Зуаль, звезда томленья, дай мне слез и дай мученья,
Черной тенью огорченья сердце скорбное закрой.
Грусть пусть ляжет, с грудой груда, точно тяжесть на верблюда.
Но скажи к моей отсюда: «Не покинь его. Он твой».

О Муштхар, ты правосудный, ты благой судья, хоть трудный,
Так приди же в час мой судный, сердце с сердцем рассуди.
Не тесни меня узором, круто свитым приговором.
Не удвой удар, которым я уж ранен ей в груди.

О Марикх, планета мщенья, ты копьем без сожаленья
Пронидай меня, чтоб, рденье крови зная, был я ал.
Как терзаем я скорбями, расскажи, скажи словами,
Чтобы знала, как ночами знаешь ты, каким я стал.

Аспироз, звезда леченья, дай немного облегченья.
Я в нещадное горенье ввергнут ею и судьбой.
Ты сияешь прихотливо, и тобой она красива.
Я же, брошенный у срыва, обезумлен здесь тобой.

Отарид, планета знанья, лишь с тобой, через терзанье,
Схож я: с солнцем нам слиянье и раздельность; ты горюшь,
Я горю. В огне вращения запиши мои мученья.
Вот чернила — слез теченье, вот перо — в росе камыш.

Свет высокий благородства, и с тобой, луна, есть сходство:
Солнца чую превосходство, я меняюсь среди пустынь.
То я весел, ярко око, то хуюду одиноко.
Молви ей: «Не будь жестока. Весь — к тебе он. Не покинь».

Глянь на звезды, есть в них зренье. В Семизвездьи — подтвержденье.
В Отариде, в солнце — мленье, и Муштхар, Зуаль — в огне.
И тоскуют надо мною Аспироз, Марикх с луною.
Взят я огненной волною. Без нее пожар во мне».

Молвит к сердцу он: «В кручине не убью себя я ныне.
Ясно, с дьяволом в пустыне побратался. Знаю сам, —
Та, чьи косы, та, чьи очи — крылья ворона и ночи,
Ум безумит мой. Но в мочи вынести боль — путь к счастью нам.

Коль стерплю всех пыток груду, к ней я, к солнечному чуду,
Возвращусь. Не вечно ж буду я стонать. Душа жива». —
И запел он светлогласно, хоть сдержат тоску — напрасно.
Так звучала песнь прекрасно — соловей пред ним сова.

Витязь пел. И, слыша пенье, звери в чаре удивленья
Приходили. С негой мленья камни встали из волны.
И дивились, и внимали. Плакал, — плакали в печали.
Песню грустную качали волны, тихие как сны.

Всем живым напевы милы. В песне чара тонкой силы.
Вон морские крокодилы, рыбы, звери без конца.
Птицы ветра, как в тумане. И индийцы, персияне,
Руссы, франки, египтяне, — все пришли на зов певца.

Сказ о том,
как приобрел Абтангил и Фридон,
когда он расстался с Мариэлем

Витязь, чувствуя истому, к побережью морскому
Дней уж семьдесят, как к дому, направляет бег коня.
Там вдали, где в пене море, моряки в его просторе.
Кличет он с огнем во взоре: «Кто научит здесь меня?

Кто вы? Это чьи владенья?» Говорят, явив почтенье:
«О прекрасное виденье! Ты, приятно-странный сон.
Взор твой — светлая зарница. Глянем, гаснем, ум темница.
Здесь турецкая граница. Рядом царствует Фридон.

Если чувств мы не лишимся, на тебя смотря, — потщимся
Дать ответ. Мы здесь гордимся тем, что царь наш — лик чудес.
Смелый, щедрый и могучий, на коне наездник жгучий,
Нурадин Фридон — горячий свет с далеких нам небес».

Витязь молвит: «Благодать я повстречал здесь с вами, братья.
Он мне нужен. Где искать я должен вашего царя?
Как долга к нему дорога? Укажите, ради бога».
В них пришла ему подмога. Провожают, говоря:

«Это путь в Мульгхазанзари. Там, в своей блестящей чаре
Он, чей меч горит в ударе, чья стрела свистит, летя.
Десять дней пути отсюда. Но, рубиновое чудо,
Кипарисный, ты откуда? Ты сжигаешь нас, блестя».

Витязь молвит: «Это греза в вас какая-то. Мороза
Вкус узнавши, разве роза может радовать вас так?
Вот когда мы без печали приходящих привечали,
Это верно, засвечали светлым взглядом ночь и мрак».

Погуторили немного. И один. И путь-дорога.
Где-то встреча? Свод чертога? Строен он, и сердце — сталь.
Конский топот мчит, мелькая. Вслух он мыслит, воздыхая.
Из нарцисов дождь, стекая, моет влагою хрусталь.

Повстречаются чужие, — вот они уж с ним родные,
Говорят, склоняя выи. В нем им радость и уют.
С ним дорога изумрудна. Он им светит многочудно.
И расстаться с ним так трудно. Провожатого дают.

Он уж близко, он у цели. Там равнина на пределе.
В круге войны глядели, замыкая луг кольцом.
Луки с силой напрягают. Стрелы зверя настигают.
Столько дичи убивают, словно косят хлеб кругом.

Вот ему навстречу кто-то. Вопросает: «Чья охота?
Топот, шум, людей без счета». И ответ ему: «Фридон,
Властелин Мульгхазанзара, — на охоте, полон жара.
Звери ждут его удара, завлеченные в загон».

Он ликует. Без сравненья, он чарует, он виденье.
Как вложу я в пенопенье тонкостанную красу?
Кто посмотрит, — озарится, мерзнет, — если отлучится.
Всякий с ним возобновится, как весенний куст в лесу.

В средоточьи, где облава, вдруг орел взлетел. Лукаво
Глянул витязь, мыслит: «Слава!» Лук направил он сейчас.
«Не паду лицом здесь в пыль я». Сбит орел. Разъяты крылья.
Скок с коня. И без усилия срезал их не торопясь.

Вновь в седле сидит он, стройный. Круг стрелков тут беспокойный,
Прекратив стрельбу, прибойной поспешил к нему волной.
Разомкнулася облава. Эти слева, эти справа.
Мыслят: «Кто он? Величаво светит взор. Он кто такой?»

На лугу был холм высокий, и Фридон там светлоокый.
Свиты круг глядит широкий, сорок лучших там стрелков.
Автандил туда стремится. Ток толпы за ним струится.
И Фридон, сердясь, дивится: «Что в рядах моих полков?»

Шлет раба с таким реченьем: «Что объяло их смятеньем?
Словно взяты ослепленьем, почему идут сюда?»
Быстро раб туда приходит. Видит — диво. Глаз не сводит.
Ум его в забвеньи бродит. Он ослеп. Пред ним звезда.

Автандил его заметил и к нему со словом, светел,
Обратился и приветил: «Вот владыке доложи.
Чужеземец, одинокий, из страны пришел далекой.
Таризель прислал высокий. Побратим его, скажи».

Раб Фридону слово это говорит: «Там пламя света.
Солнце там, даятель лета. Тут впадет и мудрый в бред.
Весь похож он на картину. Как помыслию, прямо стыну.
Он к Фридону Нурадину, Таризеля с ним привет».

Услыхал о Тариэле, рад Фридон. И заблестели
Слезы. Скорби просветлели. Сердце бьется. Меньше мглы.
Роза чует ветер с юга, но от век стремится вьюга.
Вот приветствуют друг друга. Одному в другом хвалы.

Нурадин с холма спустился. Витязь тут уж очутился.
И Фридон, смотря, дивился. «Коль не солнце, кто же ты?»
То, что молвил о победном раб в хвале, всё было бледным.
Полны чувством заповедным, слезы льют, смешав мечты.

Обнялись. И без опаски расточает сердце ласки.
Два звена в одной завязке. Ум впадет, их видя, в блажь.
Смерть мне, если в этой чаре, или ныне, или встари,
Блеск подобный на базаре купишь ты или продашь.

Где есть витязи-герои, как Фридон в лучистом зное?
Но еще ценней алоэ и достойнее хвалы.
Светлым сном горят планеты, — солнце гасит эти светы.
Свечи дымкою одеты днем, и светят лишь средь мглы.

На коней и до чертога их ведет теперь дорога.
Уж зверей убито много. И охоты больше нет.
И дружины громоздятся Автандилом любоваться.
«С чем бы мог живым сравняться этот дивный солнцесвет?»

Он к Фридону молвит слово: «Знаю, полон ты живого
Любопытства, — из какого края я, и как я брат
Тариэля. Побратимы с ним мы. Он сказал, любимый:
«Брат!» — и мы неразлучимы. Я ему рабом быть рад.

Ростеван мой царь. Сановный, я в Арабии верховный
Вождь дружин, средь них — их кровный. Называюсь Автандил.
Из семьи я благородной, и возвращен царем, как сродный
С властью, смелый и свободный. Кто меня бы оскорбил?

Как-то раз, когда охота уж кончалась, видим: кто-то
Горько плачет, в нем забота. Это плакал Тариэль.
Мы смущались, царь дивился. Звали, к нам он не явился.
Царь чрезмерно рассердился. Как нам знать, что в нем метель?

Царь велел своим дружинам взять его. Но с гневом львиным
Вмиг, порывом он единым, ранил тех, а тех убил.
Размахнулся не напрасно. Лишь тогда нам стало ясно,
Что удерживать не властно месяц в шествии светил.

Царь был в гневе превеликом. Сам поехал с смелым ликом,
Чтоб схватиться в бое диком. Тариэль, признав сейчас
Царский сан, влагает в ножны меч, и бой стал невозможный.
Конь не конь, а дух тревожный. — скак, и скрылся он из глаз.

Мы искали, мы глядели. Это дьявол, в самом деле?
И следа не усмотрели. Царь забыл пиры и сон.
Так он крепко огорчился. Я — искать, и тайно скрылся.
За разгадкой устремился. Был я пламенем зажжен.

Мне искать была свобода, — три искал я долгих года.
Это случая угода, кто кхатавов увидал.
Так его нашел когда-то. Вижу — роза, желтовата.
И влюбил меня как брата. И ему как сын я стал.

После битв, где кровь без меры изливал он в сумрак серый,
Взял у деви он пещеры. Ходит там за ним Асмаг.
Старый там очаг дымится. Пламя скорби вечно длится.
Кто с прекрасным разлучится, обвяжись тот в черный плат.

И в пещере той глубокой дева в скорби одинокой.
Дичь стреляет львиноокый. Лев накормит львят своих.
Он блуждает непрестанно. Так душа его туманна, —
Только с ней побыть желанно. Он не терпит лиц людских.

Рассказал он мне, чужому, всю сердечную истому.
Он как брату мне родному дивный сказ любви явил.
Речь того, кто сумасшедший, не расскажет происшедший
Ужас весь, тот мрак нисшедший, мысль о той, в ком власть могил.

Месяц бродит неизменно. В сердце горе бьется пленно.
На коне твоём бессменно ездит он и не сойдет.
Говорящих сторонится, от людей как зверь стремится.
Больно мне о нём томиться. В нём о ней какой же гнет!

Мысль о витязе том странном жжет терзаньем постоянным.
И о нём скорбя, желанном, потерял я разум сам.
В сердце бешеное горе. Даль прошёл, проплыл я море.
И к таящим грусть во взоре возвратился я царям.

Я просил соизволенья длить исканья и стремленья.
Впал властитель в раздраженье. Тайно я бежал тогда.
И войска мои в печали «Горе! Горе!» восклицали.
Вот, ищу бальзама в дали. И гляжу туда, сюда.

Он сказал мне, как вы стали с братом брат в его печали.
Я пришел к тебе из дали, несравненного нашёл.
Я иду за солнцесветом, и, твоим ведом советом,
Буду счастлив в деле этом. Где искать скончанья зол?»

И Фридон тут держит слово. Говорит про дорогого
Брата. Оба плачут снова, нет терпения в сердцах.
И достойная хваленья грусть их словно песнопенье.
Розы в росах окропленья затерялись в тростниках.

И при виде той кручины вопль идет в рядах дружины.
Не остался ни единый равнодушным в этот час.
Семилетняя разлука для Фридона стон и мука.
Как стрела летит из лука, — свет блеснет и свет погас.

Говорит Фридон: «Любимый! Видишь? Плачут побратимы.
Ты в словах невыразимый. Весь ты солнце на земле.
Солнца с неба ты хититель, близких всех твоих живитель.
Звезд грустящих озаритель, свет единственный во мгле.

Чуть расстаться нужно было, жизнь мне сделалась постыла.
Мыслить мне о том немило, что живешь ты врозь со мной.
Мне же только огорченье, без тебя все дни томленье,
Мир, внушая отвращенье, для меня лишь дом пустой».

За печалью долгодневной, он, Фридон, тот вздох плачевный
Вылил в жалобе напевной. Стих. Покой кругом глубок.
С цветом воздуха — для взора, Автандил — краса узора.
На чернильные озера лег агатный потолок.

Светит взор, хотя загашен. В град вступают. Разукрашен.
Там дворец среди стройных башен. Всё в порядке. Всюду лад.
И рабы стоят рядами, безупречные, как в храме.
Каждый зоркими глазами Автандила видеть рад.

Вот они вступили в зданье. Превеликое собранье.
Не простое заседанье. Сто сановных с двух сторон.
В стороне сидят те двое, лучезарные герои.
Их рубин — тепло живое. Их кристалл — сияет он.

Начинают пированье. Умножают ликование.
Лучших здравец пожеланья. Льется светлое вино.
Автандила угощают, в нем родного привечают.
В тех, что здравье возглашают, сердце юным сожжено.

Этот день они сидели и без счета пили, ели.
Захмелеть тут в самом деле даже пьяницы могли.
И заря горит в кристалле. Автандила искупали,
В пояс пышный наряжали и шелками облекли.

Витязь полон нетерпенья. Всё ж уладам развлеченья
Должен дать он дней теченье. На охоту ходит он.
Разны игры и забавы. Как стрелок, он полон славы.
Кто вступал с ним в спор неправый, в достиженьи посрамлен.

Витязь молвит до Фридона: «Быть с тобою — оборона.
Разлучиться — горечь стоны, смерть. Но трудно дольше ждать.
Есть другой огонь, он строго жжет меня, зовет дорога.
И в душе моей тревога, — ведь могу и опоздать.

От тебя уйти — мученье. Но сегодня — отлученье.
Оттого иное жженье, — с ним сейчас мои мечты.
Медлить путнику опасно, — пусть поймет он это ясно.
Укажи, где солнце красно у волны увидел ты».

Тот ответил: «Без сомненья, ты не встретишь затрудненья
От меня. В тебе пронзенье в даль зовущего копья.
Бог с тобой. Иди, прекрасный. Враг да сгинет твой, не властный.
Но скажи мне, витязь ясный, без тебя как буду я?

Но скорбеть теперь бесплодно. Лишь одно скажу свободно:
Одному идти негодно. Дам тебе я верных слуг.
Меч, доспехи, мул и кони, — с ними будешь в обороне.
Меж сподвижников, в их лоне, свергнешь трудности вокруг».

Вот воители, четыре. С верным сердцем. В целом мире
Путь проложат, дальше, шире. Будут в латах до конца.
Красным блеском светит злато. Снарядил Фридон богато
В путь, и дал он без возврата — огневого жеребца.

Для постели не убогой повезет всё крепконогий
Мул далекою дорогой. Провожает в путь Фридон.
В тех, что мига ждут разлуки, загорелся пламень муки.
От Фридона — жалоб звуки: «Если б здесь был светлый он!»

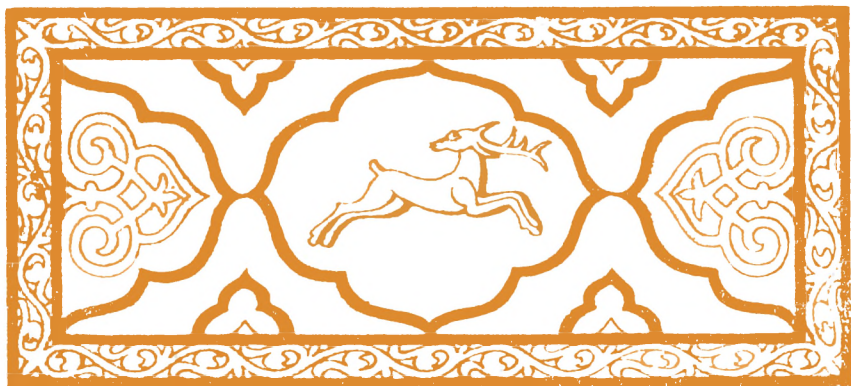
Грустный слух идет умами. Торговать ли тут шелками,
Или сочными плодами? Горожанки все толпой
Сгромоздилось. Тоскованье, сожаленья и рыданья.
Громы в воздухе, стенанья: «Где он, солнце, день златой?»

Вот и город миновали. Шум волны в приморской дали.
Автандил с Фридоном стали там, где видел солнце он.
Там из слезного затона кровь течет под звуки стона.
Повесть слышится Фридона, как планетный лик пленен.

«Солнце, чьи так белы зубы, чьи — рубиновые губы,
Двое черных, дики, грубы, выводили на песок.
На коне летел из дали, чтоб сразить их силой стали.
Увидали, побежали, быстрой птицей был челнок».

Тем рассказом дух волнуем. Путь в нем к новым слезным струям.
Приникают с поцелуем, обнимает брата брат.
Скрепой слиты неразлучной, всё ж расстались в миг докучный.
Мысль и мысль — в тоске созвучной. Стройный витязь ранит взгляд.

Сказ о том,
как отбыл Абтандил от Грідона,
дабы отыскивать Нестан-Сареджан

Полный месяц, отбывая, витязь думает, вздыхая.
В сердце бьется мысль живая о прекрасной Тинатин.
Молвит: «Как судьба жестока. Я один, и ты далеко.
Но бальзам, по воле рока, дан тобой среди кручин.

Почему всегда герои в тосковании и в зное?
Как скала, мое живое сердце бьется со скалой.
Три копыя — пронзенье злое — в сердце мне вошли, как в бое,
Не даешь мне быть в покое, мой дурман, с отравной мглой».

Витязь с четырьмя рабами, над прибрежными волнами,
Держит путь прямой песками. Таризлю где бальзам?
День ли, ночь ли, всё едино, ищет. Жизнь его — кручина.
Что весь мир ему? Мякина, и не больше, в мире там.

Где бы путников ни встретил, вопрошает, чуть приветил,
Где тот блеск, чей луч так светел. Путь в сто дней — томлений ряд.
Видит холм, на нем верблюжий караван с поклажей дюжей,
И купцы, в тоске досужей, нерешительно стоят.

Караван тот бесконечный — с виду вовсе не беспечный.
Каждый в нем — с тоской сердечной, рад вперед, а вот стоит.
Витязь словом привечает, и его хвала встречается.
«Вы купцы?» — он вопрошает. «Вы откуда?» — говорит.

Мудрый муж, с лицом румяным, главный был над караваном.
Звался он Усам, и станом он до юного склонясь,
Говорит благословенья: «Солнце, наше утешенье,
Ты с коня хоть на мгновенье испустишь, обрадуй нас».

Сделал так. Им в том отрада. Что ж не сделать, если надо.
«Мы торговцы из Багдада, Мухаммед у нас пророк.
Вина новые не пьем мы. В град царя Морей идем мы.
Караван с добром ведем мы. Наш товар не лоскуток.

Привело сюда скитанье. Человек здесь без сознанья
На песке лежал. Старанья приложили мы к нему.
Помогли. Стал снова в силе. И его мы спросили:
«Кто?» Сказал: «Таких насилий не покличу ни к кому.

Из Египта с караваном мы поплыли к новым странам.
Вдруг пираты. Бьют тараном. С кораблем стряслась беда.
Зацепляют нас баграми. Убивают нас мечами.
Я не знаю, как волнами был я выброшен сюда».

Лев и солнце, оттого-то наше горе и забота,
Коль назад, так в чем работа? Нам убытки во сто крат.
А поедем мы волнами, вдруг беда стрясется с нами.
Как нам быть, не знаем сами. Путь — вперед или назад?»

Молвит: «Числить нет нам смысла нам неведомые числа.
Коль с высот беда нависла, не сотрешь ее приход.
Смелость быть должна в основе. Биться мне с врагом не внове,
Кто захочет вашей крови, кровь его мой меч прольет».

Все, что были в караване и томились как в тумане,
Стали веселы. «В изъяне с этим смелым быть ли нам?
Мы трусливы, а в герое сердце вовсе не такое». —
Манит поле их морское. И поплыли по волнам.

Мчит корабль их ходом рьяным. Веселятся днем румяным.
Автандил им атаманом. Смелый быть велит смелей.
Вон корабль. На нем пираты. Длиннен вымпел их разъятый,
И таран грозит рогатый, для разлома кораблей.

Ближе, ближе, завопили. Кличут, в трубы протрубили.
В страхе все торговцы были пред воинственной толпой.
Витязь молвит: «Те пожары мы лишим их страшной чары.
Всех сразят мои удары, или час здесь смертный мой».

Что написано, свершится. Вся земля пусть ополчится,
Рок решит, и не случится злоключенья никогда.
А решит, вот копыа ныне. Не помогут тут твердыни,
Ни друзья, хотя б в дружине. Знай, и будешь смел всегда.

Вы, купцы, народ несмелый, в деле битвы неумелый.
Полетят от них к вам стрелы, — уходите-ка за дверь.
Посмотрите, как единым здесь я встану исполином,
Волю дав размахам львиным, кровь их всех пролью теперь».

Быстрый барс, надел он латы. По броне огонь богатый.
С тяжелой палицей подъятой перед вражьем кораблем
Он стоит неустрашимый, в смелой мощи несравнимый.
Взором витязя крушимый, враг сражен его мечом.

Вот спешат всем вражьим станом, возопили гласом пьяным.
И хотят метнуть тараном. Вот таран приблизил рог.
Он проворным взором кинул. Тяжкой палицею ринул.
И таран сломил, содвинул. Львиной хваткой подстерег.

Метко. Где таран рогатый? Вот он с палицей подъятой.
Враг бежать, трепещет, смятый. Он молотит как цепом.
Вынул меч, мечом их рубит. Каждый замах их страх сугубит.
Здесь никто уж не затрубит. Все иссечены кругом.

Как козлиное их стадо. Смерть пирует. Так и надо.
Их ли будет здесь засада? Трупы мечет в море он.
Одного он о другого, и седьмого о восьмого.
Те, кто жив, меж мертвых, — крова ищут, сдавливают стон.

Всё, как ждал. Герою ведом достоверный путь к победам.
Тот, другой кровавым следом подползет, — в его ногах.
С умоленьем жалким взгляда. «Не убей!» — зовут. — «Пощада!»
Благовестье вспомнить надо: «До любви приводит страх».

Человек, своею силой не хвались: вмиг будешь хилый
И спознаешься с могилой, коль помочь не хочет бог.
Искра вспыхнет — и в пожары лес облекся. И удары,
Если с богом, будут яры, — тут чурбан не будет плох.

Авандил бросает взгляды. В корабле он видит клады,
Караван зовет, и рады тем сокровищам купцы.
И Усам развеселился. Перед юным преклонился.
Так в хвалах он изловчился, что из слов он сплел венцы.

Для хвалений Автандила быть должна такая сила,
Что и тысячи бы было не довольно языков.
Караван вскричал: «Создатель! Солнца ты ниспосылатель!
В нем сияний нам даятель. Вышли к дню мы, бросив ров».

Вкруг него они ликуют. Лик пленительный милуют.
Руки, ноги все целуют. И с него не сводят глаз.
На красивого кто глянет, тут и мудрый глупым станет.
Хор твердить не перестанет: «Из злосчастья спас ты нас».

Витязь молвит: «Божья воля. Как решит, так будет доля.
Что с небесного нам поля снизойдет, то суждено.
Силы высшие наставят. Нужно, — то, что скрыто, явят.
Глупы те, что здесь лукавят. Что идет, придти должно.

Бог явил вам состраданье, не дозволил излишня
Вашей крови. В том деянье — не мое. Что я? Земля.
Всё ж убил врага лихого и свое сдержал я слово,
Всю добычу вы с чужого принимайте корабля».

Если витязь в схватках славных, среди деяний своенравных
Превзошел своих же равных, сколь прекрасен этот вид.
Поздравляют. Он — взнесенный. Вид у прочих пристыженный.
Ранен он. С рукой пронзенной. Но не очень там болит.

Так низвергнуты пираты. Их корабль, где клад богатый,
Он — амбар теперь разъятый. Там добыча хороша.
Все богатства изобилий на корабль к себе сносили.
Жгли его и потопили. Он не стоит ни гроша.

Шлет Усам до Автандила весть: «Гласят купцы: ты сила.
Нас та мощь освободила. Дал ты нам не пасть на дно.
Что имели, в полной чаше всё твое. Ты солнца краше.
Что нам дашь, то будет наше. В том составили звено».

Витязь молвит: «Братья, ныне вашей бог помог кручине.
Не дал смерть найти в пучине. Что ж томитесь вы, стена?
Я при чем тут? Не умею ваших слов постичь. Моею
Волей что свершу? Имею — лишь себя я и коня.

Мне в сокровищах отрада здесь какая ж? Всё, что надо,
Я имел на радость взгляда, — и шелков моих не счесть.
Что же делать мне с дарами, предлагаемыми вами?
Я лишь друг вам над волнами. Мысль во мне иная есть.

Здесь сокровища несчетны. Выбирайте в час охотный.
Мой подарок — безотчетный. Я не стану вас судить.
Но одно мое желанье сообщу я вам для знанья.
Цель имею для скитанья. Нужно тайну сохранить.

До тех пор, как час настанет, кто ни спросит, кто ни глянет,
Каждый пусть его обманет: главный я среди вас купец.
Я не витязь. Одеваться буду так и торговаться.
Только чур — не проболтаться. В братстве тайну скрыть — венец».

Чуть он высказал желанье, между ними ликованье.
Молвят: «В этом упованье было наших всех сердец.
Ты сказал, — той самой цели мы в умах своих хотели:
Послужить тебе на деле, солнца лик и образец».

Больше час свой не теряли, и без горя, без печали,
В путь дальнейший отплывали, с жаждой видеть берега.
Видеть витязя им мило. Им погода ворожила.
Пели песнь про Автандила и дарили жемчуга.

Сказ о том,
как прибыл Автандил
в Зултшаро

Стройный стан и свет во взоре. Автандил проехал море.
Вот и берег. И в просторе — город, тонущий в садах.
Это всё очарованье как вложу я в описание?
Сколько разного сиянья в заколдованных цветах.

Всё в дыханьи аромата. И к ограде, что богата,
Три тяжелые каната протянули свой конец.
Стал корабль. И за товаром ходят крючники — не даром.
Витязь — с малым он и старым, точно главный он купец.

И садовник тут из сада, увидав зарницы взгляда,
Поспешил к нему. «Что надо?» Рад служить, склонился весь.
Автандил его сердечно привечает безупречно:
«Чьи вы люди? И, конечно, есть и царь над вами здесь? —

Молвит: — Как у вас ведется? Что дорожке продается?
Что дешевле отдастся? Вот товар, — как быть нам с ним?»
«Солнце с ликом ты красивым, — молвит тот, — неторопливым
Словом всё скажу правдивым, с указанием не кривым.

Край Морей зовется это царство, полное расцвета.
Гуляншаро — город света. Гулян-Шахр — тот град цветов.
Что красиво, всё, что в славе, к нам плывет, — и сны здесь в яви.
Царь же наш — Мелик Суркхави, благ, достоин он даров.

Десять месяцев в просторе корабли из моря в море
К нам сюда. Здесь в дружном хоре — игры, песни, пир и пляс.
Зиму, так же как и лето, здесь цветы в огнях расцвета.
Старый юн здесь. Знают это и враги, глядя на нас.

Кто сноровист, покупает, продает, глядишь, теряет,
Изловчился, наживает. Не сидим мы тут без дел.
Здесь товар не залежится. Покупатель не скупится.
Даже бедному случится — в месяц, в год разбогател.

У Усена полноправный я садовник. Сам он главный
Из купцов. Хозяин славный. И устав его таков.
Этот сад — здесь отдыхают и товары выставляют.
Что ценней, ему являют из заветных сундуков.

Те купцы, что покрупнее, дар ему, и не жалея,
Поднесут — и веселее станет вмиг, — торгуй любой.
Для царя товар богатый, наилучший, — тотчас платой
Он покрыт. И тароватый сразу торг обмыслит свой.

Он встречает с неизменной лаской, если кто почтенный
Прибыл. Здесь бы бесспорно был, да нет его в дому.
А не то б иные речи, он бы рад был этой встрече.
Ну, да это недалече. Помощь есть у нас всему.

Фатьма Кхатхун здесь, супруга. В ней любезность и услуга,
Встретит ласково, как друга. Будешь в доме как в своем.
К ней дорога не окольна. Встретит гостя хлебосольно.
Там всего у нас довольно. Город видеть нужно днем».

Молвит витязь, с лаской взгляда: «Сделай так, как сделать надо».
И бежать тому — отрада. До груди струится пот.
Он к владычице стремится. «Ну, могу я похвалиться!
Там такой, что не приснится. Юный глянет, — свет блеснет!

Караван ведет торговый. С речью ласковой, медовой.
Кипарис он, месяц новый. Тот коралловый тюрбан
Как идет к нему. Как стройно он стоит. Спросил спокойно:
«Как устроить всё достойно? В чем обычай этих стран?»

Фатьма в радостях безмерных. Посылает десять верных.
И для выставок примерных вот он, караван-сарай.
И приходит розоцекий, тот агатно-светлоокий.
Лев он поступью широкой. Ноги тигра. Примечай.

Эта выставка не лавка. Уж какая же там давка!
Не товары брать с прилавка. Юный светит. Он заря.
«Это видеть — хоть до ночи». Души взяты. Смотрят очи.
Что мужья! Их ум короче. С ними быть — томиться зря.

Сказ о том, как прибыл
Савтандил к Фатме, как приняла она его
и как релика была ее радость

Там, где вход и где ограда, Фатма гостя встретить рада,
На лице ее услада. И Усенова жена,
Говоря привета слово, просит гостя дорогого
Сесть. Увидевши чужого, не соскучилась она.

Фатма, взоры притягая, хоть не юная, живая,
Круглолица, не сухая, смуглолицая притом.
И любительница хоров, вышить между разговоров.
Головных у ней уборов и нарядов полон дом.

Гостя ужинать с ней просит. Метко молвит, метко спросит.
Он подарки ей подносит. Всё красивые дары.
И хозяйка ликовала. И сидела, и вставала.
Витязь пил и ел не мало. Спать. Уж час ночной поры.

Утром вынул он товары. В них игранье пышной чары.
Смотрит малый, смотрит старый. И цена всему своя.
Для царя — что поценнее. Нагрузил купцов скорее.
«Продавайте, не робея. Не откройте лишь, кто я».

Как купец он был одетый. Не доспехов светят светы.
Фатьма шлет ему приветы. Навещает Фатьму он.
И сидят, и говорливы. Речи между них учтивы.
А уйдет к себе красивый, ум ее тоской пленен.

Сказ о том,
как полюбила Фатима Автандила
и как написала она ему послание свое

Лучше, вот слова зарока, быть от женщины далеко.
От играния и намека быстро к власти перейдет.
Завладеет до пронзенья, и предаст в одно мгновенье.
Слово тайны и значенья, вслух к ней сдерживай полет.

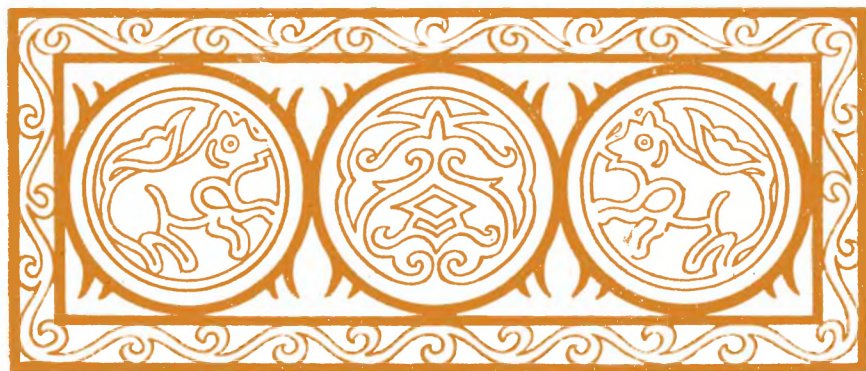
Фатиме сердце страсть пронзила, возжеланье Автандила.
И любви возрастала сила, жгла ее своим огнем.
Скрыть ее она хотела. Скрыть пожар? Пустое дело.
И владычица скорбела. Слезы падали дождем.

«Если я скажу признание, гнев в нем, и прощай свиданья.
Не скажу, — вдвойне терзанья, буду в пламени вокруг.
Нет, скажу я, без сомненья. Смерть иль жизнь, его решенье.
Как же врач найдет леченье, коль не знает он недуг?»

И раскрыв свои страданья, пишет юноше посланье.
Очень жалостно писанье, преисполнено тоски.
То посланье образцово. Глянь, не бросишь, — будешь снова
Видеть, как любовь сурова, — не порвешь письмо в клочки.

Любовное послание Ятвицы к Сивтангилу

«Солнце! Богу так угодно, чтобы солнцем ты свободно
Лил лучи. Терзанье сродно с тем, кто от тебя вдали.
Кто вблизи, тобой сжигаем. До планет ты восхваляем.
Глянешь, — сердце дышит раем. Увидал тебя, — хвали.

Ты согласишься, — где угрозы? В сердце свет влюбленной грезы.
Ты — красивый стебель розы. Трепетать бы соловью.
Лик твой — цвет садовый ранит. И моя краса здесь вянет.
Если луч твой не достанет, жизнь иссушишь ты мою.

Бог свидетель, с словом-лаской я иду, полна опаской,
Но терпенье стало сказкой, — нет его, и в сердце тьма.
Вечно ль в муках быть повторных — от ресниц, от копий черных?
Помоги, без слов укорных, а не то сойду с ума.

До тех пор, пока ответа на мое посланье это
Нет, — не знаю, ждать ли света, ты убьешь иль дашь мне жить, —
Всё ж еще я существую, но терплю я пытку злую.
О часы, когда тоскую! Жизнь иль смерть? Нельзя решить».

Это к витязю признанье Фатьма шлет, полна терзанья.
Он читает то посланье как сестры или родной.
«Ей искать меня не стыдно. Сердце ей мое не видно.
И сравнить ее обидно с той, возлюбленною мной.

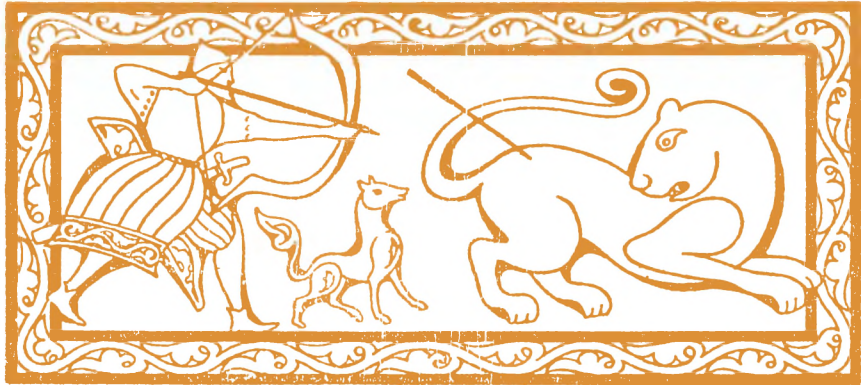
Разве ворон, пролетая, нужен розе? Здесь живая
Не достанет, воспевая, песнь хваленье соловья.
То, что сделать непристойно, бесполезно и нестройно.
Что за вздор тут пишет знойно! Что за речь, чтоб слушал я!»

Предаваясь размышленьям, так он думал с осуждением.
И с таким он был решеньем: «Можешь мне лишь ты помочь.
Если, в путь пойдя, ищу я той, кем друг горит, тоскуя,
Чтоб найти, все совершу я. И другие мысли — прочь.

Здесь проходит путь-дорога. Эта женщина здесь много
Видит всяких. У порога путник — ей желанный друг.
Пусть изведу горенье, — к ней явлю соизволение,
Нить найду в ней для стремленья. Долг ей мой отдам я вдруг».

Молвил: «Женщина, влюбляясь, с милым сердца не стеснясь,
Все расскажет, открываясь. Что ей стыд, и что позор!
Так. Для этого влюбленья дам свое соизволение.
Может, вдруг оповещенье проскользнет в наш разговор».

Сам себе слова совета молвит: «Ежели планета
Ворожит, свершится это. Нужно, — нет, ненужно, — вѣт.
Так со мной, и я в тумане. Мир весь в сумеречной ткани.
Что бы ни было там в жбане, опрокинь, и потечет».

Ответное послание Авдандила к Фатмие

«Ты писала и хвалила. То прочесть мне было мило.
Ты меня предупредила. Больше я, чем ты, томим.
Хочешь ты. Мое хотенье также в пламенах горенья.
Решено соединенье, если оба так хотим».

Чуть письмо дошло до взгляда Фатьмы, вся она услада.
И ему ответить рада: «Слезы я лила в тиши.
Будет. Я жива тобою. Я вечернею порою
Буду ждать тебя душою. Буду я одна. Спешу».

Вот и ночь идет немая. Витязь в путь. Его встречая,
Раб другой — и весть другая: «Нет, сегодня я не жду.
Для тебя я не готова». Он читает это слово.
Всё ж идет, сказав сурово: «Это что же всё — в бреду?»

За отменой приглашенья он пришел. Полна смущенья
Фатьма там. Ее волнение ясно видит Автандил.
Беспокойна, облик странный. Но, чтоб быть ему желанной,
Прячет страх свой, точно жданный он сюда свой лик явил.

Начинают целоваться, играм нежным предаваться.
Вдруг, — как может это статься? — стройный юноша в дверях.
Раб за ним, и меч рукою крепко держит, щит другою.
«Здесь я встретился с горою», — молвит юный, чуя страх.

Увидал он Автандила. Покидает Фатьму сила.
Обомлела. Было мило обниматься, а теперь?
Гость сказал: «Пришел некстати. Не прерву твоих объятий.
Но уж завтра час проклятий ты с зарей узнаешь, верь.

Ты меня здесь в миг свиданья предаешь на посмеянье.
Отплачу за то деянье. Будешь собственных детей
Есть своими ты зубами. Так свершу. Иль — не словами —
Плюнь мне в бороду плевками, — пусть бешусь среди полей».

Тут тряхнул он бородою, сжав ее своей рукою.
Вышел. Биться головою Фатьма в скорби начала.
Лик ногтями разрывает. Кровь со щек как ключ стекает.
«Камень! Камень! — восклицает. — Чтоб толпа убийц пришла!»

И скорбит, и возопила: «Вот, супруга я убила.
Малых деток погубила. Разметала я как сор.
Наши пышные владенья, драгоценные камни.
Мне самой уничтоженья. И слова мои позор».

Витязь эти восклицанья слышит, слушает рыданья.
«В чем причина тоскованья? — вопрошает, сам смущен. —
Успокойся, молви слово. Что в тебе нашел он злого?
Почему грозил сурово? И зачем бродил здесь он?»

Говорит она, стаяя: «Лев! От плача без ума я.
Что скажу? Минута злая! Вот, застигла, жизнь губя.
Я детей моей рукою умервила. За тобою
Погналась в любви душою, и убила тем себя.

Неприменно так случится с тем, кто тайной тяготится,
Болтовней разоблачится, в суесловьи видит мед.
Всем теперь скажу с рыданьем: «Помоги мне тоскованьем».
Что тем делать с врачеваньем, кто свою же кровь испьет?

Здесь не два, одно лишь слово. Ничего не жди другого
Можешь, так того лихого, ночью, тотчас же убей.
Весь мой дом от погубленья и меня от убиенья
Ты спасешь. В час возвращенья скорби смысл скажу моей.

Если ж нет, не ожидая кары, весь товар слагая
На ослов, спешу из края, — твой побег сокроет тьма.
Так он это не оставит. При дворе меня ославит.
Предо мной детей поставит, чтоб я съела их сама».

Слыша те воскликновенья, гордый, полон дерзновенья,
Витязь встал, свершить решенье. Твердый жезл в руке его.
Как он смел и как прекрасен. «Смысл всего теперь мне ясен».
В миге схватки он ужасен, не похож ни на кого.

И его до Фатмы слово: «Дай кого-нибудь такого,
Чтоб среди сумрака ночного показал дорогу мне.
Лишь дошли бы верно ноги, там не нужно мне подмоги.
Расскажу, как были строги эти руки, мстя вдвойне».

С ним раба она послала. Будет вырвано то жало.
И вослед ему вскричала: «Головня сгорит когда,
Вспомни в час, как огонь дордеет, жечь меня уж не посмеет,
Он кольцо мое имеет, — принеси его сюда».

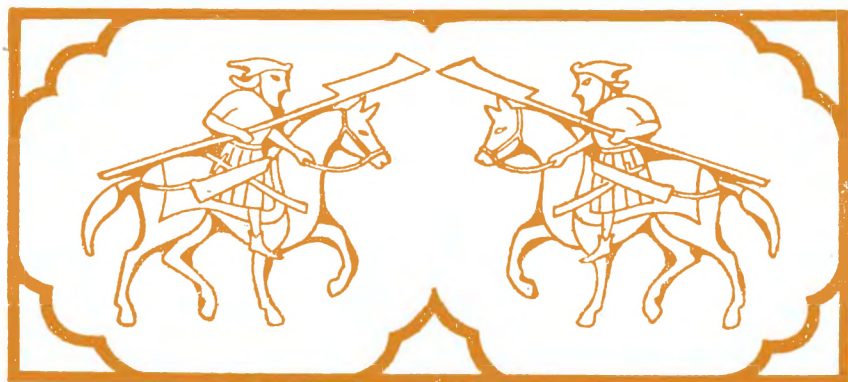

Автандил с огнем во взоре вышел за город, где море.
Там вздымался на просторе изумрудно-рдяный дом.
Там в покоях, радость часа, всюду пышность и прикраса.
Над террасою терраса. И велик его объем.

Автандил, туда ведомый, видит пышные хоромы.
Он, в душе лелея громы, слышит шопот: «Это тут.
На террасе там стоит он. Ночью там лежит и спит он.
А пред тем в мечтах сидит он, сокращая бег минут».

Где сплелась лихая пряжа для злосчастливого, два стража
Перед дверью спят. И даже не шурша, он в быстрый срок
Там. Беззвучная походка. Та, другая сжата глотка.
Стиснул головы он четко. Мозг и волосы — в комок.

Сказ о том,
как умертвил Автандил Шах-Назира
и двух его стражей

Он лежал в своем покое, юный, с сердцем в гневном зное.
Как видение ночное, вдруг, кровавый перед ним
Автандил, без промедленья, встать не дав ни на мгновенье,
Хвать, и кончено свершенье, вмиг убил ножом своим.

Солнце он для всех глядящих, зверь врагам и ужас в чащах.
Палец с перстнем, весь в блестящих самоцветах, срезал он.
Поднял сильными руками труп. В окно. Лежи с песками.
Море будет бить волнами. Не в могиле погребен.

Звука не было в той схватке. Витязь вышел без оглядки.
Ах, цветы у розы сладки. Что в нем вспыхнуло огнем?
То откуда озлобленье? Это прямо удивленье.
Как свершил он убиенье, вышел тем же он путем.

Лев, умильно говорящий, витязь, солнцем здесь горящий,
К Фатме в дом приходит спящий. Говорит: «Не жив уж он.
Раб твой в этом поклянется. Свет пред юным не зажжется.
Палец с перстнем вот. И льется кровь с ножа, он обагрён.

Дай теперь мне изъяснение слов своих и возмущенья.
Чем грозил он? Нетерпенье говорит через меня».
И, обняв его колени, Фатма молвит: «Лик свершений!
Больше нет моих мучений. Ныне выйду из огня.

Не возникнет путь к изменам. Я теперь, с моим Усеном
И с детьми, не смята пленом, не погибну в жалкий час.
Льва хвалить, всё будет мало. Кровь пролив, ты вырвал жало.
Всё поведаю сначала. Слушай долгий мой рассказ».

Сказ Ратбиби и Абтангилу в Нестан-Дареджан

«Есть у нас обыкновенье в этом граде в день рождения
Года нового — забвенье всяких дел, торговли нет.
В путь никто не выезжает. Всяк себя да украшает.
И владыки назначают пышный царственный обед.

Мы идем, народ торговый, ко двору, для встречи новой,
Поднести дары готовы и принять их от царей.
Девять дней звучат кимвалы, тамбурины. Старый, малый
В мяч играют. Праздник алый. Копья, смех и бег коней.

Муж, Усен мой, над купцами, я над женами, и сами
Всё мы знаем, тешась днями, всей согласною толпой.
Те, что бедны и богаты, дар царице к ней в палаты.
И, весельем все объаты, возвращаемся домой.

Новый год — в лучах денницы. Мы с дарами до царицы.
И она своей сторицей дар дает богатый нам.
Послужили и не служим. Веселимся, а не тужим.
Все друг с дружкой, а не с мужем, забавляемся мы там.

Вечер. Вышла я до сада. Жен купеческих мне надо
Занимать. И нам услада — в пеньи радостных певцов.
Было песен там немало. Как ребенок, я плясала.
Цвет волос я изменяла, облеклась в другой покров.

Были там в саду чертоги, и возвышенны, и многи.
Стоя в каждом на пороге, можно море созерцать.
И из окон видно море, в голубом его просторе.
Там в веселом разговоре вся в пирушке наша рать.

Все себя там веселили. Пир наш длился в полной силе.
Вдруг, когда мы ели, пили, без причины млею я.
Увидав недомоганье, эти сестры ликованья
Распростились. И молчанье. В сердце сажа — как струя.

В сердце грусть свой мрак внедрила. Вот окно я отворила.
И тоски растущей сила отошла, дышать могу.
Что-то малое, мелькая, зверь ли, птица ли морская,
В море бьется, достигая края волн на берегу.

То, что в дали, с влагой ходкой, было птицей, в близи четкой
На побережье стало лодкой. Черных два по сторонам
Человека. Лица черны. Вид внимательно-дозорный.
Женский лик меж них в узорной ткани. Видно всё глазам.

Изнутри я наблюдала. Лодка к берегу пристала,
Против сада. Против вала переменный быстрый бег.
Вышли, смотрят, вражья сила их нигде не сторожила.
Всё безгласно как могила. Спит и зверь, и человек.

Ларь из лодки вынимали. Крышку бережно снимали.
И в красивейшей печали вышла дева как в мечте.
Изаумрудно облаченье. Черной ткани затененье
Вкруг лица. Зари явление не сравнится в красоте.

Дева лик свой повернула, молний щек ко мне блеснула,
Светом в небо заглянула, в светах тихая гроза.
Я завесой дверь прикрыла, и меня не видно было.
Так лучей горела сила, — я прищурила глаза.

Четырех рабов зову я. Наказав, им говорю я:
«Красоту красот ворую, что индийцы держат здесь?
Тихо, быстро приходите. Не бегите, а скользите.
Продадут, тогда купите. Вот вам клад, отдайте весь.

Если ж нет, их не жалейте. Взять ее, а их убейте.
Сделать ловко всё сумейте. Чтоб сюда придти с луной».
И невольники скользили. Начат торг, не уступили.
Были черные не в силе. Лик у них был очень злой.

Я с высокого придела из окна на них глядела.
Вижу всё. Кричу им: «Смело! Смерть им!» Вмиг, среди тишины,
Прочь им головы, по плечи. В море, там иные речи.
И к красавице до встречи. С нею вместе от волны.

Эти чары, упоенье, как вложу я в восхваленья?
Где найду я ей сравнения? Солнце — солнце лишь для глаз.
А она и в сердце, светом, разожженным и согретым,
Солнцем, в пламенах одетым, солнцесветла каждый час».

Фатьма лик свой рвет ногтями. Слезы витязя — ручьями.
Лишь о ней полны мечтами, что безумным дорога.
Вот друг другом позабыты. С ней, далекой, мысли свиты.
Слезы глаз их вновь излиты на нежнейшие снега.

Так наплакались, что больно. Автандил сказал: «Довольно, Продолжай». И Фатьме вольно длить сказание свое.
«Все ей дать, казалось мало. Всю ее я целовала.
Утомила, обнимала. Полюбила я ее.

Говорю ей, вопрошая: «Из какого рода, края?
Солнцесветлость золотая! Как до черных тех рабов
Ты от гроздий звезд спустилась?» Посмотрела, омрачилась
И ни слова. Только лилось слезных сто из глаз ручьев.

За вопросом я с вопросом. Счета нет нежнейшим росам.
По агатовым откосам из нарцисов льется ток.
И рубины влагой мочит, хрустали продленьем точит.
Ничего сказать не хочет. Я сторела. Хоть намек.

Вот промолвила, вздыхая: «Ты мне мать. Ты мать родная.
Что б сказать тебе могла я? В чем бесплодный мой рассказ?
Сказка в долгий час ненастья. Ты являешь мне участие.
Но всевышний мне злосчастье умножает каждый час».

Я подумала: «Не время отягчать страданий бремя.
Муки сердца — злое племя. Обезуметь можно так.
Я не во-время пытаю. Солнце спрашивать, златую
Ту денницу молодую — мучить мне нельзя никак.

Этот свет необычайный отвожу в покой я тайный.
И в тоске по ней, в бескрайной, упадаю сердцем ниц.
И в парчу ее одели. Не в худое, в самом деле».
Плачет. Розы помертвели. Снежный вихрь летит с ресниц.

Солнцеликое алоэ в тайном скрыла я покое.
Существо туда живое не входило. Тишина.
Отделенность. Только верный черный раб слуга примерный.
Я, чтоб быть в том достоверной, к ней входила лишь одна.

Не смогу изображенья дать тебе ее томленья,
Все причуды поведенья. Плачет, плачет день и ночь.
«Так нельзя, — скажу, — томиться». На минуту подчинится.
Как же так могло случиться, что она исчезла прочь?

Скрылось солнце почему же? Было хуже всё и хуже.
Слезы там скоплялись в луже, где она склоняла лик.
В черной бездне там агаты. Острия ресниц разъяты.
И над жемчугом гранаты, и коралл, и сердолик.

Только слезы, то и дело. В скорби не было предела.
Расспросить я не успела, кто она и в чем беда.
Лишь спрошу, трепещет в зное, кровь струится из алоэ.
Сердце может ли людское снести такую боль когда?

На постели не лежала. Ей не нужно одеяла.
Только шалью лик скрывала. Был один на ней покров.
И подушкой тяготится, прямо на руку ложится.
Очень редко согласится съесть хоть пять, хоть шесть кусков.

Нужно мне сказать вначале о воздушной этой шали.
Здесь мы кое-что видали, но такого никогда.
Вещество мне неизвестно. Мягкость тонкая чудесна.
Но состав так сложен тесно, точно скована руда.

Так прекрасную скрывала. И прошло уж дней немало.
Мужу я не доверяла. Разболтает негодяй.
При дворе он всё расскажет, руки-ноги этим свяжет.
Если путь ко мне покажет, и сокровище прощай.

Мне приходится таиться. Часто нужно отлучиться.
Я на что ж должна решиться? — размышляю я с собой.
Отчего скорбит сердечно? И скрываться можно ль вечно?
Муж узнает, — он, конечно, будет мой убийца злой.

Как скрывать уединеньем солнце с пламенным гореньем?
Как помочь ее мученьям? Должен быть оповещен
Муж мой. В чем же тут измена? Клятву я возьму е Усена.
Слово чести ведь не пена. Клятв ломать не будет он.

К моему иду супругу. Ласков, нежны мы друг к другу.
Говорю: «Яви услугу. Что-то я тебе скажу.
Но клянись мне чрезвычайно, что сохранной будет тайна».
Клятвы речь не краснобайна: «Пусть, как колос на межу, —

На скалу с высот паду я. Хоть бы смерть пришла, связуя,
Этой тайны не скажу я — и ни другу, ни врагу».
Мой Усен добросердечный. Стала тотчас я беспечной.
«Свет тебе я безупречный покажу, что берегу».

Встал, пошел, и мы в чертоге. И застыл он на пороге,
Подкоеились даже ноги, как увидел солнце он.
Молвит: «Что ты мне явила? В ней какая светит сила?
Если б речь моя сравнила блеск с землей, я осужден»,

Мольблю: «Вот и я, не зная, из какого это края,
Дух иль женщина земная, всё томлюсь. Нам знать пора,
Если вид наш не наскучит, кто ее безумьем мучит,
Пусть расскажет, пусть научит, да пребудет к нам добра».

Мы вошли к ней осторожно. Были скромны, как возможно.
И уважили неложно. «Солнце, ты нас здесь еожгла.
Чем твоим помочь нам ранам? Месяц бледный с тонким етаном,
Стала в грусти ты шафраном, а рубиновой была».

Но не слушает, не слышит. Роза сжалась, только дышит.
Змеи врозь она колышет. Отвернулся пышный сад.
Тени шествуют в зеленом. Солнце, в еумраке спаленном,
Затемняется драконом, не роняет зорный взгляд.

Уговаривали тщетно. Та пантера безответна.
В гневе, — это нам заметно, — а причины никакой.
Мы всё то же и сначала. Ничего не отвечала.
«Я не знаю, — лишь сказала. — Дайте мне побыть одной».

Так мы с нею там сидели. Уговаривать нет цели.
И напрасно там скорбели. Как душа тут быть должна?
Мы лишь кротко прошептали: «Будь спокойна, без печали».
Ей плодов каких-то дали, но не стала есть она.

Говорит Усен: «Кручины — не одна, а их дружины, —
Все ушли: тот лик единый все их стер. Волшебный вид.
Солнце этих щек достойно. Человеку непристойно
Их лобзать. Кто видел, — знойно он в сто двадцать раз горит.

Коль милее дети глазу, да сразит господь их сразу».
Верь не верь душой рассказу, были взяты в сеть сердца.
Мы стонали, мы шептались. Этим видом услаждались.
Чуть от дел освобождались, — к ней, и смотрим без конца.

День прошел, и сумрак сходит. Ночь ушла, и день приводит.
Речь со мной Усен заводит: «Повидать хочу царя.
Как решишь ты в деле этом, — дар хочу снести с приветом».
«В этом, — молвлю, — с божьим светом. Ты пойдешь к нему не зря».

Жемчуг ценный, прямо чудо, с самоцветами, на блюде
Он кладет, идет отсюда. До него веду я речь:
«Ко двору твоя дорога. Встретишь пьяных, там их много.
Смерть мне! Клятву помнишь строго?» Молвил: «Так, как рубит меч».

За столом царя застал он. Дружен с ним, и пировал он.
«Благодетель! — восклицал он. — Дар прими, ты свет сердец».
Тот его с собой сажает. Вид даров восторг внушает.
Глянь теперь, какой бывает во хмелю своем купец.

Пред Усеном царь был пьяным. И стакан там за стаканом
Влил в себя в усердьи рьяном, он и клятвы влил во мглу.
А уж ежели кто пьяный, что там Мекки и Кораны!
Не уважат розу враны, и нейдут рога к ослу.

Как напился он не в шутку и сказал «прощай» рассудку,
Царь промолвил прибаутку: «Ты откуда дар такой
К нам несешь? Как исполины — жемчуг твой, твои рубины.
Нищи тут и властелины, поклянуса головой».

Воздает Усен почтенье: «Царь, ты наше озаренье.
Живы лишь тобой творенья. Подкрепитель наших сил.
Что тебе ни поднесу я, клады, золото даруя,
Все тебе лишь возвращу я, — от тебя же получил.

Да скажу, из дерзновенья: кстати ль тут благодаренья?
Вот невесту, восхищенье, дам я сыну твоему.
Это будет дар богатый. Он достойнее отплаты.
И не раз вздохнешь тогда ты: «Превратил ты в солнце тьму».

Что мне длить повествованье? Клятву, власть ее влиянья
Он нарушил, и сиянье девы той вложил он в сказ.
Царь явил благоволенье. Отдает он повеленье,
Чтоб волшебное виденье до него пришло сейчас.

Я сижу спокойно дома. Что есть вздох, мне незнакомо.
Вдруг, как звук неожиданный грома, вождь рабов пришел царя.
Шестьдесят, по положенью. Предаюсь я удивленью.
Мыслю: «Все ж их появленью есть причина, то не зря».

«Фатьма, — молвят мне с приветом. — Солнце хочет, в миге этом;
Видеть ту, что ярким светом здесь двусолнечна. Ее
Должен взять сейчас с собою». Свод небесный надо мною
Рухнул. Бешенство волною в сердце ринулось мое.

«До сокровища какого вы пришли?» В ответ их слово:
«Мы до лика золотого. Нам сказал о нем Усен».
Я узнала, что им надо. Вижу, кончилась услада.
Отнимают радость взгляда. Вся дрожу я, взята в плен.

Всё в душе в свиваньи дыма. К той вхожу, что мной любима.
Мольвлю: «Я судьбой гонима. Я совсем истреблена.
Небо в гневе надо мною. Предана я. За тобою
Царь послал. Где свет мой скрою? Прямо в сердце сражена».

Говорит: «Сестра! Такая мне судьба, а не другая.
Уже столько знала зла я, что чего ж дивиться тут?
Так терзаюсь я сурово, и должна терзаться снова.
Ничего не жду благого от течения минут».

Слезы льются. Где им мера? У нее погасла вера.
Встала бодро — как пантера иль боец, идущий в бой.
Рада ль? Нет, она не рада. Нет и горя в силе взгляда.
Ей прикрыться только надо — просит — белую фатой.

В сердце я моем тоскую. Вот иду я в кладовую.
Там жемчужины, — люблю вынь, и купишь целый град.
Ей дарю. Всё мыслю — мало. Словно пояс навязала
На нее. А в сердце жало, в черном молнии горят.

Мольвлю: «О моя! Быть может, случай тот тебе поможет.
В это горе пользу вложит». Солнцеравную рабам
Отдаю. Царю уж ведом миг прибытья. Гулы следом.
Звук литавр как зов к победам. Но она безгласна там.

Любопытные, волною, восхищаются луною.
Даже стражники толпою не владеют. Радость глаз,
Кипарис тот тонкостанный царь, увидя в миг желанный,
Вскликнул: «Лик ты осиянный! С неба как сошла сейчас?»

Так красы ее сверкали, солнцеликой той в вуали,
Что смотревшие мигали. Соизволил царь изречь:
«Видел, — с нею слеп я ныне. Бог велел ей быть в картине.
Прав безумец, коль в пустыне бродит, алчет с нею встреч».

Он ее с собой сажает. Речью сладкой утешает.
«Кто ты? Что ты? — вопрошает. — Из какого рода ты?»
Но сиянье солнцесвета не дает ему ответа.
Нежный лик, но без привета. Скорбью взятые черты.

С головою наклоненной, не внимала умиленной
Речи царской. К отдаленной дали сердцем унеслась.
Сжаты, розы светят ало. Жемчугов не выявляла.
«Где душа ее блуждала?» — всякий думал в этот час.

Молвил царь: «Что думать надо? В чем теперь для нас отрада?
Тут возможны два лишь взгляда: иль она кого-нибудь
Любит, — в помыслах с единым, в мыслях он лишь властелином.
С тем любимым по долинам, в мысли, вместе держит путь.

Иль, молчанье сохраняя, здесь провидица немая,
Скорбь ли, радость ли какая, ей не радость, не печаль.
Счастье, горе — лишь зарница, вся и жизнь ей — небылица.
Улетает голубица от всего, что близко, в даль.

Бог великий, он рассудит. Сын мой юный да прибудет.
Солнце здесь готовым будет для победного него.
Может, выманит реченье. Нам в нем будет изъяснение.
До тех пор луне затменье здесь без солнца своего».

Я скажу, чтоб смысл был ясный: тот царевич, он прекрасный,
Юный, смелый, и в опасной битве мужество свое
Явит точно. Той порою он задержан был войною.
Мнил отец — его женою видеть звездную ее.

Принесли наряд ей новый, благолепные покровы.
Вдоль сияющей основы многосветный самоцвет.
А венец горел едино, из сплошного был рубина.
Вся светилась как картина. Лучше этой розы нет.

Царь дает распоряженье, чтоб чертог ее был мленье,
Златокрасное горенье. Где возлечь ей, там — закат.
Этот царь самодержавный той царевне солнцеравной
Зал назначил самый главный. Ослеплен ей каждый взгляд.

Стража там такого рода: девять евнухов у входа.
Пировать царю угода, как прилично для царей.
За златую ту — взамену дивный дар дает Усену.
Трубы кличут через стену, и литавры бьют слышней.

Затянулось пированье. Питию нет окончанья.
Солнцедева вскрик стенанья пружестокрой шлет судьбе.
«Ты безжалостна. Ты злая. Для кого здесь без ума я?
Что начну я, так сгорая? Погибать ли мне в борьбе?»

И опять она сказала: «Розу смять — в том смысла мало.
Чтобы роза расцветала, неразумно смерть призвать.
Тот, в ком разум зрит высоко, смерть не будет звать до срока.
Напряги в темнотах око, пользы нет в них изнывать».

Кличет стражей: «Вы внимлите, и в рассудок свой войдите.
По неверной здесь вас нити повели, не до судьбы.
В том желанье властелина взять женой меня для сына.
Мнит — уж вот добыча львина. Бьют литавры. Зов трубы.

Но не буду вам царицей, будь жених — хоть солнцелицей.
Мне не здесь сиять денницей, путь ведет мой не туда.
О другом скажите слово. От меня вам ждать иного.
Не свершения такого. С вами жить? Да никогда.

Я убью себя, и верно. В сердце нож взойдет примерно.
Царь казнит вас достоверно, и земной ваш краток час.
Лучше вот что предложу я: клад под поясом ношу я.
Клад возьмите, — да бегу я. А не то — беда на вас».

Самоцветы, что скрывала, с жемчугами отдавала.
И чтоб не было им мало, — и рубиновый венец.
И склоняла понемногу: «Дайте мне, молю, дорогу.
Долг заплатите вы богу. Будет легким ваш конец».

У рабов глаза зардели. Клад великий, в самом деле.
Царь? Забыть царя умели. Где там староста? Далек!
Путь открыли несравненной. Через золото — воля пленной.
Злато — корень, цвет — забвенный, ветка — дьявольский крючок.

Не дает отрады золото. Сердце жадностью объято,
Но в богатстве не богато и не может не хотеть.
Притекает, утекает, в недовольство повергает,
Гнет на душу налагает — дух не может взлететь.

Совершились договоры, и рабы идут как воры.
Их недогды были сборы. Дал один ей свой покров.
И прошли в другие двери. Главный зал был в полной мере
Предан пьянству. Без потери месяц плыл среди облаков.

И рабы бежали с нею. Вот пред дверью пред моею
Тень: Стучат. И я робею. Имя Фатмы говорят.
Я иду — и удивленье. Там она как привиденье.
Не идет на приглашенье. У нее тревожный взгляд.

Молвит: «Тем, что даровала, — а богатства там не мало, —
Я себя высвобождала, выкупала из цепей.
И к тебе придет награда. Больше быть мне здесь не надо.
Дай коня лишь, — чтоб из ада ускакала поскорей».

Я послушна. Кто послушней? Быстро я иду конюшной.
Конь оседлан. Конь воздушней ветра быстрого в степях.
И она уж не томленье. Вся она есть озаренье.
Солнца с львом соединенье. Был напрасен труд мой. Ах!

Вот уж снова вечереет. Слух возник, и он густеет.
Чу! Погоня подоспеет. Город в смуте, осажден.
На допросе отвечаю: «Обыщите дом. Не знаю.
Пред царями, коль скрываю, будет долг кровавый мой».

Обыскали все строения. Нет следов исчезновенья,
Нет ее. Полны смущенья. И в дворце веселья нет.
Все оделись в цвет лиловый. Солнце было, свет наш новый.
Солнце скрылось. Мрак суровый — там, где рдел нам солнца свет.

Я продлю повествованье, где теперь горит сиянье.
Но сначала — указанье, отчего грозил мне тот.
Ах, была его козю, и козлом он был со мною.
Та жена полна виною, что себя не соблюдет.

В муже трусость — безрассудство, а в жене ее беспутство.
Муж мой худ, в лице — паскудство. А красив был Шах-Нагир.
И любились мы в любви, хоть не буду траур вдовый
Я носить. Его бы крови вышить — это был бы пир.

Я как женщина болтала, как глупица рассказала,
Как я солнце здесь скрывала, как она ушла лисой.
Я раскрылась, — он был дорог. Стал грозить мне недруг, враг.
О, без всяких оговорок: смерть его — мне быть живой.

Чуть во время разговора между нас возникнет ссора,
Он грозил отомстить мне скоро. Как тебя я позвала,
Я не знала, что он дома. Весть он шлет, — в ней звук мне грома.
В сердце пала мне истома. Я тебя уж не ждала.

Осторожно отгласила. Не хотела, — нужно было.
Ты пришел. Мне стало мило, и восторг мне стал знаком.
Оба вы сошлись здесь вместе. Слово гнева, голос чести.
Возжелал он смертной мести, и не только языком.

И не будь убит тобою, весь исполнен мыслью злою,
Он бы смерть послал за мною: полон злобного огня,
Он донес бы, царь бы гневный присудил мне рок плачевный
Съесть детей, и за царевной камнем в ад послал меня.

В боге пусть твоя награда будет пышною, как надо.
От змеиного ты взгляда беззащитную упас.
Уж не правит ныне мною рок с зловещею звездою.
Враг смешался мой с землею. Больше нет змеиных глаз».

Автандил сказал: «Средь праха ворог твой. Не ведай страха.
От единого он взмаха прочь из жизни унесен.
Вот и в книге изреченье: злоба друга — очернение,
В ней тягчайшее паденье. Кто разумен, скрытен он.

Это сделано деянье. Бесполезно вспоминанье.
Но продли повествованье про чудесную ее».
Фатьма вновь заговорила. Слез опять текуча сила.
«Солнцеравная светила. Где же солнце то мое?»

Сказ Фатмы и Абтангулу
как взяли каржи в плен
Нестан-Дареджан

О судьба, ты вечно злою ложью схожа с сатаной.
Ты измену кроешь мглою, — и ее рассмотрит кто?
Вероломство — во врагине. Солнцесвет где спрячешь ныне?
Всё здесь — зыбкий прах в пустыне, не устойчиво ничто.

Фатма молвит: «Солнце скрылось, радость мира удалилась,
Жизнь сама испепелилась, между пальцев разошлась.
И во мне лишь огорченье, неустанно слез теченье,
От бессменного мученья — без конца ручей из глаз.

Ненавидны дом и дети. Как одна была на свете,
Чуть засну, дремота в сети завлечет, живу я сном.
Сны о ней, всей ночью темной. А Усен мне, вероломный,
Чужеверец стал бездомный, с ненавистнейшим лицом.

Жизнь всё кажется плачевней. Раз иду я пред харчевней.
Это дом убогих древний. Взор чуть смотрит из-под век.
Вижу, дверь полуоткрыта. Мысль о ней. Душа убита.
Про себя твержу сердито: «В клятве проклят человек».

Изнывает сердце в плаче. Вот приходит раб бродячий.
Три товарища, как клячи, вместе с ним. Покров на них —
Грубый хлопок. Накупили на копейку всякой гнили
И сидели, ели, пили. Смех меж ними не затих.

Наблюдала я за ними. Вот речами разбитными
Всласть натешились. «Чужими мы сошлись здесь, — говорят. —
Мы не знаем друг о друге, кто в каком кружился круге,
Так расскажем, для услуги, кто что знает, всё подряд».

Трое путников вначале рассказали всё, что знали.
Учит путь. Есть сказка в дали. Говорил последним раб:
«Братья, вас я не обижу, коль жемчужины нанижу.
Вы мне проса дали, вижу. Мой рассказ не будет слаб».

Раб я царский. Царь прекрасный. Каджи все ему подвластны.
На него недуг опасный вдруг напал, и умер он.
Помощь вдов, сирот подмога, друг всего был, что убого.
Но его сestroю строго был порядок укреплен.

Дулярдукхт была сestroю. Стала всем она горою.
Не обижена судьбою, но обижены ей все.
Два племянника — ей дети. Росан, Родья — дети эти.
А она — как царь в Каджети. Звать — Могучая в красе.

Слух о смерти за морями шел, дошел, и узнан нами.
Смерть сестры ее. И сами даже визири молчат.
Мыслят: «Знать подвластным вредно, что угас тот лик бесследно.
Рошак — раб. В боях победно он рабов построит ряд».

Рошак молвит: «Быть в кручине — что скитаться мне в пустыне.
Нет, сберу рабов я ныне, и добыча вся — моя.
Буду грабить и, богатым, буду во-время с возвратом.
С царской скорбью и с закатом вместе быть сумею я».

К нам, любимцам, он с такою речью смелой и прямою:
«Я иду, а вы — за мною». Взял сто избранных рабов.
Днем набеги, днем мы грабим. Ночью зоркость не ослабим.
В караванах душам рабьим пышный клад всегда готов.

Как-то в ночь, равниной дикой, бродит строй наш многоликий.
Вдруг мы видим, свет великий, он идет равниной той.
Солнце, что ли, заблудилось? С неба к праху опустилось?
В нас смущение явилось, с напряженною мечтой.

Кто твердит: «Звезда дневная». А другие: «Золотая
Там луна». Ряды равняя, к свету мы идем в тот час.
Видел блиако я всё это. Пред собою, а не где-то.
Круг сомкнули мы. От света некий голос был до нас.

Словно бисером по нити, слово к слову: «Расскажите,
Как зовут вас? Изъясните, кто вы? Я же весть несу.
Гуляншаро в ясном свете кинув, путь держу в Каджети».
Круг сомкнули мы как сети и увидели красу.

На коне была младая солнцесветлость золотая.
В лике — молнии, блистая, озаряли всё кругом.
Чуть что скажет в назиданье, от зубов ее сиянье.
И агат мягчит сверканье под ресницами — там гром.

Мы дивились этой встрече. Были нежны наши речи.
Кудри падали на плечи. То не раб, не вестник был.
То царевна. Рошак видит. Едет рядом, не обидит.
Пусть в наш круг надежный внидет. Он ее не отпустил.

К ней повторно обращенье: «Кто ты? Дай нам изъясненье.
Солнцесветлое горенье, ты тропой идешь какой,
Озарительница ночи?» Но у ней лишь плачут очи.
Больно видеть, свыше мочи, месяц, пожранный змеей.

Но ни слова, ни намека, почему так одинока,
Кто обидел так жестоко огорченный лунный диск.
Эта дева, та царевна, отвечала срывно, гневно.
То преклонит взор плачевно, то взметнет как василиск.

Рошак отдал приказанье: «Прекратите вопрошанья.
Это дело вне познания. Что-то странное есть в ней.
Вот судьба царицы нашей: как напиток в полной чаше.
Что в сравненьи с прочим краше, бог пошлет в подарок ей.

Такова судьба юницы быть подарком для царицы.
Уж она своей сторицей наградит нас. Если ж мы
От нее сокроем чудо, будет горе нам оттуда.
Наказаний будет груда, и угроза нам тюрьмы».

Все мы в этом — согласились. С вопрошаньем не теснились.
И в Каджети воротились, а ее вели с собой.
Мы уж ей не докучали. А она была в печали.
Слезы-жемчуг упали нескончаемой струей.

Я к вождю: «Дай разрешение отлучиться на мгновенье.
В Гуляншаро не именье, всё же некий есть товар».
Разрешил он отлучиться. Здесь пришлось мне очутиться,
А уж дальше как случится». В сказе было много чар.

Как играющим алмазом, пленена была я сказом.
С каждым словом, с каждым разом, как проскальзывал намек,
Узнавала я приметы и угадывала светы.
Призрак, в пламени одетый, был усладой в быстрый срок.

Тут рабу я повелела, чтоб сказал мне сказ свой смело.
Что из тайного предела услышала, слышу вновь.
Вся исполнена вниманья для того повествованья.
В угнетеньи тоскованья чую радость и любовь.

Черных двух рабов имела. Колдование — их дело.
И проворно, и умело невидимкой могут стать.
Я их тотчас призываю и в Каджети отправляю.
«Через вас о ней да знаю. Чтоб недолго пропадать».

Это им — как радость шуток. Путь свершили в трое суток.
И чрез несколько минуток знаю всё о ней от них.
«В путь готовилась царица. С ней высокая денница.
Вся она как огневица. Юный Росан — ей жених.

Таково ее веленье, Дулярдукхт постановление:
«Ныне в сердце огорченье. В сердце пламени огней.
Свадьбу после я устрою. Быть ей Росана женою».
В башне солнце, за стеною. В замке евнух есть при ней.

Путь царицы через море. Но она вернется вскоре.
Путь опасен. Враг с ней в споре. Но с царицей колдуны.
Дома — витязи лихие. Зорки там сторожевые.
Вот пройдет пути морские и вернется от волны.

Город каджи — город крупный, для врага он недоступный.
Там внутри есть свод уступный, в самом городе утес.
И пробраться этим сводом — путь лишь выдолбленным ходом.
Там звезда, что дышит медом золотым пьянящих грез.

В круге мощного оплота три проходят поворота,
И у каждого ворота. Десять тысяч стражей там.
По три тысячи у входа, охраняют путь до свода».
Сердце! Мир тебе невзгода. Где конец твоим цепям?

Автандил, что розой дышит, светлый, эту повесть слышит.
Кто восторг его опишет? В нем лишь радости игра.
Восхваляет сердцем бога: «Довела меня дорога.
Ныне радостного много чья-то молвила сестра».

К Фатьме молвит: «Дорогая, ты душе моей родная.
Речь твоя была живая. Благодарность ты прими.
Но скажи мне о Каджети. Ведь бесплотны каджи эти.
Как же могут здесь на свете представляться нам людьми?»

К этой деве состраданье я узнал, и весь сторанье.
Но ведь женщина — созданье. Что бесплотным делать с ней?»
Фатьма молвит: «Нет, не джины — эти каджи, но единый
Им оплот — скала, стремнины, где в обрывах нет путей.

Имя каджи — лишь прованье: ловки в силе колдованья
И превыше пониманья тесно сплочены всегда.
Невидимые другими, ранят чарами своими.
Кто захочет биться с ними, ослеплен и полн стыда:

Чудеса они свершают, взоры вражки ослепляют,
Ветры, бури поднимают, топят в море корабли.
По волнению морскому вдруг бегут как по сухому.
Тучу выведут, быть грому. Тьма была, ее зажгли.

По такой-то вот причине всех живущих в той твердыне
И прозвали каджи ныне. А у них есть кровь и плоть».
Витязь ей благодаренья говорит: «Мое горенье
Ты смягчила. Восхищенья полон я. Велик господь».

Витязь, слезы проливая, говорит: «Господь, живая
Помощь наша. Ты, смягчая наши муки, в этот час
Нас извел из скорби пленной. Ты, творец неизреченный,
Утешитель несравненный, милосердья полн для нас».

Он за то осведомленье воссылает восхваленья.
Фатъма, полная горенья, хочет счастья своего.
Витязь тайну сохраняет и любить соизволяет,
Фатъма друга обнимает и целует лик его.

В эту ночь она лежала, Автандила обнимала.
В нем охоты к ласкам мало. Мыслит он о Тинатин.
Ненавистны эти ласки. Тайной полон он опаски.
И в безумии, и в сказке сердцем мчится средь равнин.

В Автандиле скрытно горе, но струятся слезы в море,
В черной бездне, на просторе, там агатовый челнок.
Мыслит: «С розой был для милой. Соловей был с звонкой силой.
Здесь же ворон я унылый и над грязью одиноку».

Слезы так упорны в силе, — даже камень бы смягчили,
Их агаты запрудили, — пруд средь розовых полей.
Фатъма сердцем веселится, ей желанно усладиться.
Роза — вот, вороне мнится, что ворона соловей.

Светом брезжит день алмазным. Солнце видит луч свой грязным.
За оконченным соблазном искупать спешит себя.
Для него у ней готовы и тюрбаны, и покровы.
«Всё, что хочешь, чернобровый! Всё отдам тебе, любя».

Автандил сказал: «Предела всё достигло. Нынче смело
Лик явлю и молвлю дело». Износил он вид купца.
Будет он вдвойне богатый в красоте, надевши латы.
Лев, к прыжку с земли подъятый, с солнцесветлостью лица.

Фатъма друга проводила. Вновь к обеду Автандила
Ждет. Пришел. И всё в нем мило. Этот новый странный вид.
Не в купеческом покрове, люб ей светлый витязь внове.
«Сколь достоин ты любви. Так ты лучше», — говорит.

Полон силы, полон света. Фатьме нравится все это.
От него ей нет ответа. Улыбнулся про себя.
«Видно, просто не признала». И она его желала.
Но забылся с ней он мало, хоть влекла его, любя.

Вот поели. С ней простился, и к себе он возвратился.
Он слегка вином упился. Лег, и весел он во сне.
Час вечерний — пробужденье. Луч его — в полях горенье.
Шлет он к Фатьме приглашенье: «Я один. Приди ко мне».

Вот она в его покое. Тоскование такое
Слышит витязь: «Тем алоэ я убита в неге грез».
Всю зажженную к томленью, преклонил се к сиденью.
И ресницы пали тенью на цветник воздушных роз.

Автандил сказал: «С тобою, Фатьма, был я. Что открою,
Этим будешь как змеею ты ужалена сейчас.
Но узнай прямой и проще: есть влиянье нежной мощи.
Я убит агатной роцей, что растет вокруг черных глаз.

Мнишь, что я из каравана главный. Я ж у Ростевана
У царя за атамана, главный вождь его дружин.
Все войска его за мною людной вмиг пройдут волною.
И над всей его казною я верховный господин.

Знаю я, что друг ты верный, без предательства в примерной
Службе будешь достоверной. Царь имеет дочь одну.
Это солнце, свет медвяный. Ей зажжен я, ею — рьяный,
Ей в иные послан страны. Бросил я мою страну.

Эту деву, что имела здесь, — до крайнего предела
Я ищу, блуждая смело, это солнце между дев.
Будет найдена влатая, в честь того, кто, ей сгорая,
Знает бред, себя теряя, ей сраженный, бледный лев».

Автандил весь сказ зажженный рассказал. В нем был взметенный
Тариэль испепеленный в шкуре тигровой своей.
Молвил Фатьме: «В то мученье ты бальзам прольешь смягченья,
Дашь ресницам тем смиренье, что как ворон близ очей.

Помоги же мне немного. Путь теперь идет отлого.
Пусть им будет в нас подмога. В звездах радость быть должна.
Нам хвала. Мы этой новью будем им живою кровью.
Тем, что связаны любовью, встреча будет суждена.

Пусть колдун твой лик свой явит. Пусть в Каджети путь направит.
Знать ей всё он предоставит, что мы сами знаем здесь
Эта дева не преминет весть нам дать, свой луч докинёт.
Бог захочет. Горе минет. Каджи край сразим мы весь».

Фатьма молвит: «Богу слава. Иль я ныне в сказке, право?
Так всё это величаво, — день с бессмертием сравнен».
Черный знахарь, ворон в цвете, вял приказ: «Иди к Каджети.
Сам с собой всегда в совете, путь найдешь, хоть долог он.

Превратишь свое ты знанье в чародейное деянье.
Погаси скорей сгоранье. Я устала от огня.
Солиду явишь излеченье». И в ответ его реченье:
«Завтра точное свершенье. Всё узнаешь чрез меня».

Послание Ратбиби к Нестан-Сареджан

Фатъма так сложила строки: «О звезда, чьи сны высоки.
Солнце мира. Свет в потоке. Ты, кому грустящих жаль.
Ты, красивая в реченьи. В звучном слове, словно, в пеньи.
Ты — в одном соединеньи огонь рубина и хрусталь.

Ты мне вести не послала. В сердце грусть была как жало.
Правду всё же я узнала. Тариэль тобой сожжен.
Он безумен. Утешенье ты пошли из отдаленья.
Да придет к вам единенье. Ты фиалка, роза он.

Побратим его здесь смелый, Автанцил, в боях умелый.
Из Арабии в пределы этих мест — он за тобой.
Не оставь его без вести. Он достоин этой чести.
Будем радоваться вместе на ответ премудрый твой.

Раб доставит строки эти. Напиши же нам в ответе,
Что там нового в Каджети? Каджи все пришли домой?
Сколько всех бойцов, скажи нам. Счет хотим мы знать дружинам.
Кто там стражи, опиши нам. Кто там вождь сторожевой?

Всё, что знаешь, то и это, заключи в слова ответа,
Знак желанный для привета ты любимому пошли.
Всё, что знала ты страданья, обратится в ликование.
Тех да будет сочетанье, что друг к другу подошли.

Фатьма строки завершила. Колдуну письмо вручила.
«Той, в ком солнечная сила, ты послание вручишь».
В плащ зеленый, как в горенье изумрудного свеченья,
Он облекся, и в мгновение улетел превыше крыш.

Камнем, брошенным из сети, долетел он до Каджети.
Всё уж в сумеречном свете утопало в этот час.
Как окутан смутным дымом, он прошел толпой незрмым.
Он донес очам любимым свет любовно ждущих глаз.

Чрез замкнутые ворота, будто вдруг их отпер кто-то,
Он прошел — и где забота? Он пред солнечной стоит.
Черный раб и волосатый, был он страшен ей, косматый.
Пал шафран на цвет богатый. Роза в страхе. Грустный вид.

Но, ее он утешая, говорит: «Здесь весть не злая.
Я от Фатьмы, поспешая, приношу тебе привет.
Вот прочти ее посланье. Солнце вновь пусть льет сиянье,
И причин для увяданья у прекрасной розы нет».

Свет красивейших миндалин, взор очей ее печален,
Но опять горит кристален и дрожит агат ресниц.
Дал ей раб своей рукою то посланье. И с тоскою
Прочитала. За слезою слезы жарко пали ниц.

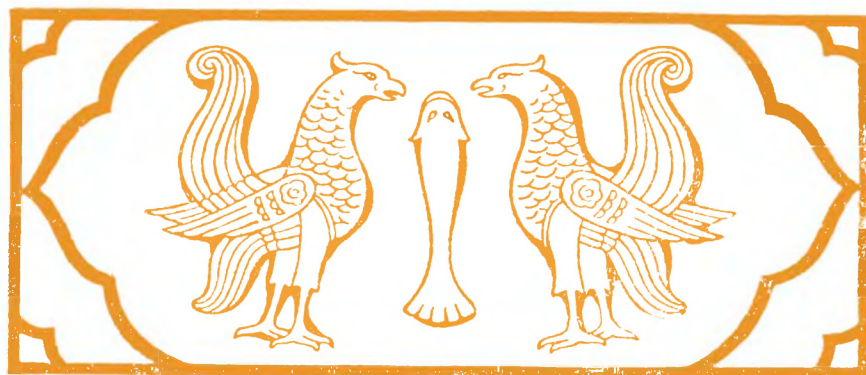
Говорит рабу золотая: «Кто узнал, что я живая?
Отыскать меня желая, хочет кто придти сюда?»
Тот ответил: «Я дерзаю отвечать лишь то, что знаю.
Нет тоске конца, ни краю с дня, когда ушла звезда.

С сердцем, копьями пронзенным, по ночам, с тех пор бессонным,
Фатьма плачет, повторенным током слез поит моря.
О тебе ей весть я прежде приносил. Но путь к надежде
Был закрыт. Усталой вежде лишь теперь зажглась заря.

Витязь смелый и красивый к нам пришел. Он цвет над нивой.
О тебе красноречивый слышал полностью рассказ.
Он герой и он целитель, твой он будет избавитель,
Всех обид твоих отмститель, я же вестник в этот час».

Так красивая сказала: «Всё здесь правда, лжи здесь мало
Всё же, Фатьма как узнала, кто меня умчал сюда?
Верно, он, кем зажжена я, помнит, думает, вздыхая.
Напишу. Скажу, как злая здесь томит меня беда».

Послание Нестан-Гареджан к Ямбуе

Солнцеликая, тоскуя, мать моя, тебе пишу я.
Ты достойна поцелуя, лучше ты ко мне, чем мать.
Вот смотри, судьба какая. Я пред ней, главу склоняя,
Как раба. Но весть благая даст мне сил в страданьи ждать.

Упасла от чародеев ты от двух меня злодеев.
Но теперь в гнезде я змеев. Каджи — целая толпа.
Царство целое — мне стража. Ни пойти, ни глянуть даже.
Я бежала — но куда же? Я была тогда слепа.

Что скажу еще в ответе? Я живу как бы в запрете.
Не пришли еще в Каджети каджи, нет здесь и царя.
Но меня хранят дружины. Все они, как исполины.
Не спасись мне от кручины. Не придет ко мне заря.

Ах, искать меня напрасно. Кто идет, горит он страстно.
Им владеет полновластно окружение огня.
Солнце видел он однако. Не живет, как я, среди мрака.
Я ж в местах, где нет ни знака, что спасенье ждет меня.

Раньше я не говорила, как моих терзаний сила
Сердце всё мое пронзила. В муке пряталась моей.
Убеждаю, говорю я, о возлюбленном тоскуя,
Не искать меня, молю я. Извести его скорей.

Страшно горе роковое. Да не будет больно вдвое.
Видеть счастье живое. Видеть смерть его — увы!
Мне помочь здесь невозможно. Это знаю я неложно.
Воля рока непреложна. Не поднять мне головы.

Просишь знак послать привета. Вот ему отдай же это.
Лоскуток, намек, примета, от подарка от его,
От желанного покрова, он мне здесь как ласки слова.
Утешения другого нет мне здесь, и всё мертво.

Послание Нестан-Сареджан
к возлюбленной ее

«Плача, с дрожью поцелуя, въздыхая и тоскуя,
Вот любимому пишу я. Кто любимую зажжен,
Кто, простившись с бирюзкою, распален в огнях грозною,
Он единственной слезою той любимой освежен».

Слов закончено течение. Кто постигнет их значение,
В сердце примет он пронзение. Розы дух излился весь.
«О мой милый! Я писала. И пером мне было жало.
Как чернила, кровь бежала. Закрепилось сердце здесь.

Что есть мир, ты видишь, милый. Весь простерся он могилой.
Самый свет — мне мрак унылый. Я стенаю здесь, скорбя.
Мудрый видит смысл мирского. Шаткость счастья в нем основа.
Ах, как трудно, как сурово жить, любимый, без тебя!

Милый мой! Ты видишь, бремя. Кто-то злой здесь сеял семя.
Перекрученное время между нами как стена.
Нет тебя, и всюду дымы. Где твой путь неисследимый?
Сам ты знаешь всё, любимый. Только в сердце глянь до дна.

Это горе как я скрою? Сердце порвано тобою.
Без тебя с своей борьбою сердце может ли дышать?
Жив ли ты, ведь я не знала. Тьма кругом не отвечала.
Но напрасно тьма молчала. Ты сорвал ее печать.

Ныне знаю, солнце живо. Силен бог, и я счастлива.
Я смиренная как нива. Грусть светла. Тебя люблю.
Ты живешь — и мне довольно. Сердцу больно и не больно.
Я любовь взрастила вольно. Я любовь мою кормлю.

Милый мой! Рассказ мой длинный. Речью связной и картинной
Расскажу ли путь пустынный, где вела меня судьба?
В Фатьме было мне спасенье от волшебного плененья.
Ныне вновь судьбы веленье, чтоб была я как раба.

Рок велел, чтоб в нашей доле горе к горю, боли к боли
Накоплялись и в неволе мы томились долгий срок.
Беды — рост морского вала. Снова к каджи я попала.
Всё, в чем мы узнали жало, присудил нам это рок.

В замке я сижу высоком. Глубины не смеришь оком.
Не проникнешь ненароком, — всюду стражи, их не тронь.
Днем и ночью к смене смена. Охраняют путь из плена.
Все пред ними словно пена, — облакают как огонь.

Ты не думай, что такие все они, как и другие.
Я терплю терзанья злые, — да не встречу больше зла.
Если ты с мечом предстанешь, если ты убитым глянешь,
На-смерть ты мне сердце ранишь. Будь же твердым как скала.

Отрекись! Луна золотая всё равно твоя, сияя.
Я у самого здесь края скал, — камням себя предаю.
Только верность не нарушу. Брошусь, как волна на сушу,
И, тебе предавши душу, улечу я к небесам.

За меня моли ты бога, чтоб смягчился он немного,
И откроется дорога до желанья моего.
Даст он крылья, полечу я, на пресветлое взгляну я,
Взором жадным тону я в солнце, в золоте его.

Без тебя не будет солнца, ибо ты частица солнца.
Здесь есть светлое оконце. В зодиаке светит Лев.
Там тебя я видеть буду, там прильну к тебе, как к чуду.
В смерти эту жизнь избуду и зажгусь тобой, сгорев.

Смерть уж больше не страшна мне, коль в тебе она дана мне.
В сердце я, как в крепком камне, заперла мою любовь.
Колыхаться я не стану. Но не множь за раной рану.
Если жить я перестану, сердце скорбью не суровь.

Пусть же в Индию дорога поведет тебя. Не много
Сил в отце. Ему подмога будешь ты в борьбе с врагом.
Он грустит, в тоске немея, обо мне. Его, жалея,
Ты утешь. А я здесь, рдея, буду плакать об одном.

Все судьбинны огорченья. Рок пошлет им завершенье.
Правда есть в его решеньи. Сердце с сердцем — как звено.
Через тебя, тобой дышу я. Для тебя в плену умру я.
Но пока еще живу я, о тебе скорбеть дано.

Вот тебе как знак, как слово, лоскуток. Он от покровы,
Что от друга дорогого получила в сладкий час.
О любимый! Дар желанный — всё, что есть мне в скорби странной.
Колесо тоски туманной повернулося на нас».

Вот письмо она свернула, где печаль переплеснула.
И с очей слезу смахнула. И обрезала кайму
От покрыва. Дух небесный от волос исшел чудесный,
Волос к волосу так тесно веял воронову тьму.

Отбыл раб. В одно мгновенье — в Гуляншаро. Достиженье
Не узнало промедленья. Он пред Фатьмой. Автандил,
Видя, как его дорога до желанного порога
Довела, сердечно бога, как разумный восхвалил.

Фатьме молвил: «Так стремленье довело до завершенья.
В чем возможно награжденье? В этом медлю я пока.
Не в другом. Нет больше срока. Буду с ним в мгновенье ока.
Каджи всех, решеньем рока, поразит его рука.

Фатьма молвила: «Могучий! Пламень вдвое ныне жгучий!
Без тебя как лес дремучий будет жизнь. Но не жалей.
А не то сойду с ума я. Если каджи сила злая
Подойдет, оплот скрепляя, будет вдвое вам трудней».

Он позвал рабов Фридона. «Мы здесь знали звуки стона.
Были трупы. Ныне — звона животворного волна.
Весть, которой ждали, с нами. Посмеемся над врагами.
Страх промчится их рядами. Мощь их будет сражена.

С этой вестью поспешите. Всё Фридону расскажите.
Туго, крепко свиты нити. Нагоняю цель мою.
Сильный голос силен в кличе. Я лечу дорогой птичкой.
Всей богатою добычей вы владейте. Отдаю.

Долг велик, скажу по чести. Но когда с Фридоном вместе
Будем, я не словом лести — делом долг отдам сполна.
Ещё, владели чем пираты, вам даю как часть отплаты.
Дар еще вам дам богатый, да не здесь моя казна».

Тот корабль, что ведал волны, а теперь стоял безмолвный,
Всех вещей красивых полный, слугам верным отдал он.
Полноценное даянье. «Вот мое еще посланье.
В нем прочтет повествованье побратим и друг Фридон».

Послание Автандила к Фридону

Он писал: «Фридон высокий! Царь царей и львиноокий!
Солнце! Ток лучей широкий! Знак от бога! Блеск побед!
Расточитель вражьей крови! Слушай голос светлой нови.
Брат твой младший — звук любви — дает дальний свой привет.

Знал довольно я смятенья. За упорное стремленье
Получил и награжденье. Воплотился помысел мой.
Я узнал о той, в чьем взоре светит солнце, тают вори,
Мысль о ком лелеет в горе лев, сокрытый под землей.

Так. В плену она, в Каджети. Взяли солнце каджи эти.
Быть за это им в ответе. Шутка мне пуститься в бой.
Из нарцисов — дождь кристальный. Роза вся в росе печальной.
Каджи в край сокрылись дальный. Но бесчисленен их рой.

Сердцем радуюсь той вести. Час не слез, а верной мести.
Там, где ты и брат твой вместе, трудность пала, даль светла.
Силой вашего хотенья достоверно достиженье.
Кто восставит вам боренье? Не преграда вам скала.

Прочь ведет меня дорога. Снизойди. Пожди немного.
Стережет враждебность строго ту плененную луну.
Но примчимся мы, ликуя. Не томиться ей, тоскуя.
Что тебе еще скажу я? К брату брат — волна в волну.

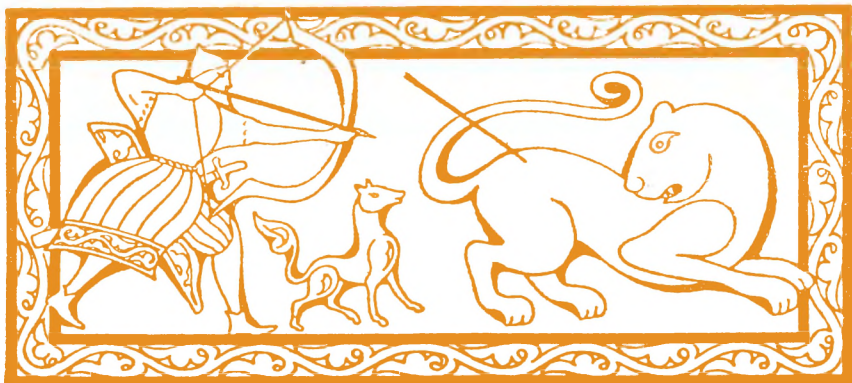
Верность слуг твоих — громада. Слышать это — будет рада
Мысль твоя. А им награда быть высокая должна.
Кто с кем вместе, примет сходство. С благородным — благородство.
Явно здесь твое господство. Доблесть сильного видна».

Слов изящных ценный слиток, чувств своих излив избыток,
Он свернул скрепленный свиток и рабам Фридона дал.
На словах сказал, что нужно, синевласый, — с розой дружно,
Рот его сверкнул жемчужно, свет коралловый в нем ал.

Грустен миг разлуки смутной. Вот он в горести минутной.
Но, найдя корабль попутный, он свершит мечты свои.
Солнце с ликом полнолунным, он пойдет путем бурунным.
Плачет Фатьма гласом струнным. Кровь и слезы льют ручьи.

Все твердят ему с слезами: «Что ты, солнце, сделал с нами?
Жег нас жаркими огнями. Для чего ж ввергаешь в мрак?
Праздник мучает, кончаясь. Мы здесь умерли, отчаясь.
Схорони нас, разлучаясь. Схоронил уж нас и так».

Сказ о том,
как отбыл Автандил из Зулянишаро
и встретился с Мариэлем

Вот плывет корабль в просторе. Автандил проехал море.
Радость светится во взоре. Будет счастлив Тариэль.
Скоро кончится тревога. Верный путник хвалит бога.
Необманчива дорога, и уж близко светит цель.

Лето светит изумрудом. Веет ветер с тихим гудом.
Скоро розы нежным чудом розоликому мелькнут.
Солнце путь переменяло. Стройный едет, млеет сила.
Кипарис вздохнул, — так мило видеть розы там и тут.

Их не видел с давних пор он. Гром прокаркал, словно ворон.
Дождь пролился, прахи стер он, охрусталил ширь долин.
Розы-губы с поцелуем к розам льнут, и он, волнуем
Грезой, шепчет: «Мы здесь чуем диво-розу Тинатин».

Но, о друге помышляя, вот слеза и вот другая.
К Тариэлю поспешая, едет, слышен стук подков.
Всё пустынно, дико, серо. Если ж лев или пантера
Рыкнут, — сила в нем и вера, — бил их в чаще тростников.

Он пещеры замечает. Взор их тотчас же признает.
Рад, но всё же размышляет: «Побратим и друг мой здесь.
Заслужил я с ним свиданье. Вдруг не выйдет? Вновь страданья.
И напрасно ожиданье. Труд тогда погибнет весь.

Если ж здесь он, верно, ныне не в пещере. По равнине
Ход дает своей кручине, в поле мечется, как зверь.
Посмотрю за тростниками». Даль он меряет глазами.
И послешными шагами конь, свернув, идет теперь.

Вот опять пустился скоком. На просторе на широком
Весел. Песня. Ненароком — солнце в полной красоте.
С ликом ярким и горящим Тариэль с мечом блестящим
В тростниках блуждал по чащам и застыл на их черте.

Он стоял как в землю врытый. Лев пред ним лежал убитый.
Кровью львиною омытый, меч горел в руке его.
Зов услыша Автандила, вздрогнул он, проснулась сила.
Побежал. Увидеть мило брату брата своего.

Светлый миг развеял думы. Соскочил с коня любимый.
Обнялись побратимы. Шея к шее нежно льнет.
Точно что-то их сковало. Цель близка, слабеет жало.
Роза розу целовала. В поцелуйном звуке мед.

Тариэль истаял в стогах. Но как луч сияет в кленах,
Он, в словах резных, точеных, сердцу дал явить свой свет.
Возвещает тополь стройный: «Ты со мной, — и муки знойной.
Восьмикратной, беспokoйной, в озаренной мысли нет».

Отвечая сердцу эхом, Автандил исполнен смехом.
Манит друга он к утехам. Зубы светятся лучом.
Молвил: «С вестью я желанной. Роза, луч приявши жданный,
Снова глянет осиянной. Не печалься ни о чем».

Тариэль сказал: «Отрада — быть с тобой. Ты радость взгляда,
Больше мне услад не надо. А прольет господь бальзам,
Будет божье утешенье. Ты же знаешь изречение:
В чем небесное решенье, предоставим небесам».

Видя это в Тариэле, что в печали он как в хмеле
И что вести в нем не пели, Автандил спешить решил.
Вынул он кайму покровы той, в ком вечно розы снова.
Тариэль глядит. Ни слова. Дрогнул. Вмиг ее схватил.

Почерк он признал посланья. В лоскутке прочел признание.
И к лицу он, без дыханья, прижимает талисман.
Дух ушел. И, онемелый, скошен, пал он розой белой.
Скорби той отяжелелой сам не снес бы Саламан.

Вот лежит он бездыханный. Автандил к нему с желанной
Речью. Тщетно. Обаянный острой мыслью, он сражен.
Что слова тому, чье рденье до черты дошло горенья?
Знак ее был знак пронзенья. Весь он пламенем сожжен.

Пред бедою неминуемой Автандил в печали жгучей.
Слышен стон его певчий. Рвет он волосы свои.
Сжал персты — алмазный молот, им рубин лица расколот.
В сердце страх и в сердце холод. Щек кораллы льют ручьи.

Сам себе лицо он ранит. Кто же помощь здесь протянет?
Мыслит: «Разве мудрый станет так испытывать огонь?
Как безумный поступил я. В жар смолы горячей влил я.
Лишком радости сразил я сердце. Сердце так не тронь».

Друга я убил и брата. Мне за то какая плата?
Торопливостью измята нежность тонкая души.
Разве можно безрассудным доводить быть в деле трудном?
Медлен будь. Явись хоть скудным, но и с благом не спеши.

Тариэль лежит, как сонный, непробудно — как спаленный.
За водою, огорченный, витязь шествует, один.
Видит льва и видит, хмурный, лужу львиной крови бурной.
Грудь, как камень он лазурный, омочил — и стал рубин.

Тариэль от крови львиной, словно тронут скользкой льдиной.
Дрогнул. Глянул взор орлиный. Он раскрыл свои глаза.
Смог присесть. Но были сини эти пламени пустыни, —
Месяц бледный на долине, где возрастает бирюза.

Прежде чем придут морозы, цвет роняя, вянут розы.
Лето жжет, в них гаснут грезы — нет целительных дождей.
Жар сжигает, холод студит. Там и тут терзанье будет.
Но на ветках ночь пробудит звонкой песней соловей.

Тариэль глядит в посланье. Он читает начертанья.
Он безумеет. Рыданье жжет. Не видит ничего.
Слезы глаз в завесу слиты. Свет как мрак стал ядовитый.
Авандил встает сердитый. Резко стал бранить его.

Молвил словом осужденья: «Нет, такое поведенье
Недостойно уваженья. Нам — улыбки ткать для дней.
Встань. Идем искать златую, солнце сердца. Ту живую
Приведешь ты к поцелую. Я тебя увижу с ней.»

Были в мраке, ныне в свете. Счастье плет нам ласки эти.
И направимся в Каджети. Путь укажут нам мечи.
Спины каджи будут ножны. Дух наш будет бестревожный.
Путь осилим невозможный. Встанет враг, — его топчи».

Тариэль взглянул светлее. Не страдает больше, млея.
Поднял он глаза. В них, рдея, черно-белых молний свет.
Как цветы идут вдоль пашен, так улыбкой он украшен.
Счастлив дух, с небесных башен увидав любви привет.

Автандилу — восхваленья. Говорит благодаренья.
«Где подобное уменье и успех еще нашлись?
Ключ был горный на вершине, им поишь ты цвет в долине.
Слезный пруд не нужен ныне, без него цветет нарцис.

Не смогу найти отплаты. Бог заплатит, он богатый.
Мощен трон его подъятый. Даст с высот тебе наград.
На коней своих воссели. К дому. Радовались. Пели.
Наконец-то, в самом деле, нужно дать поесть Аснат.

А Аснат, полуодета, у пещеры. В дымке света
Тариэль, конечно, это? И на белом на коне
Витязь тот с осанкой львиной. Едут, близятся равниной.
С звонкой песней соловьиной. Или это всё во сне?

Возвращался он доселе не таким. В глазах блестели
Капли слез. О чем запели? Отчего их звонкий смех?
Голове тут закружиться. Встала, думает, боится.
Точно пьяной, всё ей снится. Ведь вестей не знает тех.

Увидав Аснат, вскричали, зубы в смехе показали:
«Гей, Аснат! Прошли печали. Божья милость нам сошла.
Знаем мы, где солнце скрылось, та луна, что нам затмилась.
Что желали, совершилось. Грусти нет. Душа светла.»

Автандил с коня спустился. Пред Аснат он очутился.
С гибкой веткой веткой слился. Обнял он ее рукой.
А она лицо и шею целовала. «Что же с нею? —
Вопрошает. — Плачу, млею. В чем рассказ желанный твой?»

Показал он ей посланье, той красивой начертанья.
Словно в них луна сиянье бледно льет, увидев день.
«Вот взгляни. Была тревога. Но теперь ее немного.
К солнцу нас ведет дорога. Мы легко содвинем тень».

На письмо Асмат смотрела. Задрожала, побледнела.
Говорит она несмело, навождения страшась:
«Я ушам своим не верю. Что сказал ты? Ту потерю
Я с находкой нашей мерю. Весь ли — правда твой рассказ?»

Был ответ ей Автандила: «Да, нам радость засветила
Там, где тьма была как сила, а теперь горит заря.
Тени более не тени. Ночь окончилась мучений.
Зло слабей в игре борений. Благо шествует, творя».

Царь индийский улыбался и с Асмат он обнимался.
Всяк и плакал, и смеялся. Точно вороновый хвост,
Росы свеяли ресницы. Розы щек, что свет денницы.
От людской идет станицы вплоть до бога верный мост.

Вознесли ему хваленья. «Благи, бог, твои решенья.
Не судил уничтоженья голос твой рабам твоим.
Мудр и благ ты свыше меры». И от солнца в сумрак серый
Есть пошли они в пещеры, и Асмат служила им.

Тариэль промолвил другу: «Окажу тебе услугу.
Не одну тебе кольчугу, и другое покажу.
В дни, когда в жестоком гневe здесь избил толпу я деви,
Предрешил я жатву в севе, — этим кладом дорожу».

Те волшебные чертоги, что в утесы врыты, строги,
И сокровища в них многи. До сих пор их не взломал».
Тот доволен. Слово — дело. И Асмат уж не сидела.
Сорок входов вскрыли смело. За волшебным залом зал.

В каждом зале клад богатый. Самоцветы, ароматы.
И такие жемчуг-скаты, как огромные мячи.
Источенные узоры. Тут и там резьба, уборы.
Золотые слитки — горы, груды злата льют лучи.

Тот дворец, от духов взятый, был добычею богатой
Полон весь. Горели латы. Верно, бились здесь и встарь.
Также вырублен был новый для оружия шкаф кленовый.
Рядом с ним стоял суровый, запечатан, тяжкий ларь.

Был он с надписью, гласящей: «Здесь доспехи. Строй блестящий.
Шлем, нагрудник, меч, разящий сталь, как мох, игрой своей.
Если каджи — рой несметный, сила деви — гром ответный.
Кто откроет ларь запретный, убиватель он царей».

На ларе печать сломили. Три убора находили,
Чтоб трем витязям быть в силе, полный был запас во всем.
Шлемы с крепкими бронями, нарукавники с мечами,
Изумрудами, как в храме, всё горит живым огнем.

Каждый был в своей кольчуге. Каждый видел брата в друге.
Шлем с цепочкой скреплен в круге. Меч железо бьет в ничто.
Уж они его ценили. С чем сравнить в красе и силе?
Никому б не уступили. Меч такой найдет ли кто?

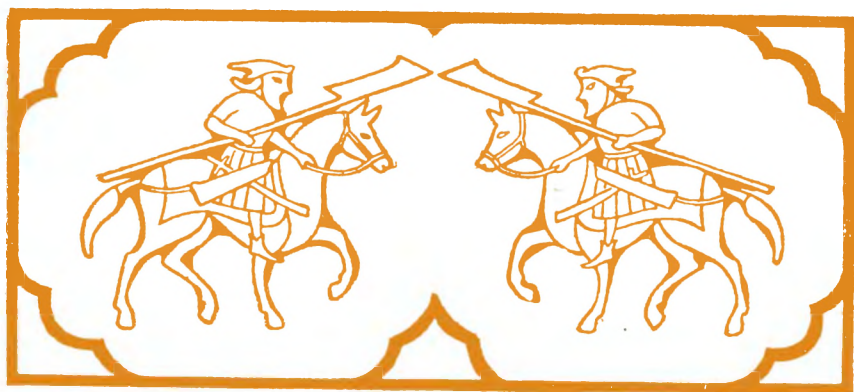
«В этом, — молвили, — примета, что для боя мысль одета.
Глаз господень взором света нам сияет на пути.
Два убора, каждый, взяли. И еще один связали.
Улыбаяся, сказали: «Чтоб Фридону поднести».

Взяли кое-что из злата. Взяли также жемчуг-ската.
Вновь хранилище объято, запертое, тихим сном.
Авандил сказал: «Отныне меч в руке. И не пустыне,
Понесу его к твердыне, не замедлясь ни на чем».

Вот, художник, пред тобою — побратимы, и судьбою
Каждый венчан со звездою, — звезд любовники они.
Каждый в славе, в ярком свете. И когда пойдут в Каджети,
Копья в копья, братья эти распалят в сердцах огни.

Сказ о том,
как отправились Маризаль и Автандил
к Уридогу

В путь отправились с зарею. И Асмат берут с собою.
На коне за их спиною — к Нурадиновой стране.
Там еще коня купили. Ценным влатом заплатили.
Им вожатый — в Автандиле, знает этот путь вполне.

Вот знакомая равнина. Видны кони Нурадина.
У индуса-властелина мысль такая — он ведь юн:
Говорит он Автандилу: «Ну-ка, явим нашу силу.
За кобылою кобылу, будем гнать его табун».

Весь табун перед собою мы погоним. С вестью тою
Пастухи — к нему, он — к бою, чтобы кровь пролить скорей.
Глянь налево и направо, это мы. Веселым — слава.
Если добрая забава, с ней и гордый веселей».

Хвать они коней отборных. Пастухи огней доворных
Свет зажгли и до проворных кличут: «Витязи, зачем
Здесь разбоем заниматься? Есть хозяин. С ним встречаться,
И с его мечом спознаться, не вздохнувши будешь нем».

Вот взялись они за стрелы. Пастухи бегут, несмелы.
Кличет рой их оробелый: «Убивают, грабят нас!»
Зов за зовом, крик за криком, и в смятении великом
Пред Фридоном, с бледным ликом, возвещают свой рассказ.

Вмиг Фридон вооружился, в строй он бранный нарядился,
На коня, и вскок пустился. На полях войска и крик.
Солнцеликих и морозом не спугнешь. Спешат к угрозам.
Смех скользит по скрытым розам. Под забралом спрятан лик.

Вот на поле на зеленом Тариэль перед Фридоном.
«Да, готов он к оборонам, это вижу», — говорит.
Поднял шлем, а сам хохочет: «Что Фридона сердце хочет?
Битву он гостям пророчит. Ну, хозяин! Добрый вид».

Тут Фридон с коня проворно. Также те. И вмиг повторно
Обнимались. Не заorno и лобзание друзей.
Целовались. Радость — в боге. И ему хваленья многи.
И вельможи к ним не строги, в этой радости своей.

Говорил Фридон: «Скорее ждал я вас. И в чем затея
Будет ваша, не робея и не медля, весь я ваш».
С солнцами двумя согласный, мнилось, месяц там прекрасный.
Лик до лика — образ ясный. Радость трех цветочных чаш.

В дом нарядный едут трое. Сели в царственном покое.
Тариэль на золотое сел покрытие, пышный трон.
Автандил садится рядом. Строй доспехов, радость взглядам,
Бранным надобный отрадам, получил от них Фридон.

Отвечали: «Мы дарами скудны здесь, и нет их с нами.
Но богатыми огнями засияют в должный час».
Но Фридон к земле склонился, в благодарности излился:
«Этот дар мне полюбился. Он вполне достоин вас».

В эту ночь им отдых жданный. Баней тешатся желанной.
Ткань с красюю необманной — красоте их молодой.
Им Фридон дает наряды. Их глаза подаркам рады.
Крупный жемчуг тешит взгляды. Яхонт в чаше золотой.

Молвит: «Я не краснобаен. Буду я плохой хозяин.
Но скажу: не чрезвычайен должен быть вам отдых здесь.
Медлить — скудная затея. Если каджи нас скорее
Будут там, и нам труднее будет сбить с них эту спесь».

Что нам людные дружины? Малый строй с душой единой
Будет выводок орлиный. Триста хватит нам бойцов.
Каджи бить — до рукоятки меч вознать в горячей схватке,
Ту найдем, чьи очи сладки превратят нас в мертвецов.

Был однажды я в Каджети. Как придем, твердыни эти
Глянут грозно в вышнем свете. Срывы горные кругом.
Невозможен бой открытый. Не с полком, а с верной свитой
Приходи дорогой скрытой. Проникай туда тайком».

Правда мудрой показалась. Награжденная, прощалась
И одна Асмаат осталась. Триста смелых — на конях.
Все, боец к бойцу, герои. Уж себя покажут в бое.
Смелый в силе — силен вдвое. Бог им помощь. С ними страх.

Вот с победою во взоре пересекли сине море.
То молчат, то в разговоре, едут к цели день и ночь.
Знал Фридон все нити сети. Скоро области Каджети.
Уж теперь не едут в свете. Должен мрак ночной помочь.

В этом был совет Фридона. Да не видит оборона.
Мысль его — как звук закона. Днем коням их отдых есть.
Вон и город. Там крутые всходы скал. Сторожевые
В перекличке часовые. Столько, столько их — не счесть.

Десять тысяч там дозорных у ворот проходов горных
Видят львы. Зубцов узорных свет касается луны.
Так решают, не робея: «Сотня — тысячи слабее.
Но коль путь возьмут вернее, сонмы тысяч сражены».

Сказ о том, как совещались
Фридон, Свтангил и Мариэль
о нападении на твердыню Каскетти.

Говорит Фридон: «Дорога здесь трудна, и нас немного.
Только хитрость здесь подмога. Впрямь на приступ здесь пойти
Может разве что громада. Чуть замкнут, ворот преграда
И твердынь кругом ограда — крепки так, что нет пути.

В дни, которым нет возврата, в детстве, ловкость акробата
Я развил в себе. Со ската прямо прыгнуть я могу.
Если будет здесь веревка, даст возможность мне сноровка
Так по ней взобраться ловко, что сейчас приду к врагу.

Кто, качнувши сильным станом, ловко здесь мелькнет арканом,
Даст начало многим ранам, петлю к вышке прикрепив:
Как по чистому я поляю тело к бегу приневолю.
Там внутри врагов похолою, будет вид у них спесив.

В полноте вооруженья, щит держа без затрудненья,
Словно ветра дуновенье, ринусь прямо на солдат.
И поспешною рукою я ворота вам открою.
Вы же явитесь грозою — там, где будут бить в набат».

Автандил сказал Фридону: «А! Даешь ты оборону.
Смело рушишь ты препону. Львиной хочешь бить рукой.
Знаешь заговор на раны и советы-талисманы.
Но не слышишь — кличут враны, кличет близко часовой.

Ты пойдешь, и звук доспеха стукнет, звякнет, дрогнет эхо,
Вмиг поднимется потеха. Часовые прибегут.
Хоть бы ты взбирался ловко, и у них ведь есть уловка,
Будет срезана веревка. Нам не это нужно тут.

Всё неладно в этом ладе. Так не будешь в крепком граде.
Лучше вот что. Вы в засаде в ожиданьи бранных сеч.
Я ж отправлюсь без опаски, как купец. Сплету им сказки.
А на муле будут в связке — шлем, броня и острый меч.

Не пойдем туда мы трое. Заподозрят в этом злое.
Незамечен и в покое, как купец пройду туда.
Бог поможет мне в успехе. Облекусь тайком в доспехи.
И пойдут тогда потехи. Кровь польется как вода.

Вмиг мечом сниму дозоры. Руки в деле будут споры.
Разломаю все запоры. Вы ударите во-вне.
Как ворота вам открою, вдруг ворветесь вы волною.
Если мыслию иною победим, — скажите мне».

Тариэль сказал: «Геройство — ваше истинное свойство.
В вашем сердце беспокойство не вместится никогда.
Зря ли вам махать мечами? Вы с могучими сердцами.
Вы туда скорей бойцами, где всего грозней беда.

Но и мне пусть выбор будет. Ту, что ум к безумью нудит,
Свалки шум в дворце пробудит, — солнце станет в высоте.
Глянет вниз, там бой могучий. Нет меня в грозе кипучей.
Спрячьте лести звук певучий. Нет, слова напрасны те.

Тут пятно есть. Лучше это нам принять как зов совета:
В самый ранний час рассвета три отряда с трех сторон,
Понесутся наши кони. Будет мниться обороне,
В верном будем мы уроне. Что весь строй наш? Малый он.

Мы же, сильные, не кто-то. Не замкнут они ворота.
Мы уж там. Пойдет работа. Те извне, те изнутри.
Грянем мощным мы тараном. Пусть идут, хоть целым станом.
Счет потерян будет ранам. Всех, кто там, на меч бери».

Говорит Фридон: «Яснее стало всё. Как быть, виднее.
Конь, что был моим, быстрее, чем какой-либо другой.
Если б знал, что может стать, будем к каджи мы врываться.
Я б не стал с ним расставаться. В этом скуп, — уж я такой».

Но словами он такими потешается лишь с ними.
Вот решеньями своими дело сделали видней.
Рады дружеской потехе. Облеклись они в доспехи.
Наигравшись в светлом смехе, вот садятся на коней.

Мысль, что встала в Таризле, так они уразумели,
Приведет вернее к цели. Духом все они легки.
Разделилось три отряда. В каждом — сто, на радость взгляда.
Сердце ковское им радо. Закрепляют шишаки.

Вижу их в сияньи этом. По семи идет планетам
Луч, чтоб их овеять светом. Вкруг героев столб огня.
Так решенное свершая, едет их семья живая.
Всех врагов своих сражая, всех же любящих пьяня.

Вот их образ, вот сравненье: дождь, ниспав на возвышенья
Гор, струит свое теченье, как разметанный поток, —
Но когда, натешась в споре и вдали увидя море,
Он расширится в просторе, он спокоен и глубок.

Автандил — огонь стремленья. Смел Фридон, он — дерзновенье.
С Тариэлем им сравненья всё ж в красе отваги нет.
Солнце светит, — где планеты? И в Плеядах гаснут светы.
Им теперь хвалы пропеты. Гляньте в бурный ход побед.

Трое врат, и смелых трое. С ними войско небольшое:
С каждым сто. Но в этом рое каждый витязем глядит.
Ночью спешные разведки в достижениях были метки.
Луч вари скользнул — до ветки. В путь. У каждого есть щит.

Раньше ехали нестройно и как путники спокойно.
Страху быть тут непристойно. Замыкается кольцо.
Не тревожась, смотрят стражи. Кто они? Занятно даже.
Вдруг помчались в город вражий — и забрало на лицо.

Дрогнул каждый конь, пришпорен. Этот бел, а этот черен.
Стук копыт. Полет проворен. Все в ворота. Смело в бой.
Заиграли барабаны. Звуки флейт и дудок пьяны.
В срывах дрогнули туманы, вдруг прожженные трубой.

Тут излился на Каджети божий гнев. И в солнцесвете
Встал пожар. И были плети — раскаленные лучи.
В колесе небес, в их круге, зрелись огненные дуги.
Пали трупы друг на друге. Смертный сеют сев мечи.

Рубит острый меч, не целя. Как густого полный хмеля,
Грозный голос Тариэля и не раненых мертвит.
Прах пред смелым вражьей брони. С трех сторон ворвались кони.
Топчут в бешеной погоне. К башне быстрый бег их мчит.

Лев Фридон, по вражьи́м силам пролетевши быстрокрылым,
Повстречался с Автандилом. Шлют друг другу звонкий клич.
Их набег увенчан славой. Враг разбит. Поток кровавый.
«Тариэль где величавый?» Взором где его настичь?

Где он? Скрылся как виденье. К башне замка их стремленье.
Там мечей нагроможденье и обломки лезвия.
Десять тысяч обороны мертвы. Еле слышны стоны.
И стекает, крася склоны гор, кровавая струя.

Все изранены, избиты, стражи замка с прахом слиты.
И врата в него раскрыты. Тут и там, со всех сторон,
Где оплот был, были скрепы, ныне смотрят только щепы.
«Буре́й доблестно-сви́репой здесь прошел, конечно, он».

Вот идут готовым ходом. Гул шагов вослед по сводам.
Видят, яд сменился медом, и луне открылся путь.
К солнцу. Змей сражен. Смеются токи света. Кудри выются.
Шлем откинут. Нежно жмутся, шея к шее, к груди грудь.

Две звезды, предавшись чарам, поцелуйным светят жаром.
Скорбь, Зуаль, с борцом, Муштхаром, сочетались в красоте.
Если розы — в окруженьи солнцесвета, вдвое рденье.
Им под солнцем наслажденье, бывшим долго в темноте.

Розы губ повторно слиты. Стебли пальцев перевиты.
Тут и двое верной свиты. Автандил и с ним Фридон.
Вышли. Трое — побратимы. Вот он, солнца лик любимый.
Да пребудут же хранимы те, пред кем глубок поклон.

Нестан-Джар, друзей встречая, светлым ликом привечая,
Блещет солнцем, золотая. Гордый их поцеловал.
И с нарядными словами, вот, стоят перед бойцами,
Что окончили сердцами подвиг тот, что был не мал.

Тариэля восхваляют. Как победный бился, знают.
И себя не умаляют. Всем пристоен звук хвалы.
Им оружие послужило. Меч рубил, кипела сила.
Их стремленье львиным было. Были против львов козлы.

Триста было их вначале. С честью там сто сорок пали.
Хоть Фридону в том печали, всё ж и радуется он.
Разметалась вражья сила. Всем им, злым, нашлась могила.
А уж что сокровищ было, клад не может быть сочтен.

Всё, что было быстрого, — мул, верблюд и конь, — их много.
Взято. пышная дорога. Их три тысячи голов.
Груз оценят властелины. Гиацинты и рубины.
И, чтоб блеск вернуть единый, паланкин уже готов.

Шестьдесят бойцов в Каджети, чтоб хранить твердыни эти,
Оставляют. В ярком свете едут ныне в град Морей.
Путь туда не бесконечный, хоть далекий, но беспечный.
Фатьму видеть — долг сердечный. Нужно им предстать пред ней.

Сказ о том,
как отправился Тариэль
к царю Морей и к Фридоны

До царя Морей, для знания, Тариэль послал посланье:
«Вражьей силы растоптанье, Тариэль, с огнем лица,
Солнце я мое, в расцвете, приношу из тьмы Каджети.
Ты прими приветы эти — в честь родного и отца.

Каджи край — уж мой он ныне. Все богатства и твердыни.
От твоей лишь благостыни здесь заря моя жива:
Фатьма ей была сестрою, больше — матерью родною.
Расплатюсь я как с тобою? Ненавистны мне слова.

Приходи. Твоим здесь краем мы идем и поспешаем.
Я, поспешностью сжигаем, замедляться не могу.
Каджи край и их твердыни от меня прими ты ныне.
Будешь грозным для гордыни, будешь страшен ты врагу.

Речь моя — и до Усена. Ту, в которой блесков смена,
Фатьма вырвала из плена, — пусть же к нам придет, светла.
Кто желанней ей — желанной, ярким солнцем осиянной,
Ярче звезд, как первозданный луч светлее, чем смола?»

Получивши извещение, царь Морей пришел в волнение, —
Весть неожиданная смятенье пробуждает в тишине.
Восхвалил в словах покорных он владыку высей горных.
И не ждал вестей повторных. Вмиг поехал на коне.

Взял даров, и взял не злата, а пригоршни две агата.
Свадьба будет там богата. И уходит караван.
Фатьма с ним. Их путь далекий. Прах взметался поволокой.
В день десятый — свет высокий: лев и солнце, светоч стран.

Царь Морей свой путь кончает. Трое их его встречает.
Каждый, спешась, привечает. Кротко их лобзает он.
Тариэлю восхваленья. С ним она — как озаренье.
Лик, достойный удивленья, весь лучами окружен.

Фатьма в пламени и тает. Вот целует, обнимает.
Поцелуи принимает к лику, шее и руке.
Шепчет: «Боже — пред зарею мрак не властен надо мною.
Буду я твоей слугою. Свет велит молчать тоске».

Обнимает Фатьму дева. Нежно, словно звук напева,
Говорит она без гнева: «В сердце было много слез.
В сердце ночь была бурунна. Но теперь я полнолунна.
Солнце светит многострунно. Роза — вот, и где мороз?»

Медлит царь Морей неделю. Благодарен Тариэлю.
Свадьбе час, любви и хмелю. Счет даров — как россыпь звезд.
Блещет злато с самоцветом. По златым они монетам
Как по праху ходят светом. Золотой до счастья мост.

Кучей там парча с шелками. С гиацинтами-камнями
Тариэлю, словно в храме, злат венец дарует он.
Гиацинты золотисты, в них сияет пламень чистый.
Также царственно-лучистый, вырезной дарит он трон.

И покров, где всё румяно, — свет-рубины Бадахшана,
Гиацинтов алых рана, — он подносит Нестан-Джар.
Дева с юношей, сияя, как гроза там молодая.
Взглянет кто на них, мечтая, — новой страсти в нем пожар.

Автандилу дар богатый, и Фридону жемчуг-скаты,
И седло с красой несмятой, и отличный в беге конь.
И плащи горят огнями, небывалыми камнями.
Молвят: «Ты восхвален нами. Будь богатым как огонь».

Тариэль благодаренье красит ласкою реченья:
«Царь, полны мы наслажденья: мы увидели царя.
Ты неложно царь всесильный. И дары твои обильны.
И сюда дороги пыльны, но мы шли к тебе не зря».

Царь Морей ответом ясным молвит: «Лев с лицом прекрасным.
Смелый, жизнь твоим подвластным, убиватель нежный тех,
Что с тобой живут в разлуке, — к звуку счастья где есть звуки
Как ответ? Я буду в муке: без тебя — и без утех».

Тариэля к Фатьме слово — как от брата дорогого:
«Долг велик, сестра. Такого долга — что придет подстать?
Пышность каджи, клад до клада, всё твое, тебе для взгляда.
Ничего мне здесь не надо, и не буду продавать».

Фатьма кланяется низко. «Кто с тобой, властитель, близко,
Хоть не лик твой василиска, но* в огне он сам не свой.
Я с тобой во власти чуда. Но когда уйдешь отсюда,
Что я буду? Пепла груди. Горе тем, кто не с тобой».

Губы жемчуг распевали, — два лучистые в печали
До царя Морей сказали: «Без тебя нам трудно быть.
Уж не будем забавляться, звуком арфы опьяняться,
В громкой музыке встречаться. Но дозвожь теперь отплыть.

Будь отец нам, наш родитель. Дома нашего строитель.
И корабль нам дай, властитель». Царь ответил: «Что не дам?
Сердце ваше успокою. Буду сам для вас землю.
Коль спешишь, сейчас устрою, сильный, путь-дорогу вам».

И корабль к дороге дальней снаряжает царь печальный,
Наступает миг прощальный. Тариэль — среди зыбей.
Те, объятые скорбями, бьются оземь головами,
Фатьма слезы льет ручьями, умножая глубь морей.

Побратимы, эти трое, поле всё прошли морское.
Слово данное — живое. Клятва их подтверждена.
Отдыхают их доспехи. Им пристали — песни, смехи.
Светы губ горят в утехе, и кристальность в них ясна.

Весть Асмаг идет благая. И в дома вождей другая,
Тех, что, в битве выступая, за Фридоном мчались в бой.
«Он сюда приносит светы, да сияют все планеты.
Будем ныне мы согреты, отдохнем от стужи злой».

Солнце в светлом паланкине. Путь проходит по равнине.
Уж конец пришел кручице. В них веселие детей.
В край пришли они Фридога. Всё цветисто и зелено.
Их родное манит лоно. Слово песни — свет лучей.

Их встречают дружным хором. И Асмаг, блестя убором,
Приковалась нежным взором к солнцу, Нестан-Дареджан.
Утешенье им друг в друге. Кончен долгий путь услуги.
Два цветка в цветистом круге. Миг свиданья верным дан.

И целует, обнимая, Нестан-Джар ее золотая.
Молвит: «Сколько тьмы и зла я принесла моей родной.
Скорбь была неравномерна. Но и благ господь безмерно.
Если сердце беспримерно, где награды взять такой?»

Говорит Аснат: «Хваленья всеблагому. Разуменье
Зрит, что было в тьме стесненья. Роза тут и жемчуга.
Жизнь иль смерть — мне всё едино. Над картинами картина,
Если любит господина сердцем преданным слуга».

Возглашает строй сановных: «Коль в решениях верховных
Бог дарует дней любовных, так восхвалим же его.
Мы в кострах огней сгорали, — лик явил он, нет печали.
Стали близью наши дали. Воскресил он, что мертво».

Целованья и объятья. Царь сказал им: «Ваши братья
Были жертвой. Восхвалять я буду смелых каждый час.
В вечном — жизнь за сновиденьем. С вышним слитый единеньем.
Лик их светит озареньем, лучевым в сто двадцать раз.

И хоть смерть их мне страданье, их бессмертный дар — сиянье,
Век о них воспоминанье. Принял их небесный царь».
Он сказал и плачет нежно. И лицо благого снежно.
Стынут розы, и мятежно веет в цвет — седой январь.

Видя слезы в Тариэле, все мгновенно восскорбели.
Словно стон прошел свирели. И внезапно стихли все.
И промолвили с почтеньем: «Если солнечным ты зреньем
Стал для мудрых, озареньем засветись как луч в росе,

Да пребудет всяк спокоен. Кто же этих слез достоин?
За тебя сраженный воин — он счастливее живых».
И кругом смягчились лики. И сказал Фридон к владыке:
«Были скорби, и велики, — в светлых днях потошим их.

Помоги нам в этом, боже». Автандил сраженных тоже
Восхвалил. «Но для чего же,— молвил,— плакать лишний раз?
Грусти дан был час грустящий. Снова лев с зарей блестящей.
Так смеяться будем чаще, а не слезы лить из глаз».

Весел град Мульгхазанзари. Бьют литавры как в угаре.
Кличут трубы. К нежной чаре много льнет различных чар.
Чу, грохочут барабаны. Медь звучит. Все точно пьяны.
И красавицы, румяны, все сбежались, пуст базар.

И торговцы приходили. Их ряды забыты были.
И порядок наводили стражи с саблями в руках.
Челядь, дети, все толпятся. Тем вперед, а тем податься.
Только б как-нибудь пробраться. «Посмотреть!» — у всех в глазах».

У Фридона Нурадина весь дворец одна картина.
Все рабы — до господина. И на каждом пояс злат.
Всё парчой горит златою. И ковры там под ногою.
И они над головою мечут золото, как град.

Сказ о венчаньи
Маризля и Нестан-Дареджан
Фридоном

Свадьба справлена Фридоном. Честью честь им, с белым тронем,
Словно в брызгах окропленным в желто-красный самоцвет,
Авандилу желто-черный также дан престол узорный.
Ждет толпа. В ней вздох повторный. Вижу, тут терпенья нет.

И певцы там не молчали. Песни льются без печали.
Свадьбу весело сыграли. Был шелков роскошный дар.
Нежный блеск необычаен. Добрый тот Фридон хозяин.
Лик улыбки как изваян в ворожащей Нестан-Джар.

Счет даров сполна ли нужен? Дар с подарком явно дружен.
Девять царственных жемчужин, как гусиное яйцо.
Яхонт также драгоценный, в солнцесвете несравненный,
Ночью в блеске неизменный, хоть рисуй пред ним лицо.

Также дал им ожерелье, чтобы шее быть в весельи,—
Уж какое рукоделье: гиацинты — нить кружков.
Автадилу льву дал чудо,— и поднять-то трудно,— блюдо,
Не пустым унес оттуда это блюдо враг врагов.

Всё хозяин жемчугами уложил его с краями,
И с пристойными словами эта дань дана была.
Весь чертог обит парчою, тканью нежно-золотою.
Тариэль в нему с хвалою, стройно сложена хвала.

Восемь дней, с усладой верной, свадьбы праздник беспримерный.
Ток даров, струей размерной, каждый день им как венец.
И конца нет узорочью. Арфа с лютней днем и ночью.
Глянь увидишь ты воочью: юный — с девой наконец.

Тариэль сказал, смягченный, до Фридона: «Брат рожденный
Ближе быть не мог. Взметенный, ранен на-смерть, по волнам
Я бродил,— явил ты сушу. Клятву сердца не нарушу.
И как дар отдам я душу — брату, давшему бальзам.

Сам ты знаешь Автадила, как его служенье было.
Преисполненное пыла и готово до всего.
Я хочу служить взамену. Положил конец он плену.
Сам пусть знает перемену. Жжет костер,— гаси его.

«Брат,— скажи ему,— милуя, как за службу заплачу я?
Бог, дары свои даруя, света жизни даст твоей.
Коли я твое хотенье не явлю как исполненье,
Не хочу отдохновенья даже в хижине моей.

Будет в чем моя подмога? Пусть — нам смело, с волей бога,
До Арабии дорога. Ты мой вождь, а я твой друг.
Нежных мы смирим речами, а воинственных — мечами.
Ты к своей жене с дарами, иль моей я не супруг».

Чуть услыша Тариэля это слово,— словно хмеля
Вдруг сказалася неделя,— Автандил в веселый смех.
«Мне помощник? Где ж печали? Каджи в плен мою не взяли.
Я не ранен, не в опале. Розе снов — во всем успех.

Солнце светит на престоле. И царит по божьей воле.
Не в Каджети, не в неволе, не во власти колдунов.
Все к ней с лаской и приветом. Помогать ей, что ли, в этом?
Не дождешься тут, с приветом, от меня ты лестных слов.

Если хочет провиденье, так небесные виденья
Принесут мне утешенье в этой огненной печи.
И тогда по смерти буду льнуть я к солнечному чуду.
Счастья здесь искать повсюду,— хоть ищи, хоть не ищи.

Передай ответ правдивый: «Чувства, царь, твои красивы.
Был слуга я твой радивый — прежде, чем я был рожден.
Пусть же я перед тобою буду только лишь землею,
До тех пор, как ты, с хвалою, не получишь царский трон»,

Ты сказал: «Хочу слиянья твоего с звездой сиянья». —
В том благое пожеланье. Но не рубит здесь мой меч.
И не властно здесь реченье. Лучше буду ждать свершенья
От небес и провиденья. Да узнаю радость встреч.

А чего теперь хочу я? Чтоб ты в Индии, ликуя,
Власть на тронах знаменуя, воцарившись, поднял стяг.
И чтоб этот свет небесный, облик с молнией чудесной,
Был с тобой в отраде тесной. И чтоб был сражен твой враг.

Совершится,— жизнь восславлю, и тебя тогда оставлю,
Путь в Арабию направлю. Ближе к солнцу. И она
Мир души моей упрочит. И загасит, коль захочет,
Тот пожар, что сердце точит. Речь, как видишь, не длинна».

Четко всё в словах ответа. Тариэль, услышав это,
Говорит: «Зима не лето. Лета я ему хочу.
Он нашел зарю златую, чем живу и кем ликую.
Жизнь и он пускай живую встретит, мной ведом к лучу.

Той заботой мысль объята. Да явлю в том доблесть брата.
Вот, скажи: «В путях возврата, до приемного отца
Твоего — мне возвращенье. Попросить хочу прощенья
За рабов, их убиенье. Умягчить хочу сердца».

Молви: «Завтра в путь мне нужно. Больше медлить недосужно.
С словом «если» жить содружно — смерть для сердца моего.
Царь арабский — он уважит сватовство мое, и скажет
То, что ум ему прикажет. Буду я молить его».

Весть пришла через Фридона. В этой речи звук закона.
Сердце вновь его спалено. В сердце дым и головни.
«В путь, и тщето промедленье». В сердце витязя боренье.
Так, владыкам — уваженье. Да велят сердцам они.

Автандил пришел смущенный. И коленопреклоненный
Тариэлю, как сраженный, обнимает ноги он.
Говорит он: «Сердцу больно. Пред Ростеном, хоть неволью,
Вин моих уже довольно. Да не буду раздвоен.

Быть хочу односердечным. Ты не сможешь перед вечным
В этом миге скоротечном — правосудным быть сплеча.
В сердце старца-властелина обо мне теперь кручина.
Не могу на господина я, слуга, поднять меча.

Будет тут зерно раздора, между мной и милой ссора,
Из разгневанного взора будет жжение огня.
Без вестей мне быть случится, от нее вдали томиться.
Кто прощенья добиться здесь сумеет для меня!»

Солнцеликий смехом ясным, Тариэль, с лицом прекрасным,
Руку взяв движеньем властным, Автандила поднял вдруг.
«Ты мне сделал всё благое. Чрез тебя мой дух в покое.
Дай же быть счастливым вдвое. Знать, что счастлив брат и друг.

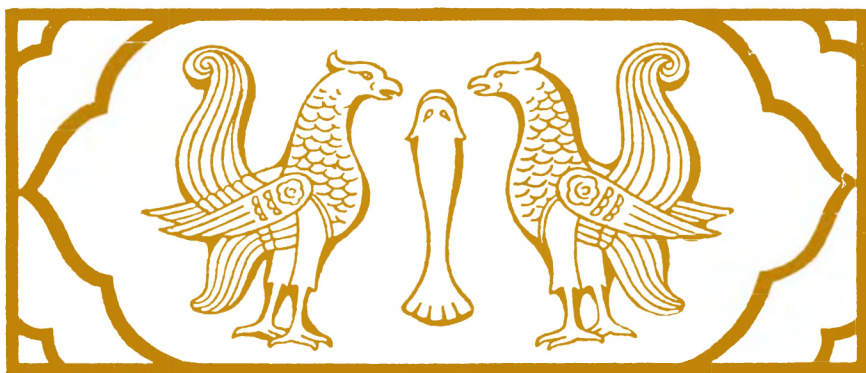
Ненавижу опасенья, в друге чопорность, сомненья,
Лик оглядки, охлажденья. Тот, кто друг сердечный мой,
Пусть меня к себе он тянет, предо мной открыто станет.
Если ж нет, разрыв не ранит, он с собой, а я с собой.

Сердце я твоей желанной знаю в чаре необманной.
Мой приход не будет странный. Чрез меня придет жених.
А царю скажу я разное то, что нужно и приязно.
И желанью сообразно вид желанный встречу их.

Сердце старое покоя, лишь скажу царю одно я, —
Чтоб, чертог блаженства строя, доброй волей отдал дочь.
Если цель есть единенье, для чего ж вам разлученье?
Вам друг в друге озаренье. Нужно вам цвести помочь».

Автандил, увидев ясно, что препятствовать напрасно,
Поступил во всем согласно, с Тариэлем отбыл он.
А Фридон отряд отборный выбрал свитой им дозорной.
Сам он — с ними. Друг беспорный, с ними должен быть Фридон.

Сказ о том,
как снова идет Маризэль в пещере
и видит сокровища

Мудрый Дивнос сокровенья нам явил в словах реченья:
«В боге благо, возрожденье. Не из бога дышит зло.
Злой им в миге укорочен. Ход благого им упрочен.
В совершенстве вышний точен. Вне низин души светло».

Эти львы, всегда живые, эти солнца золотые,
В дали шествуют иные. С ними дева, с ликом зорь.
Крылья ворона синеют. В этих косах светлы млеют.
И рубины щек алеют. Самоцветы с ней не спорь.

Это солнце в паланкине нераздельно с ними ныне.
Вот охота по долине. Кровь течет. Свистит стрела.
Где б они ни проходили, той красе и этой силе
Взоры всех восторг струили, им дары и им хвала.

Словно это свод небесный. Между лун, в семье их тесной,
Солнца лик горит чудесный. Дни пути — и ближе цель.
Между гор, что в мгле как в дымах, для людей недостижимых,
Строй туда идет любимых, где томился Тариэль.

Молвит витязь: «Буду ныне вам хозяин. Там в стремнине
Недостатка нет в дичине. И накормит нас Асмаат.
Поедим, повеселимся, а притом обогатимся.
Мы в дарах здесь не скупимся, многосветел пышный клад».

Спешась, вот идут в пещеры, в тот чертог утесов серый.
У Асмаат дичин без меры. Режет вкусные куски.
Радость. Кончена дорога, где страданий было много.
Восхваляют сердцем бога, — счастье вывел из тоски.

Вот в скалах, через пустоты, чрез иссеченные гроты,
Где сокровища как соты, где печати по дверям,
Всей толпой они проходят. Забавляясь, в залах бродят.
И богатствам счет не сводят. Не воскликнут: «Мало нам!»

Есть для каждого блестящий там подарок подходящий.
Каждый был там предстоящий Тариэлем награжден.
А потом из несочтенных тех сокровищ сгроможденных,
Как из житниц нагруженных, каждый воин наделен.

До Фридона молвит слово: «Хоть бери еще и снова,
Я должник твой, и такого долга — как покрыть объем?
Но, благое совершая, верь — награда ждет у края.
Этим кладом обладая, в царстве им блистай своим».

Воздаст Фридон почтенье и, исполненный смиренья,
Говорит благодаренья: «Царь, я твой, тебя любя.
Ты как в бурю голос грома. Всякий враг твой лишь солома.
Счастье мне тогда знакомо, как смотрю я на тебя».

Повелел Фридон — верблюжий караван доставить дюжий,
Чтоб богатства в час досужий перевезть к себе домой.
И в Арабию оттуда держат путь. Исполнен чуда,
Ветер шепчет весть про чудо. К солнцу месяц молодой.

Долгодневное томленье. Вот из дымки отдаленья
Видны замки и селенья. То Арабия, она.
После дней тоски суровых, для восторгов встречи новых,
В голубых толпа покровях, к Автандилу столь нежна.

Тариэль до Ростевана шлет сказать: «Душа медвяна.
Роза в цвете и румяна. Не сорвал никто ее.
Царь индийский, духом ясный, до Арабии прекрасной
Я дерзнул придти, о властный, пред величество твое.

Вид мой раз в тебе волненье пробудил и раздраженье.
Наложить хотел плененье на меня, и на коне
Гнался. Было то неправо. Вспыхнул гнев во мне как лава.
И налево, и направо смерть рабы нашли во мне.

Потому я пред тобою ныне с прошлою виною.
Грех свой бывший не укрою, — бывший гнев покрыл его.
Я в дарах не благодетель. В этом мне Фридон свидетель.
Дар один принес радетель: Автандила твоего».

Слов где взять мне подходящих, чтоб явить восторг горящих?
В блеске трех лучей блестящих млеют щеки Тинатин.
Задрожавшие ресницы оттеняют свет зарницы.
Под бровями — огневицы. Алым светится рубин.

Чул Литавры. Гул их льется. Смех и говор раздается.
Воин с воином смеется. Под уздцы берут коней.
Седла все в огнях узорных. Много витязей проворных
На конях своих отборных жаждут встречи, будут в ней.

Едет царь, с ним властелины. И вокруг владык дружины,
Словно дружный хор единый. Благодарны богу все.
«Нет у зла существованья. Для благого лишь деанья
Есть и жизнь, и ликованье. Свет в готовой ждет красе».

Уж они не за горами. И нежнейшими словами
Говорит, горя глазами, к Тариэлю Автандил:
«Видишь эту пыль равнины? В этом дым моей кручины.
В сердце пламени лучины. От огня лишаясь сил.

Это мой отец приемный. Я же, точно вероломный,
И безродный, и бездомный, медлю встретить, пристыжен.
Я в узор вступил нежданый. Стыд мой — слово сказки странной.
Но мечты моей желанной — вестник ты и друг Фридон».

Тот ответил: «Лик смиренья пред владыкой — знак почтенья.
Здесь побудь в отъединеньи. Не предам тебя огню.
Коль решение такое есть у бога, будь в покое:
Солнце с обликом алоэ я с тобой соединю».

Льву надежды эти сладки. В малой ждет он там палатке.
Радость взглядов и оглядки, ждет и Нестан-Дареджан.
Дрожь ресниц волной урочной — ветер северо-восточный.
Царь индийский полномочный едет прямо, строен стан.

И Фридон с ним едет вместе. О прибытии были вести.
Царь арабский этой чести ждет. И едут наконец.
Тариэль лицом склонился. Прочь с коня, и оварился.
Царь к царю светло явился, сын один, другой отец.

Тариэля почитанье — Ростевану знак вниманья.
Он дарит ему лобзанье, удовольствуя свой рот.
Тариэлю — ласка слова: «Блеск ты солнца золотого.
Без тебя не будет снова светел день, как ночь пойдет».

Царь глядит на обаянье, он исполнен чарованья.
Хвалит все его деянья, достижение побед.
И Фридон явил почтенье, пред владыкой преклоненье.
Царь исполнен утомленья: Автандила с ними нет.

В нем смущение велико. Таризаль сказал: «Владыка,
Твоего достигши лика, сердце предал я судьбе.
Я дивлюсь, как предо мною слово молвил ты с хвалою.
Автандил когда с тобою, кто же будет люб тебе?

Чую я в тебе томленье и, конечно, удивленье,
В чем причина промедленья. Сядем здесь на этот луг.
Тайну я тебе открою, почему он не со мною.
Снизойди своей душою. Просьбу вымоляю я вдруг».

Вот садятся властелины. Сонмом едут вокруг — дружины.
Юный светит как рубины, все лицо озарено.
Смехом, ликом, той игрою он владеет всей толпою.
Начал речью он такую, — как к зерну кладя зерно:

«Царь, хотел бы речью стройной усладить твой слух достойный.
Но робею, беспокойный. Как молить тебя смогу?
И о светлом молвить мне ли? Сам я темен, в самом деле.
Только им лучи зардели, чрез него свечу, не лгу.

Ныне оба мы дерзаем вблизи придти и умоляем.
Я был мукою терзаем, Автандил мне дал бальзам.
Он забыл, что в боли равной, в муке тяжелой и отравной
Был со мной он полноправный. Но не час быть в этот нам.

Утомлять тебя не стану. Излечи же в сердце рану.
Длиться ты не дай изъяну. Он ее, она его,
Оба любят. Пламень ярый пусть не множит в них удары.
Дочь твоя, чьи сильны чары, будь супругой для него.

Сердце мрамор, сам гранитный, да пребудет с нею слитный.
Вот с какой я челобитной». Тут платок на шею он
Навязал и преклонился, на колено становился.
Словно школьником явился. Всяк был сильно удивлен.

Тариэля как сраженным и коленопреклоненным
Царь, увидя, был смущенным, и далеко отступил.
И явив ему почтенье, наземь пал: «От огорченья, —
Молвил, — скрылось наслажденье, что в твоём я виде пил.

В ком же было б дерзновенье не свершить твоё хотенье?
Ни на миг во мне сомненья. Дочь хоть в рабство я отдам,
Да свершится тотчас слово. Где бы ей искать другого?
Где бы ей найти такого, хоть блуждай по небесам?

Видеть зятем Автандила — радость мне, в нём свет и сила.
Дочь уж царство получила. Ей приличествует трон.
Цвет опал мой, цвет завялый. А она, с красой немалой,
Дышит, светит розой алой. Будь же с нею счастлив он.

Если б ты раба супругом выбрал, только бы друг другом
Были счастливы, — к услугам, я перечить бы не мог.
Тщетно было бы боренье. Автандил же — вне сравненья.
В этом богу восхваленье. Да войдет же он в чертог».

Слыша царские признанья, Тариэль, храня молчанье,
Лик являет почитанья, наземь пал лицом своим.
Воздаёт и царь почтенье. Каждый в сердце полон рвенья,
Говорят благодаренья, и совсем не скучно им.

На коня Фридон скорее. Мчится, светлой вестью вея.
Автандил заждался, млея. И к царю опять, вдвоем.
Полон радости великой, но смущен перед владыкой,
Преклонился лунноликий, светит дымчатым лучом.

Царь встает, его встречая. Витязь, лик платком скрывая
И смущенно наклоняя, стал, как вешний куст в цвету.
Цвет, подернутый туманом, солнце в туче над курганом.
Но ничто, в гореньи рьяном, не сокроет красоту.

Кроткий царь его лобзает, лаской слезы осушает.
Ноги старцу обнимает умягченный Автандил.
Молвит царь: «Восстань, смущенье подави. Ты удаль рвенья
Лишь явил, и для служенья мне всю верность сохранил».

Всё лицо его лобзая, говорит: «Горячка злая
Жгла и жгла, меня терзая. Поздно ты пришел с водой.
Всё же ты залил горенье. Завтра, лев, соединенье
С солнцем, ждущим расцветенья. Пospеши к заре золотой».

Ласку всю явив герою, усадил его с собою
Царь. Над бывшей раньше мглою разожглась лазурь светло.
Юный с царственным во встрече рады взорам, рады речи.
Вон уж где оно, далече, то, что было и прошло.

Витязь молвит властелину: «В ожидании я стыну.
На пресветлую картину нужно ль медлить нам взглянуть?
Встретим солнце, — в утре этом золотым засветим светом.
Кто идет зарей одетым, луч роняет он на путь».

Вот и блещут в солнцесвете, с Тариэлем, двое эти.
Голиафы о привете тосковали, — с ними он.
Что хотели, повстречали. Победили все печали.
Не играя, меч качали, вынимая из ножен.

Царь сошел с коня. Ресницы чуть трепещут у царицы,
Нежных щек ее зарницы светят, как заря сама.
В паланкине, из сиянья, от нее ему лобзанье.
Он роняет восклицанья. Впрямь лишился он ума.

«Как хвалить мне солнце это? Приносительница лета.
Мысль безумием одета, посмотрев на этот свет.
Солнцелика, лунносна, ты звездой горишь прекрасно.
Мне смотреть теперь напрасно на фиалки, розоцвет».

Сладко млели в самом деле все, которые глядели
На зарю в златом апреле. Этим видом взор пронзен.
Но еще, еще взирая, чуют — тихнет боль живая.
Где ни явится младая, к ней толпы со всех сторон.

На коней они садятся, к дому светлому стремятся.
Семь планет, — их блеск сравнятся с этим солнцем только мог.
Красота без изъясненья. Тут их меркнет разуменье.
Вот и в место назначенья, в царский прибыли чертог.

Тинатин была на троне, и со скиптром, и в короне,
Вся как в светлой обороне в ворожащем взор огне.
От ее лучей горящих падал свет на предстоящих.
Царь индийский средь входящих смелым солнцем шел к весне.

И с царицей молодою Таризель с своей женою
Речь ведет, и к ней волною — от обоих свет зарниц.
Не уменьшилось горенье, а достигло удвоенья.
И рубин в щеках, и рденье, — и дрожит агат ресниц.

Тинатин зовет их оком на престоле сесть высоким.
«Решено всевышним роком, — Таризель промолвил ей, —
Что престол тебе, блестящий, ныне вдвое подходящий,
Здесь с зарею зорь горящей посажу я льва царей».

Ликованье в этом звуке. И берут за обе руки
Светлоликого, и муки по желанной разошлись.
Двое их как в светлых дымах, лучше зримых и незримых.
Лучше всех в любви любимых. Лучше, чем Рамин и Вис.

С Автандилом так сидела дева робко и несмело
И мгновенно побледнела, сердце ходит ходуном.
Молвит царь: «Зачем стыдлива? Слово мудрых прозорливо:
«Любит если кто правдиво, так конец горит венцом».

Ныне бог да даст вам, дети, десять дружно жить столетий,
В славе, в счастья и в свете и не знать болезни злой.
Быть не шаткими душою, в ветре дней пребыть скалою.
И чтоб вашу рукою был засыпан я землей».

И наказ дает дружинам: «Автандил вам властелином,
Волей бога, с ликом львиным, ныне всходит на престол.
Я уж стар, и мне затменье. Так воздайте знак почтения.
И чтоб верность он служенья в смелых вас, как я, нашел».

Воздавали честь дружины: «Тем, что наши властелины,
Чрез кого наш свет единый, да пребудем мы землей.
Возвеличен ими верный. Ток врагов рекой безмерной
Прочь отброшен. И примерной карой всяк наказан злой».

И хвалу, и знаки чести Таризаль вознес невесте.
Молвил деве: «Вот вы вместе. Брат мне верный твой супруг.
Будь и ты моей сестрою. Я твой путь щитом покрою.
Если ж есть кто с мыслью злою, чрез меня исчезнет вдруг».

Сказ о свадьбе
Автандила и Тинатин,
волею царя арсбского

Ныне светит огнеокий Автандил как царь высокий.
Взором черным с поволокой светит рядом Тариэль.
Нестан-Джар, прельщенье взглядам, с Тинатин сияет рядом.
Мир земли стал райским садом, две зари — один апрель.

Вот несут хлеб-соль солдатам. Под ножом, стократ подъятым,
Бык, баран, числом богатым, пали. Счесть ли? Мох сочти.
Всем несут дары-даянья, по достоинству их званья.
И на лицах всех — сиянье, точно солнце на пути.

Гиацинтовые чаши. Из рубина кубки, краше
Зорь весной. Кто души наши усладит хвалой всего,
И сосудами цветными, и блюдами вырезными,
Спевши строки, молвит ими: «Праздник тут, гляди в него».

В пенопеньях диво-девы. И кимвалы льют напевы.
Скорби здесь не сеют севы. Гул веселия кругом.
Здесь даянье не утрата. Груды яхонтов и злата.
В ста ключах вином богато брызжет пышный водоем.

Никого, кто был без дара. Хром ли, нищ ли, — всем есть чара.
Шелк и жемчуг. Блесков жара, кто ни хочет, всяк бери.
Солнце трижды в небе плыло. Дружкой был для Автандила
Царь индийский. В смехе сила, от зари и до зари.

Чуть оставивши постелю, снова к играм, снова к хмелю.
Царь арабский Тариэлю молвит: «Солнечно Нестан.
Царь царей ты солнцеликий. Царь царей и царь царицы.
Мы пред вами — прах темницы. Лишь от вас нам пламень дан.

На одной черте с царями, не должны сидеть мы с вами.
Вот ваш трон, а здесь мы сами». Он престолы разместил.
Тариэль на месте главном. Ниже, за самодержавным,
Автандил с сияньем равным, Тинатин, огонь светил.

Царь арабский сам хозяин. Хлебосолен, краснобаен,
Всем прием здесь чрезвычайен. Для него никто не мал.
Никого не спросит: «Кто ты?» Хвалят все его щедроты.
С Автандилом, без заботы, сел Фридон и с ним блистал.

Дочь индийскую с супругом царь дарит. Над вешним лугом
Солнце встанет пышным кругом, изумрудный озарен.
Вне числа и описанья все роскошные даянья,
Скиптры, полные сиянья, блеск пурпуровых корон.

В ряд с уделом вознесенных те дары: камней зажженных,
Римской курою снесенных, дал он тысячу для них.
И в дарах не безоружен, дал он тысячу жемчужин,
Лик с яйцом от горлиц дружен тех жемчужин отливных.

Также тысячу отборных, неподдельных, непритворных
И как ветер степей проворных, тех арабских скакунов.
А Фридону — с жемчугами девять блюд, полны с краями,
С десятью еще конями, седла — блеск, превыше слов.

Царь индийский, в знак почтения, воздаёт благодаренья,
Истов, нет в нём опьяенья, хоть испил вина царя.
Длится ли мне повествованье? Целый месяц ликованье.
Самоцветы льют сиянья, жив рубин, огнём горя.

Грусть и радость порубежны. Тариэль, как роза, нежный,
Дождь свевая белоснежный, Автандила с вестью шлет
К Ростевану: «Быть с тобою было радостью большою.
Но страной моей родною враг владеет, грозен гнет.

Те, чей ум — осведомленье, кто знаток в игре боренья,
Принесут уничтоженье тем, кто в знаньи скудно плох.
Пресеку я путь к прорехам, и вернусь к твоим утехам.
Овладеет бы лишь успехом. Да поможет в этом бог».

Ростеван сказал: «Владыка, для чего смущенье лика?
С звуком радостного клика войско всё пойдёт толпой.
Автандил пойдёт с тобою. И промчитесь вы грозою,
Тех разя, кто мыслью злою был изменник пред тобой».

Автандилу отвечая, Тариэль сказал: «От рая
Кто ж уходит? Сохраняя те хрустальные плоды,
Ты ли, солнце, что с луною лишь недавнею порою
Слито, — в путь пойдешь со мною, убегая от звезды?»

Автандил сказал: «Лукавишь, говоря — меня оставишь.
Сам уйдя, меня ославишь: «Он остался там с женой.
Он таков. Судьба супруга». Чтобы кто оставил друга,
Будь он с севера иль с юга, — стыд сказать, какой дрянной».

Тариэль блеснул улыбкой. Точно роза влагой зыбкой
Иль серебряною рыбкой заигравшая волна.
Молвил: «Мне с тобой разлука, о тебе томленье, мука.
Так со мной же! В том порука, что судьба у нас одна».

Автандил созвал дружины. Встали все как строй единый
Экий выводок орлиный! Тут сто тысяч есть бойцов.
С хваразмийскими бронями и арабскими конями
Позвенели стремями, и к войне тот строй готов.

Две сестры в любви, бледнея, расставаясь, пламенея,
К груди грудь и к шее шея, плачут, сердце их клялось.
И у тех, кто видит это, — что в разлуке май и лето, —
Нет в глазах скорбящих света, в зреньи всё в душе сожглось.

Если с утренней звездой месяц вровень над чертою
Гор, раскинутых грядою, вместе путь ухода им.
Если ж месяц зачарован, не уходит, как бы скован,
И деннице заколдован путь возврата к золотым.

Тот, кто создал их такими, кто велел пребыть им — ими,
Повеленьями крутыми может их разъединить.
Вот совсем они склонились. Роза с розой нежной слились.
Те, что были там, дивились. Нити две — едина нить.

Нестан-Дареджан сказала: «Если б я тебя не знала,
Я бы рано не вставала, расставаясь здесь с зарей.
Напишу. Пиши мне строки. Будем мы теперь далеки.
Я тобой — в горячем токе. Ты, вдали, зажжешься — мной».

Тинатин сказала: «Взгляда солнцесветлая услада.
Правда ль нам расстаться надо? Как оставлю жизнь мою?
Не о днях молю я бога. Лучше смерть пусть глянет строго.
Дней тебе пусть даст он много. Столько, сколько слез пролью».

И опять одна другую предавая поцелую,
Делят скорбь они двойную. И оставшаяся здесь
Взор к ушедшей устремляет. Оглянувшись, та стораает,
К ней свой пламень посылает. Кто рассказ доскажет весь?

Ростеван, средь вздохов шумных, был безумнее безумных.
Он в сомненьях многодумных изливал кипенье слез.
Тариэль, грустя мечтою, был ущербною луною.
Нежной снежною волною лепестки струились роз.

Тариэля обнимая, царь целует, цвет сжимая.
Говорит: «Виденьем мая был ты здесь и сном весны.
Ты уйдешь — и вот терзанья. В двадцать раз сильней страданья.
Через тебя существованье, и тобой мы сражены».

Тариэль, при расставаньи, шлет царю с коня прощанье.
От всеобщего рыданья оросились луга.
Говорят ему солдаты: «Поспеш к заре, когда ты
До зари идешь». Трикраты грустны нежные снега.

С Автандилом и Фридоном Тариэль спешит зеленым,
Уж вперед идущим лоном, с ними людный караван.
Восемьдесят тысяч смелых — вороных коней и белых
Устремляют до пределов тех, иных, далеких стран.

И уходит путь-дорога. Хоть людей на свете много,
Нет таких троих у бога. Быть им раз лишь суждено.
Всяк, кто встретится, в мгновенье изъявляет подчиненье.
В вечер — их отдохновенье. И не сливки пьют, вино.

Сказ о том,
как Маризель узнал
о смерти индийского царя

На горе из-за тумана показались караваны,
Люди в черные кафтаны все там сплошь облачены.
Вкруг голов обвиты косы; молвил царь, взирая косо:
«Приведите для допроса, мы остаться здесь должны».

Слыша то царево слово, привели к нему старшого.
Царь спросил: «Скажите, кто вы? Что так черен ваш наряд?»
Тот промолвил: «Цвет чернила скорбь для нас установила,
В Индию из царства Нила шли мы много дней подряд».

Сообщение такое слышат с радостью герои,
Но прикинулись все трое, что не знают ни о чем.
Начинают издалече, и чужой внимая речи,
Таризель при этой встрече выступает толмачом.

Он велит: «Купцы, к рассказу приступайте без отказа». Те ответили не сразу: «Индию сковала тьма. Грома грянули удары, и под гнетом божьей кары Плачет малый, плачет старый, мудрецы сошли с ума».

Тут повел старейший живо свой рассказ красноречивый: «Правил Индией счастливой царь индийский Фарсадан. Он имел дитя родное, дочь — светлее солнца вдвое, Зубы — перлы, ствол алоэ — юной девы стройный стан.

Дочь царя, поддавшись чарам, обручилась с амирбаром, И убит его ударом был жених во время сна. С колыбели ж над царевной бдило око тетки гневной, Через нее в судьбе плачевной обезлюдела страна.

Каджи то была; умело колдовством она владела И, задумав злое дело, разлучила с солнцем твердь. Дочь царя бесследно скрылась; где алоэ распустилось, Мы не знаем, — тьма сгустилась, унесла и тетку смерть.

И объят безумья бредом, лев пошел за солнцем следом, Путь обоих нам неведом, свет затмился и в луне. Их искать одно мученье, нет надежд на обретенье. Царь вскричал: «Я весь горенье на медлительном огне!»

Царь был яростью охвачен, был бессильем озадачен, И сменились горьким плачем звон литавр и арфы звук. В жгучем пламени горнила злая скорбь царя томила, Ныне смерть его сломила, — он не вынес долгих мук».

Чуть то слово прозвучало, громко женщина вскричала И пред слушавшими встала с обнаженной головой. Таризель вскричал за нею, стало скрытое виднее, Снег растаял, пламенея, забурлил поток живой.

Нет! И солнце неспособно спорить с женщиной подобной!
Словно мак цвела беззлобно кос открытых красота.
Чем реветь осла запойней, смолкнуть мудрому пристойней:
Зубы-перлы, словно двойни, в дивной раковине рта.

Об отце полна кручиной, плачем — песней соловьиной —
Залилась и волос длинный рвет в отчаяньи глухом.
Тут, лучом тускнея рдяным, солнце скрылось за туманом,
Роза сделалась шафраном, и рубин покрылся мхом.

Издрав ногтями щеки, испускает стон глубокий,
И текут из глаз потоки: слезы с кровью пополам.
«О отец! Пускай тоскуя, дочь негодная, умру я,
Что еще свершить могу я, чем за всё тебе воздам?»

О отец мой! Радость взгляда! В чем, скажи, твоя услада?
Как была б я сердцем рада весть докинуть до тебя.
Скрой, о солнце, свет, который щедро льешь ты на просторы,
Что не рветесь в высь вы, горы, что не гибнешь мир, скорбя?»

Тариэль исходит в крике: «Воспитатель мой великий!
Где ты, царь наш солнцеликий? Как мне скорбь мою снести?
Ты покинул мир наш бранный! Ты померк, о свет вселенной,
Вот молю тебя смиренно — грех мой тяжкий отпусти!»

Не смолкают их рыданья, долго длится плен страданья;
Будто нет им оправданья, — слезы льют они рекой.
Все в отчаяньи унылом о царе горюют миллом,
Но Фридоном с Автандилом был совет им дан такой:

«О светила, будьте ясны! Что терзать сердца напрасно!
Бог его возвысил властно, дав ему полет орла.
Тяжело, конечно, бремя, но печаль нам длить не время,
Свершены должны быть всеми неотложные дела».

Ободрясь его словами, просят сесть и сели сами;
Изумлёнными глазами вопрошают их купцы.
В разъяснение той печали, так они им отвечали:
«Мы ведь те, кого искали в тщетных странствиях гонцы».

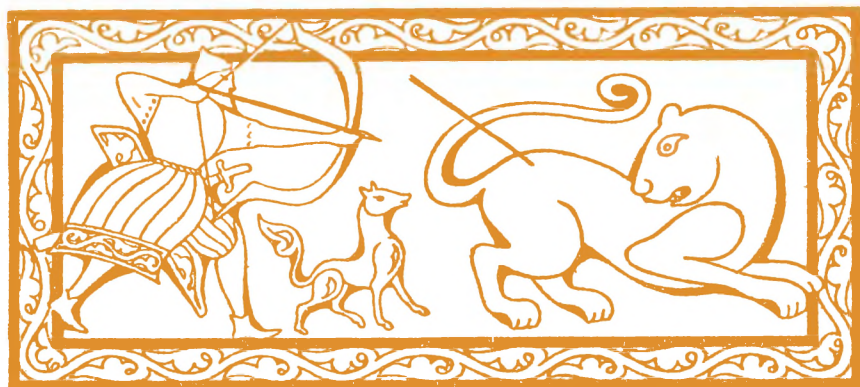
Говорят купцам: «Садитесь, молвить правду не страшитесь».
Те ответили: «О витязь! Горек будет наш рассказ.
Всюду бой идет кровавый, вторглись в Индию кетавы,
Их ведет стезею славы царь по имени Рамаз».

Тлеет жизнь еще в царице, но живой мертвец в гробнице;
Бьется войско на границе, наступает грозный враг.
Укрепленья все разбиты, ниоткуда нет защиты.
Солнце, кинь свои лучи ты в непроглядный этот мрак!

Все живущие в стране той только в черное одеты;
Мы покрылись тканью этой, и к царю позвали нас.
Дух индийский ненавдя, но египтян в нас лишь видя.
Не подвергнув нас обиде, отпустил нас в путь Рамаз».

Таризаль, услыша вести, не замешкался на месте
И к своей великой чести в день свершил трехдневный путь.
Знамя взяв, он сам собою был, как должно быть герою,
И, себя готовя к бою, Голиафа крепла грудь.

Сказ о том,
как Маризль прибыл в Индию
и как были покорены кетабы

Прибыл в Индию он вскоре, меж высоких видит взгорий
Рать бесчисленную в сборе, — счесть то войско не берусь!
Он сказал: «Надежды пламя, о друзья, горит пред нами,
Я разделаюсь с врагами, в том я богом вам клянусь!

Ведь и прежде в этом войске меч мой ведали геройский;
Он рубил врагов по-свойски, всюду сея смерть и страх».
Автандил сказал: «К чему же быть в речах таким досужим,
Мы их всех обезоружим, втопчем в землю вражий прах!»

Все на битву снарядились, время выгадать стремились,
На лихих коней садились, гордой радости полны.
Пыль вокруг столбом взметая и друг друга обгоняя,
Взоры встречных восхищая, вниз несутся скакуны.

Головной отряд со вражьей повстречался вскоре стражей,
Окружил ее и даже побросал врага с коней.
Их ведут к допросу живо, те от страха еле живы;
Тариэль спросил их: «Чьи вы? Отвечайте поскорей!»

Те растерянно тянули: «Нас напрасно обманули,
Нам велели в карауле постоять сегодня тут».
Тариэль вскричал: «Идите, возвращенья срок не длите,
Пусть узнает ваш воитель — храбросердые идут.

Изложите, не робея: «Шлет нас волею своею
Тот, что всех царей сильнее, Тариэль — гроза врагов:
Чтоб совсем ты был унижен, весть несут тебе твои же:
Что ни миг, то смерть всё ближе. Будь к возмездию готов.

Кто, когда он не безумный, станет сильных злить бездумно?
Как ты смел, о полоумный, в траур Индию облечь?
Плоть твою, твою броню я, сам — огонь, предам огню я,
Острой сталью завеню я, притуплю на теле меч.

Приготовься ж! Мне не надо брать врасплох тебя в засаду.
Выстрой войско ты ряд к ряду, как прилично для владык.
С «ротоблудием» лишь дружный, клялся клятвой ты ненужной,
Я сомну твой шлем кольчужный, превращу его в башлык».

Вняв суровому приказу, караул взметнулся сразу,
Прямоком пошел к Рамазу, не скрывая ничего.
«Прибыл царь несокрушимый, чьи войска непобедимы,
Злую смерть принять должны мы, нам не скрыться от него».

Взвито знамя над отрядом, и с индийским флагом рядом
Флаг арабский явлен взглядам, — знак союза водружен.
Знают все — копьё араба не бывает в битве слабо,
Всё же кровь скупей текла бы, будь не столь могуч Фридон.

Дальше путь идет наклонный, скоро взор их разъяренный
Видит вражий, видит конный пятисотенный конвой.
В битву ринуться хотели, но, по слову Тариэля,
Стали ждать, и в самом деле, — враг от страха сам не свой.

Безоружный, на колени пал Рамаз, и льются пени,
Обнимает в иступленьи ноги статного коня.
«Сжался, витязь, надо мною, сердце мучимо судьбою,
Пусть глаза навек закрою, умертви скорей меня.

Грех мой тяжкий да простится! Десять лет безвестье длится,
Без царя остались птицы после гибели орла.
Как нашивок у кафтана, мира я лишился рано
И, скрывая в сердце раны, сотворил свои дела.

Не ищу ни в чем защиты; вот я сам, со мною свита,
Острый меч свой обнажи ты, визирей моих казни.
Их пятьсот: руби им шеи, пусть течет их кровь, алая,
Лишь о воинах радею, — не грешны ни в чем они!»

Все клялись и все молили: «Справедливым будь и в силе,
Вспомни тех, что сотворили плоть твою, и дух, и вид».
Тариэль в раздумьи внемлет: пал Рамаз пред ним на землю,
Бог раскаянье приемлет, — как же смертный не простит?

Если ж сам не без греха ты, как пойдешь путем расплаты?
В Ниневии так когда-то бились грешники во мгле,
И, посыпав пеплом главы, неба гнев смирили правый.
Скрутит мир опять на славу, что распалось на земле.

Изучая мудрых слово, я добрался до такого:
«Высшей храбрости основа для мужчины такова:
Победив, замри на месте, не убей врага из мести,
Хочешь быть достойным чести, помни вещие слова».

Вняв рыданьям тем и стону, верный божьему закону,
Тариэль сказал: «Не трону, не убью, — и, страх тая,
Скрутит он, что раскрутилось, что с неправдой перевилось.
Проявляя эту милость, этим зло исправлю я».

Ликованья было много, улеглась в сердцах тревога,
Бьют поклоны, славят бога, молят счастье то сберечь.
Все в восторге тесном слиты, в жизнь пути для них открыты,
Лишь один грустил насытый Тариэля грозный меч.

Совладавший с гневом ярим, Тариэль самим Муштаром
Был обласкан, и недаром был он в кротости велик:
При стеченьи силы бранной с неба хлынул свет неожиданный,
И чудесный, осиянный столп над Индией возник.

Вестник тут явился кстати, он сказал, приблизясь к рати:
«Мысль оставив о расплате, жизнь дарит вам властелин».
Их восторгу нет предела, медь набатная взгудела.
«Вот он тот, который смело побеждает всех один».

Все приветствуют героя, торжествует всё живое,
Но индийцы вдруг родное видят знамя среди знамен.
Не поверя той поруке, что пришел конец разлуке,
Ждет измены каждый в муке, новым горем поражен.

Тариэль спешит, крича им: «Ныне вами царь встречаем!
Вот и солнце! Не случаен ярких молний дивный свет.
Бог нам всё вернул сторицей, я летел подобно птице,
Дайте ж встречей насладиться, мне без вас отрады нет».

Только тут был витязь признан, все прервали мигом тризну,
Яркий свет на кровли брызнул, озарил ряды террас.
Все кричали в восхищеньи: «О блаженство исцеленья!
Бог простил нам прегрешенья, воскресил для жизни нас».

Принесли ключи от входа: видят — траур; вновь невзгода.
Помрачнела вмиг погода, розы сыростью ожгло.
Жалит вновь утраты жало, скорбь обоим сердце сжала,
И на ясные кристаллы пало ворона крыло.

Удручен печалью темной, полон скорби неумемой,
Обезумел сын приемный, слезы жаркие текут.
Стоны глубже, крики чаще, очи жжет огонь палящий,
И гиперовую чашу грабли ровные гребут.

Визирей своих придворных в одеяньях зрит он черных,
И быстрее потоков горных слезы катятся опять.
Давит гнет его свинцовый, кровь течет струей багровой,
И как сына, как родного, все спешат его обнять.

Подошли к нему вельможи; все Нестан жалеют тоже, —
Был ей царь всего дороже, как оплачет дочь отца?
Свет сознания в ней затмился, куст цветущий надломился,
Каждый с ней в печали слился, — нет веселого лица!

К ним сошла сама царица. Видя горестные лица,
Говорит: «Пора смириться, отчего ж так мрачны вы?
Бог, каравший столь сурово, нам вернул отраду снова,
Пусть во славу всеблагого смолкнут скорбные «увь».

И сама навзрыд рыдая, Тариэля обнимая,
Молвит вновь: «О пытка злая на медлительном огне!
Пусть промчится горе мимо, всё теперь снести должны мы,
Бог, кем сироты любимы, вас вернул живыми мне».

Дочь в печали безутешной восклицает: «Что же грешной
Делать мне, коль тьмы крошечной на тебе чернее ткань?
Стан твой в красном помня платье, как могу не горевать я?»
Утирает слезы мать ей: «Смолкни, стихни, перестань!»

Дочь несчастную милоя, розы уст ее целуя,
Говорит она: «Молю я, — слов унынья не тверди.
Не тоскуй, не сетуй боле, пусть утихнут сердца боли,
Нам дано блаженства вволю, ждет нас радость впереди».

Время шло; летели сроки; поиссякли слез потоки;
Царедворцы им высокий оказать спешат почет.
Вышли солнца к ним при этом; мир лучится ярким светом;
Все обласканы приветом; речь сердечная течет.

Подойти к вдове с поклоном Автандил спешит с Фридоном.
Тариэль сказал: «Дано нам было встретить сих двоих.
Не предамся многословью, но скажу о них с любовью:
Нашей жизнью, нашей кровью мы владеем через них».

Так прошли они столицей, во дворец идут с царицей.
Та сказала: «Бог десницей вражью силу смел до тла.
Не смутят нас впредь обманом, больше нет от них вреда нам.
Счет забыв минувшим ранам, я душой опять светла».

Траур снять нам всем пристало. В упоеньи небывалом
Барабаны и кимвалы пусть повсюду зазвучат.
Золотыми поясами опоясайтесь вы сами,
Пусть беспельными слезами впредь фонтаны не журчат».

Спас о том,
как состоялась свадьба
Маризля и Нестан-Гареджан

Пир готовя им по чести, жениха к Нестан-невесте
Мать ведет, и слиты вместе руки царственной четы.
Столь горячие вначале, больше слезы не журчали,
И сменились дни печали днями счастья и мечты.

Новой взысканные долей, безутешные дотоле,
Воссияли на престоле лики светлые владык.
Их двоих прославить разом чей бы мог достойно разум,
Чей, охваченный экстазом, не заплелся бы язык?

Средь восторга ликований сняты траурные ткани;
В блеск парчевых одеяний облекла царица всех.
Молвит ласково она им: «Больше горя мы не знаем,
Ныне с радостью встречаем дни блаженства и утех».

Тариэль с женою рады; сметены с пути преграды.
Семь престолов — их награда, возделенная давно.
Лишь тому, кто знал потери, в озаренья час не веря,
Насладиться в полной мере вкусом радости дано.

Вот сидят герои наши; нет! — и солнце их не краше!
Барабаны, трубы, чаши, — Тариэль взошел на трон.
От сокровищниц великих вручены ключи владыке.
«Он наш царь!» — несутся крики. «Царь!» — звучит со всех сторон.

Автандилу и Фридону приготовили по трону,
И по чести, по закону воздается им хвала.
Этой паре несравненной нет подобья во вселенной:
Безутайно, откровенно речь их честная текла.

Много в пиршественном круге разнесли напитков слуги.
В попеченьи друг о друге все без удержу добры.
Всех дарами осыпали, милосердью дань воздали
И в лари для нищих клали изобильные дары.

По царицыну же слову даже сиротам и вдовам
Всяких благ собрали вдоволь, наделив казною впрок.
Подсчитать же все щедроты — непосильная работа,
Лишь одна у всех забота — удлинить блаженства срок.

Молвил царь: «За лиходея, о царица, я радею,
Правом миловать владея, ты Рамаза не казни.
Он спокойствия не знает, смертный страх его снедает,
Бог же грешников прощает, если каются они».

Был прощен Рамаз царицей; дан приказ ему явиться.
Он пришел, спеша склониться пред царями до земли.
Все блестели счастьем взоры, пели певческие хоры,
Все печаль забыли скоро и веселье обрели.

В жемчуга, в каменья, в золото убран был дворец богато;
Блеском их цвели палаты, как поля росой цветут.
Вволю всем дано простора брать всё то, что тешит взоры,
Казначейского ж надзора и не видно было тут.

А войскам друзей-героев, к ним внимание утроив,
Царь сказал: «Добро любое вы берите, не стыдись!»
И блюдя царей обычай, всех в дружине без различий
Богатейшею добычей наделил он, не скупясь.

А Фридону с Автандилом, двум друзьям своим — светилам —
Столько дал, что не по силам подыскать дарам числа.
Брать царица им велела всё, что лучшего имела,
На спасителей смотрела, насмотреться не могла.

И, нимало не лукавя, избавителей в них славя,
Все твердили им о праве впредь страной повелевать:
«Вашу доблесть все мы знаем», — все кругом глядят в глаза им.
Всякий рвением сжигаем их желанья угадать.

И Рамазу-супостату дар назначили богатый
И велели: «Как когда-то, подать Индии плати».
Благодарность изъявляя, пал он ниц, свой дух смиряя,
И ушел, благословляя Таризля по пути.

И Асмат — подруге верной — молвил царь: «Твой труд безмерный
Сердцем чтя нелицемерно, трон седьмой дарю тебе.
Как меня, от бед и смуты береги теперь страну ты,
С этой сладостной минуты вверься сладостной судьбе.

Мы двором тебя окружим, послужи, как все мы служим,
Быть твоим достойным мужем для тебя готов любой».
И, припав к его одежде, молит та: «Моей надежде
Сбыться дай, — дозвожь, как прежде, быть всегда твоей рабой.

Если б всю мне отдал сушу, всё равно, о царь, послушай,
Ты на части рвешь мне душу, без тебя мне жизни нет.
Что мне делать на чужбине? Целый мир без вас пустыня.
Мне ль покинуть солнце ныне, возлежав солнца свет?»

«Не печалься, — царь ответил, — взор твой счастья не приметил,
Жребий твой да будет светел, слезы горькие оставь!
Слушай сказанное мною, будь царицей и женою,
Управляй своей страной и отличным войском правь».

Тут Асмат спокойней стала: «В жизни горестей не мало», —
Покорясь, она сказала. И в мужья ей витязь дан.
Он Асмат во всем достоин, он хорош собой и строен,
Он отважный честный воин, возведенный в царский сан.

Дни летели быстротечно, и казалось — будет вечно
Процветать союз сердечный клятвой связанных светил.
Жизнь текла в семейном лоне, — что за жемчуг, что за кони!
Но о той, что ждет на троне, размышлялся Автандил.

И в раздумии глубоком Тариэль сказал с упреком:
«Суждено, должно быть, роком разлучиться нам, скорбя.
Горе мне! Любовь лелея, Тинатин назвать своею
Хочешь ты, и я не смею здесь удерживать тебя».

Тут Фридон сказал: «И мне бы под родное надо небо,
Но, клянусь я, где б я ни был, сердце горечью не рань,
Этих троп я не забуду, жаждать встреч с тобою буду
И тебя найду повсюду, как находит воду лань».

Царь сказал ему: «К родному поспешая ныне дому,
Знай, что гостю дорогому будет рада вся страна!»
Автандилу ж он добавил: «Счастья свет меня оставил,
Но спешить, мой лев, ты в праве, — ждет тебя твоя луна».

Ростевана чтя сугубо, с Автандилом шлет он шубы,
Не один добавив кубок из сверкающих камней:
«Вот содружества поруки, — передай владыке в руки».
Тот вскричал: «О день разлуки! Тяжела разлука мне!»

И Нестан, полна печали, тоже шубку и вуали —
Есть чудеснее едва ли! — шлет с приветом Тинатин.
Сверх того с одеждой прочей шлет и камень — солнце ночи,
Тот, что, светом брызжа в очи, озаряет всё один.

Автандил к коню подходит, с Тариэля глаз не сводит,
В них огонь разлуки бродит, и в огне душа горит.
Все туземцы встали рядом, льются слезы водопадом.
Автандил воскликнул: «Ядом этой жизни я убит!»

Поклонившись Тариэлю, на коней два друга сели,
Путь их вместе вел с неделю, но потом разъединил.
Без помех и без простоев шел раздельный путь героев,
И, дела свои устроив, прибыл к месту Автандил.

Всем арабам любо было вновь увидеть Автандила.
Встретил он свое светило, и на трон взошли вдвоем.
Тут окончились мытарства, и под крики: «благодарствуй!»
Он собой украсил царство, суверенным став царем.

Так, избавясь от кручины, три могучих властелина,
Заключив союз единый, жили счастьем частых встреч.
Каждый был любим строною, с нею жизнью жил одною,
Лишь запятнанным виною угрожал их грозный меч.

В милосердьи к человеку не забыли и калеку,
Взяты сироты в опеку, вдовья вытерта слеза.
Лишь злодеев строгой каре обрекали государи,
Но паслась там с волком в паре, не страшась его, коза.

Заключительные строфы

Тут свой труд кончаю скромный, — о, как время вероломно! —
Тех, чья доблесть столь огромна, в мире свет уже погас.
Мир — лишь миг. И в самом деле, дни цвели и дни истлели.
Месх безвестный, Руставели, написал я этот сказ.

В восхваленье, не в обиду, солнцеравному по виду,
Богу Грузии Давиду пел я стих, служа тому,
Чье до запада с востока бдит недремлющее око,
Кто, врагов разя жестоко, любит преданных ему.

Но того, кто столь прекрасен, столь могуч и громогласен,
Петь достойно — труд напрасен, и облек я в этот стих
Сказ чужой о дальних странах, о владыках иностранных
И о подвигах их бранных, и обычаях чужих.

Да, не прочен мир наш бранный; быстротечный, переменный,
Он лишь взмах ресниц мгновенный. Всё пройдет подобьем сна.
Что нам то, чего мы ищем? Мы стоим над пепелищем,
И судьба над духом нищим в двух мирах царит одна.

Амирапа пел Хонели, про Абдул-Мессию пели
Строфы звучные Шавтели, — он в искусстве преуспел.
Диларгета пел Тмогвели, я же, некий Руставели,
О великом Таризле, проливая слезы, пел.

Оглавление

От редакции	5
Из предисловия переводчика	21

ВИТЯЗЬ В ТИГРОВОЙ ШКУРЕ

Вступление	27
Сказ о Ростеване, царе арабском	32
Сказ о том, как царь арабский увидел витязя, одетого в тигровую шкуру. .	41
Грамота Автандила к его приверженным	54
Сказ о том, как Автандил искал Тариэля	57
Сказ Тариэля о себе, когда он впервые сказал его Автандилу	76
Сказ Тариэля о том, как он полюбил, когда впервые он полюбил.	81
Первое послание, которое Нестан-Дареджан написала своему возлюбленному.	87
Первое послание, которое написал Тариэль своей возлюбленной	89
Сказ о том, как Тариэль написал послание и отправил человека к кхатавам .	91
Послание, написанное ханом кхатавов в ответ Тариэлю	94
Послание Тариэля к царю индийскому, когда он победил кхатавов	104
Послание Нестан-Дареджан к возлюбленному ее	109
Ответное послание Тариэля к возлюбленной его	111
Сказ о том, как Тариэль услышал об исчезновении Нестан-Дареджан . . .	121
Сказ о том, как Тариэль встретил Нурадина Фридона на морском берегу . .	125
Сказ о том, как Тариэль помог Фридону и как они восторжествовали над своими врагами	129

Сказ о том, как Фридон сообщает Тариэлю вести о Нестан-Дареджан . . .	131
Сказ о том, как Автандил возвратился в Арабию после того, как нашел Тариэля и расстался с ним	139
Сказ о том, как Автандил обратился с просьбой к царю Ростевану, и о том, что сказал ему визирь	148
Слова Автандила к Шермадину при тайном отбытии его	155
Завещание Автандила, посланное царю Ростевану при тайном отбытии его . .	158
Молитва Автандила и бегство его	162
Сказ о том, как царь Ростеван услышал об Автандиле и о тайном отбытии его.	164
Сказ о том, как вторично встретился Автандил с Тариэлем	167
Сказ о том, как направились Тариэль и Автандил к пещере и как увидели они Асмат	180
Сказ о том, как отправился Автандил к Фридону, когда он встретил его в Мульгхазанвари	186
Сказ о том, как прибыл Автандил к Фридону, когда он расстался с Тариэлем.	190
Сказ о том, как отбыл Автандил от Фридона, дабы отыскивать Нестан-Дареджан	199
Сказ о том, как прибыл Автандил в Гуляншаро	205
Сказ о том, как прибыл Автандил к Фатьме, как приняла она его и как велика была ее радость	208
Сказ о том, как полюбила Фатьма Автандила и как написала она ему послание свое	210
Любовное послание Фатьмы к Автандилу	212
Ответное послание Автандила к Фатьме	214
Сказ о том, как умертвил Автандил Шах-Нагира и двух его стражей	218
Сказ Фатьмы к Автандилу о Нестан-Дареджан	220
Сказ Фатьмы к Автандилу, как взяли каджи в полон Нестан-Дареджан . .	234
Послание Фатьмы к Нестан-Дареджан	243
Послание Нестан-Дареджан к Фатьме	246
Послание Нестан-Дареджан к возлюбленному ее	248
Послание Автандила к Фридону	253
Сказ о том, как отбыл Автандил из Гуляншаро и встретился с Тариэлем. .	255
Сказ о том, как отправились Тариэль и Автандил к Фридону	263
Сказ о том, как совещались Фридон, Автандил и Тариэль о нападении на твердыню Каджети	267
Сказ о том, как отправился Тариэль к царю Морей и к Фридону	273
Сказ о венчании Тариэля и Нестан-Дареджан Фридоном	279

Сказ о том, как снова идет Тариэль к пещере и видит сокровища	284
Сказ о свадьбе Автандила и Тинатин, волею царя арабского	293
Сказ о том, как Тариэль узнал о смерти индийского царя	298
Сказ о том, как Тариэль прибыл в Индию и как были покорены кетавы . . .	302
Сказ о том, как состоялась свадьба Тариэля и Нестан-Дареджан	308
Заключительные строфы	313

*Вступление и главы 1—47 переведены К. Бальмонтом, главы 48—50
и заключительные строфы — Е. Гарловской.*

Редактор И. М. Рубановский.
Художественная редакция
М. П. Сокольников.
Литер.-технич. наблюдение
В. В. Чешихина.
Техн. редактор Г. Л. Гилес
Наблюд. на производстве
Г. А. Батков.

***

Сдана в набор 19.VIII 1936 г.
Подписана к печати 2 XI.
Тираж 15 300, Уполномоч.
Главлита № Б-30125. Зак.
тип. № 899. «Ас» 225. Инд.
А-1. Бум. 82×110⁻¹ 16. Печ.
л. 20+34 вкл. У.-а. л. 16.

***

2-я тип. ОГИЗа РСФСР
треста «Полиграфнига»
«Печатный Двор» имени
А. М. Горького. Ленинград,
Гатчинский, 26.

Цена Р. 21
Переплет Р. 4